

**ФИЛОЛОГИЯ
И
ЧЕЛОВЕК**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 3

2019

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хофман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), П.В. Алексеев, М.П. Гребнева, В.Н. Карпухина, И.Ю. Колесов, Г.В. Кукуева, А.И. Куляпин, Е.В. Лукашевич, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, А.Т. Тыбыкова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, Е.И. Клинк, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 407.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: sovnet01@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: http://www.finc.asu.ru/philol_journal/

Адрес в системе РИНЦ: http://library.ru/title_about.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Н.Н. Шпильная. Деривационно-интерпретационный процесс и его следствия при объяснении языковых явлений в системе русского языка	7
О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина. Актуализация материнского языка в речи современного сельского жителя	18
В.А. Голянская, Н.В. Мельник. Стратегии и тактики политической манипуляции в СМИ.....	29
Д.А. Шляховой. Коммуникативные стратегии и способы выражения языковой личности блогера (на материале немецкой военной блогосферы).....	41
В.М. Егодурова. Лексика восточного календарного времяисчисления в русскоязычном романе М.И. Жигжитова «Год белой курицы»	54
Е.И. Абрамова. Лингвокультурный потенциал дендронима <i>oak</i> и англо-кельтский символизм дуба	66
Е.Ю. Сафронова. «Дядюшкин сон»: проблема жанра произведения Ф.М. Достоевского	82
Т.А. Богумил. Образ Барнаула в поэзии барнаульцев	101
И.В. Сергодеев. Интертекстуальность как генеральный смыслообразующий текстовый признак (на примере стихотворения Э. Дикинсон «Parting»)	115
Е.А. Вдовиченко, Г.И. Лушников. Дискурс любви в художественной литературе (на материале романа Эрика Шмитта «Попугай с площади Ареццо»).....	129
А.Ф. Корякина. Аналогии в сюжетных мотивах якутского олонхо и хакасского алыптых ныхмах	143

Научные сообщения

И.С. Пахомова. Специфика медицинского дискурса на материале аутентичных текстов по нейрохирургии	158
---	-----

М.И. Абдыжапарова, Т.В. Федосова. Образность в научном дискурсе Эрика Берна (на материале книг Э. Берна «Games People Play» и «What Do You Say after You Say “Hello?”»)	166
М.А. Васильченко. Стиль и «личность бренда» (на примере российской версии журнала «Форбс»)	179
К.В. Смирнов. Одиночество молчания, если его можно так назвать (образ Оленьки в романе С.Д. Хвоцинской «Городские и деревенские»)	188
А.И. Дреер, О.А. Скубач. Гетеротопия лагерного Севера в «Колымских рассказах» В. Шаламова	195

Филология: люди, факты, события

Т.В. Чернышова. Алтайский текст в русской культуре: об итогах работы Восьмой международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В.М. Шукшина (13–15 июня 2019 года, Алтайский государственный университет, г. Барнаул)	205
Резюме	211
Наши авторы	228

CONTENTS

Articles

N.N. Shpilnaya. Derivational-interpretative Process and Its Consequences, while Explaining Linguistic Phenomena in the Russian Language System	7
O.G. Borisova, L.Y. Kostina. Actualization of Mother Tongue in the Speech of a Contemporary Village Inhabitant	18
V.A. Golyanskaya, N.V. Melnik. Strategies and Tactics of Political Manipulation in the Media	29
D.A. Shliakhovoi. Communicative Strategies and Ways of Expressing the Blogger's Language Personality (Based on the German Military Blogosphere)	41
V.M. Egodurova. Lexis of the Eastern Calendar Time in the Russian-language Novel by M.I. Zhigzhitov <i>Year of the White Chicken</i>	54
E.I. Abramova. Linguocultural Potential of the Dedronym <i>Oak</i> and English-Celtic Oak Symbolism	66
E.Yu. Safronova. <i>Uncle's Dream</i> : on the Problem of Genre Definition of the Work by F. Dostoevsky	82
T.A. Bogumil. The Image of Barnaul in the Poetry of Its Citizens	101
I.V. Sergodeev. Intertextuality as Major Sense-Making Text Feature (Exemplified by E. Dickinson's Poem <i>Parting</i>)	115
E.A. Vdovichenko, G.I. Lushnikova. The Discourse of Love in Literature (Based on the Novel by Eric Schmitt <i>Les Perroquets de la Place d'Arezzo</i>)	129
A.F. Koryakina. Analogies in Plot Motifs of the Yakut Olonkho and Khakass Alyptykh Numack	143

Scientific reports

I.S. Pakhomova. The Specifics of Medical Discourse as Exemplified in Authentic Texts on Neurosurgery	158
---	-----

M.I. Abdyzhaparova, T.V. Fedosova. Imagery in Eric Berne’s Scientific Discourse (Case Study of Books <i>Games People Play</i> and <i>What Do You Say after You Say “Hello?”</i>).....	166
M.A. Vasilchenko. Style and Brand Personality (Case-Study of Forbes Russia)	179
K.V. Smirnov. Loneliness of Silence, if It Can Be Named So (The Image of Olenka in the Novel by S.D. Khvoshchinskaya <i>The City and Country Falks</i>)	188
A.I. Dreer, O.A. Skubach. Heterotopy of Labor Camp North in the <i>Kolyma Stories</i> by V. Shalamov	195

Philology: people, facts, events

T.V. Chernyshova. Altai Text in Russian Culture: Progress Report of the Eighth International Scientific Conference Themed around the 90th Anniversary of V.M. Shukshin (June 13-15, 2019, Altai State University, Russia).....	205
Summary	211
Our authors	228

СТАТЬИ

ДЕРИВАЦИОННО-ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И ЕГО СЛЕДСТВИЯ ПРИ ОБЪЯСНЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н.Н. Шпильная

Ключевые слова: деривация, интерпретация, деривационно-интерпретационный процесс, русский язык, уровневая модель языка.

Keywords: derivation, interpretation, derivational-interpretative process, the Russian language, levels of the language.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-01

1.1. Постановка проблемы

Несмотря на то, что еще в 1962 году Н. Хомский выступил против представления языка как модели, описываемой по принципу «непосредственно составляющих» [Хомский, URL], язык во многих работах представляется как порождающий конструктор, из которого мы можем составлять слова, предложения или даже целые тексты. Такое представление языка дано, например, в академических грамматиках [Русская грамматика, URL], в которых уровневая модель языка проецируется на онтологию генезиса языковых единиц (знаков). Динамика языка в таком случае заключается в конструировании языковых знаков разной степени сложности согласно их уровневой иерархии. В этом случае имеет место структурно-обусловленная деривация языковых единиц. При таком – структурном – подходе языковая единица в онтологии конструируется из единиц соседних уровней языковой системы. Например, лексема конструируется из морфем, морфема – из фонем или графофонем, словосочетание – из лексем, а предложение – из словосочетаний или сочетания лексем.

Монологический текст в этом случае предстает как единица, конструируемая из предложений (сложных синтаксических целых), а диалогический текст – как единица, конструируемая из монологических текстов.

Особенно актуален подобный подход в практике преподавания иностранных языков, когда на первый план выходит коммуникативная функция языка как *средства* общения – конструирования связного речевого целого. Учебники иностранного языка и методика преподавания иностранных языков строятся на основе структурной модели языка, грамматика которого подчиняется принципу «непосредственно составляющих». К примеру, сначала изучается лексика определенной тематической или коммуникативно-ситуационной группы, далее или параллельно с этим изучаются правила конструирования предложений из этих лексических единиц, причем конструирование предложений разной семантики – и прежде всего вопросительной – осуществляется посредством подстановки элемента на определенное место в синтаксической структуре. Нередко принцип «непосредственно составляющих» связывается с принципом деривации, на основе которого предлагается развивать письменноречевую деятельность инофона по линии усложнения синтаксических конструкций, об этом см., например, [Голев, 2015]. В таком подходе нетрудно увидеть логику усвоения и порождения языка, о которой писал в свое время и Н. Хомский [Хомский, URL]. Об этом также свидетельствует представление языковой компетенции как аналога системно-структурной модели языка [Шахнарович, 1995].

Эвристический потенциал гипотезы, согласно которой язык есть порождающий конструктор, несмотря на имеющиеся теоретические основания и прикладные сферы верификации, исчерпывается при объяснении многих языковых явлений, имеющих общетеоретический и прикладной (лингводидактический) характер. В общетеоретическом ключе не проясненными, к примеру, остаются вопросы об изменении акустического образа лексемы в потоке речи, о наличии в языке морфонологических процессов типа наложения морфем или усечения морфем или появления интерфиксов в составе слова или субститутивных (анафорических) замен на синтаксическом уровне при конструировании предложений в составе монологического текста или формальной взаимоподгонки реплик в ситуации диалога пр. Противоречит концепции языка как конструктора и наличие в языке идиоматических выражений, где смысл целого не выводится из смысла составных элементов. Решение этих и подобных вопросов не соотносится с концепцией языка как порождающего конструктора,

осуществляющего конструирование языковых единиц (знаков). В прикладном аспекте не ясна природа пересказа, который используется при обучении связной речи на иностранном и родном языках. Пересказ – это не просто вторичный текст, созданный на базе исходного для него текста; пересказ – это новый текст, создание которого возможно в случае овладения не столько механизмом конструирования, сколько механизмом, имеющим другую природу, – механизмом, предполагающим возможность интерпретации языкового знака, его означаемого и / или означающего.

Поднимая данные вопросы, мы пытаемся очертить границы новой концепции языка – языка как интерпретационно-деривационного механизма, обуславливающего взаимодействие тенденций к интерпретируемости и воспроизводству / производству языковых знаков. Безусловно, понимание языка как интерпретационного механизма не ново, по всей вероятности, оно восходит к идеям В. фон Гумбольдта об «особом мировидении» [Гумбольдт, URL] и находит свое проявление в русле когнитивной лингвистики, где язык рассматривается как система хранения и интерпретации знаний субъекта речи об окружающем его мире. Несколько иное представление интерпретационной сущности языка находит проявление в русле лингвистического интерпретационизма (подробнее см. в [Демьянков, 1999]), в рамках которого исследуется интерпретационный потенциал языковых единиц различных уровней языковой системы. Развиваемое в данной статье понимание языка обосновано нами в работе [Шпильная, 2016], где язык рассматривается как суппозиция для диалога с адресатом, а диалог в свою очередь рассматривается как процесс интерпретации формы (содержания) языкового знака, наблюдаемый в результате их (языковых знаков) взаимоподгонки. В статье мы попытаемся показать, что многие языковые явления можно рассматривать как следствия действия деривационно-интерпретационного процесса, объясняющего динамику (эволюцию) языковых знаков, их генезис и функционирование. Деривационно-интерпретационный процесс – это стержневая линия динамики языка в ситуации диалога, он пронизывает все уровни и планы языка, в том числе диахронический и синхронный планы существования языка в целом и его отдельных единиц в частности. Данный процесс объясняет генезис (производство / воспроизводство) языковых знаков, который осуществляется посредством интерпретации исходного – пресуппозиционного – знака и постзнака как будущего языкового знака. Вовлечение антропного фактора в динамику языковых процессов как имманентного фактора, присущего самой

языковой системе, позволяет по-иному объяснить многие языковые явления и процессы, имеющие место в системе языка.

Необходимость объяснения перечисленных выше языковых явлений возникает на фоне того, что данные языковые явления просто констатируются; причем ответ на вопрос, почему это происходит, не дается. В работе предлагается один из вариантов верификации гипотезы о деривационно-интерпретационном процессе как стержневой линии динамики языка, пронизывающей все уровни и пласты последнего. Кажущаяся «эджоковость» анализируемых языковых явлений (фактов) может быть объяснена многообразием языковых явлений, которые в рамках одной статьи просто невозможно рассмотреть (проанализировать). Наша цель – наметить принцип объяснения многих языковых явлений, возникающих в системе языка и / или тексте. Такая цель предполагает некоторую избирательность в выборе языковых фактов, подкрепляющих сформулированную гипотезу, но этот выбор осуществляется не с позиций «эджоковости», а с позиций показательности примера для подтверждения объяснительного потенциала гипотезы.

1.2. Деривационно-интерпретационный процесс и его роль в языковой системе и тексте

Деривационно-интерпретационный процесс – это, с одной стороны, третье измерение системных отношений в языке, а с другой стороны, – стержневой процесс, объясняющий динамику языка на различных уровнях языковой системы и в аспекте различных планов развития языка (синхронии и диахронии). Говоря о динамике языка, мы имеем в виду два процесса, один из которых связан с переходом языка в речь – речезыковую динамику, а другой – с механизмами интерпретации, сопровождающими производство и воспроизводство языковых знаков. Мы хотим сказать, что деривационно-интерпретационный процесс нейтрализует противопоставление языка и речи: языковые модели растворяются в речи, а речевые модели воспроизводятся в системных языковых отношениях. При этом переход от языка к речи и наоборот осуществляется благодаря действию механизмов интерпретации, коррелирующих с правилами трансформации языковых единиц и / или с прагматическим фокусом носителя языка, актуализирующим различные эмоциональные коннотации языковых единиц.

Интерпретационная динамика языковых единиц может касаться только плана выражения языкового знака или только плана содержания языкового знака, может быть связана с формальным взаимоприспособлением плана выражения двух языковых знаков и пр.

Главное в этих процессах – актуализация интерпретационного фокуса носителя языка, который, однако, может быть проявлен по-разному: либо как появление в языковом знаке незначимых формально-смысловых элементов, либо как изменение плана содержания или плана выражения языкового знака в синхроническом или диахроническом срезе, либо как изменение системного значения грамматической формы за счет актуализации речевого (контекстуального) значения (смысла), либо как появление дейктических (анафорических) элементов или парадигматических замен. Интерпретационный компонент в составе деривационно-интерпретационного процесса близок по своим функциям правилам трансформации, выделенным Н. Хомским [Хомский, URL]. Как известно, трансформация объясняла образование новых синтаксических структур, к примеру, преобразование предложений с действительным залогом в предложения со страдательным залогом, замену существительного на местоимение, сокращение существительного в структуре предложения и пр. Трансформационный компонент в современных работах по дериватологии обычно связывается со свертыванием, или компрессией информации в тексте [Мурзин, 1988], однако такое представление трансформации представляется чрезмерно упрощенным. Нам, скорее, ближе понимание трансформации, развиваемое С.Н. Цейтлин, изучающей правила формальной взаимоподгонки реплик детей в диалоге [Цейтлин, 2000] и отмечающей умение детей осуществлять акты формальной взаимоподгонки словоформ типа *твой – мой* в диалогических репликах. В таком случае интерпретационный компонент языковой способности носителя языка предшествует актам производства / воспроизводства языковых единиц, являясь их предпосылкой. В этом ключе можно объяснить появление звукоподражательных слов в языке, описываемое Ф. де Соссюром [Соссюр, 2010]. Последний обращается к анализу звукоподражаний (как контраргументу оппонентов, отстаивающих тезис о произвольности языкового знака), условно имитирующих определенные звуки. Он показывает, что подобные языковые знаки появляются в результате интерпретации языковых знаков, принятых за основу, в результате переосмысления их внутренней формы. Наличие в языке деривационно-интерпретационного процесса связано с тенденциями языкового знака к интерпретируемости и к неинтерпретируемости.

Говоря об интерпретационной составляющей актов производства / воспроизводства языковых единиц, отметим, что

интерпретация предполагает не только интерпретацию формы или означаемого языковой единицы, но и проявление прагматической составляющей интерпретационной деятельности, обнаруживаемой в актуализации субъективных элементов в актах языкового семиозиса.

О наличии в языке и тексте деривационно-интерпретационного процесса свидетельствует формальная взаимоподгонка реплик в диалоге, наблюдающаяся еще в речи детей [Цейтлин, 2000]. Это позволяет говорить о том, что деривационно-интерпретационный процесс связан с экстралингвистическими и антропными условиями возникновения и существования языка, к которым мы относим ситуацию диалога как ситуацию ответа и диалогичность языковой способности носителя языка [Шпильная, 2016].

Деривационно-интерпретационный процесс противопоставлен деривационно-мотивационному процессу, пронизывающему все уровни и планы языка без учета контекста реального использования языка – ситуации диалога [Голев, 1989]. Последний объясняет явления абсолютной и относительной мотивированности лексических и текстовых единиц, производные отношения в лексической подсистеме русского языка, рассматриваемые как проявление тенденций языкового знака к отражательности и условности. К примеру, деривационно-мотивационный процесс объясняет появление производных слов в системной цепочке типа *тигр* – *тигриный*, где деривация лексемы *тигриный* есть следствие ее мотивации лексемой *тигр*, входящей в состав производной основы. Однако генезис вторичного языкового знака в данном случае может быть также объяснен действием деривационно-интерпретационного процесса, так как имеет место не просто входение (отражение) производящей основы в состав производного слова, но и изменение плана выражения производящей основы [тигр¹], или взаимоприспособление плана выражения двух языковых знаков – пресуппозиционного и постзнака – с нулевым прагматическим фокусом. Такой подход возможен в силу признания диалога, предполагающего формальную и прагматическую взаимоподгонку языковых знаков, необходимым условием использования языка и предтечей деривационных процессов в языковой системе.

1.3. Следствия деривационно-интерпретационного процесса на различных уровнях языковой системы

В докторской диссертации [Шпильная, 2016] мы показали, что деривационно-интерпретационный процесс объясняет

эпидигматические отношения в текстовой подсистеме языка / речи. Мы попытались обосновать, что эпидигматические отношения в текстовой подсистеме языка обусловлены действием деривационного механизма диалогической цитации и сопряжены с прагматическим компонентом языковой деятельности, модусами *согласен, не согласен и нейтральным модусом*. Каким образом представлен деривационно-интерпретационный процесс на других уровнях языковой системы, мы не выявляли. Мы не ставим перед собой цель охарактеризовать все проявления деривационно-интерпретационного процесса, наша задача – очертить границы эвристического потенциала последнего.

1.3.1. Фонетические явления как следствия деривационно-интерпретационного процесса. Деривационно-интерпретационный процесс на фонетическом уровне языковой системы объясняет некоторые фонетические процессы, к примеру, ассимиляцию, позиционное оглушение согласных в конце слова, диссимиляцию, диерезу, редукцию гласных и пр. Так, например, ассимиляция может быть объяснена включенностью внешней формы языкового знака в деривационно-интерпретационный процесс, следствием чего является уподобление одного звука речи другому. Например, акустический образ лексемы *кружка* интерпретируется носителем языка в актах ее воспроизводства, следствием чего является изменение акустического означающего лексемы, которая приобретает звучание, обусловленное влиянием акустического образа будущего языкового знака и в частности будущего звука на предшествующий. Ср.: *крушка*. Здесь имеет место интерпретация звуков как элементов фонетической системы языка, обусловленная позицией звука в означающем лексемы. Аналогично: акустический образ лексемы *собака* интерпретируется носителем языка, причем интерпретация обуславливается слабой позицией фонемы *о*, которая начинается звучать как звук «а крышечкой». О наличии интерпретационных механизмов свидетельствуют диалектные явления в области безударного вокализма, в числе которых оканье и аканье. Различение фонем *а* и *о* или их неразличение обусловлено деривационно-интерпретационным процессом, который в одном случае интерпретирует языковое явление как оканье, а в другом случае – как аканье.

1.3.2. Лексические явления как следствия деривационно-интерпретационного процесса. На уровне лексики деривационно-интерпретационный процесс объясняет асимметричный дуализм языкового знака. Во-первых, он объясняет изменение плана

выражения при сохранении плана содержания лексемы, как, например, в словах *выя – шея*; во-вторых, он объясняет изменение плана содержания при сохранении плана выражения, как, например, в омонимичных лексемах *ключ – ключ*. В первом случае речь идет о синонимии языковых знаков, а во втором случае – об их омонимии. В-третьих, он объясняет возможность существования для одного и того же плана выражения нескольких планов содержания, к примеру, *медведь (животное) – медведь (человек)*. В этом случае речь идет о полисемантизме, в частности о метафорическом переосмыслении семантики лексической единицы.

1.3.3. Словообразовательные явления как следствия деривационно-интерпретационного процесса. Деривационно-интерпретационный процесс на уровне словообразования проявляется в генезисе вторичных языковых знаков – производных слов – при помощи различных формантов: суффиксального, префиксально-суффиксального, постфиксального и пр. Интерпретация наблюдается в преобразовании формы пресуппозиционного знака – *стол – стол'ик, окно – подоконник* и пр.

Деривационно-интерпретационный процесс на словообразовательном уровне объясняет также случаи субъективной интерпретации плана содержания и плана выражения пресуппозиционного знака в их единстве, к примеру, *прихватизация* (неодобрительная оценка); диалогические (производно-прагматические) отношения между одноуровневыми языковыми знаками наблюдаются и в ситуации экспрессивного словообразования (*ножище* – неодобрительное отношение к человеку, *ручки* – галантное отношение к человеку, *дядечка* – ласкательность). В указанных примерах прагматический модус, имеющий разные окраски, выражается как бы новой лексемой в целом.

1.3.4. Морфонологические явления как следствия деривационно-интерпретационного процесса. Нам представляется, что непрерывный деривационно-интерпретационный процесс объясняет формальное приспособление, или контаминацию, плана выражения (означающего) пресуппозиционного знака и постзнака; к примеру, морфонема и морфонологические процессы отражают факт формального приспособления двух морфем, следствием чего могут служить появление морфемы в словах типа *бросить – брошу*, интерфиксальной вставки в словах типа *лесостель, сеялка*,

наложение морфем (*приду* = при + иду), усечение морфем (*пальтишко* из пальто). В приводимых примерах актуализируется нейтральный прагматический модус; формальная интерпретация носит эксплицитный характер, что проявляется в актуализации формальных элементов, не имеющих самостоятельного смыслового значения, к ним мы относим интерфикс *о* или *л* и т.п.

1.3.5. Морфологические явления как следствия деривационно-интерпретационного процесса. На морфологическом уровне деривационно-интерпретационный процесс наблюдается, например, в актуализации грамматической семантики категории вида. Так, при выборе глагольной формы совершенного вида или несовершенного вида осуществляется акт генезиса соответствующей словоформы с учетом интерпретации референтной ситуации, по отношению к которой выбирается тот или иной вид глагола. См. подробнее в [Воронец, 2017]. Деривационно-интерпретационный процесс также наблюдается в актах генезиса (актуализации) глагольных словоформ со значением времени, которое может быть расщеплено на актуальное (речевое значение) и системно-языковое значение. К примеру, в высказывании *Пришел я сегодня в магазин* актуализация глагольной словоформы прошедшего времени осуществляется параллельно с интерпретацией речевого контекста и появлением лексического компонента значения настоящего времени *сегодня* в синтагме.

1.3.6. Синтаксические явления как следствия деривационно-интерпретационного процесса. Проявлением деривационно-интерпретационного процесса на синтаксическом уровне языковой системы являются слова-субтитуты, служащие в качестве средств связи синтаксических конструкций в составе целого – текста и выполняющие анафорические функции. К словам-субтитутам относим местоимения *он, она, оно, они* и парадигматические замены в рамках номинативной цепочки типа *он – журналист – Иванов М.В.* и пр. Все случаи трансформации синтаксических структур при построении монологических текстов – преобразование предложений с действительным залогом в предложения со страдательным залогом, замену существительного на местоимение, сокращение существительного и пр. – также могут быть объяснены деривационно-интерпретационным процессом.

1.3.7. Языковые явления на текстовом уровне как следствия деривационно-интерпретационного процесса. Одним из наиболее ярких проявлений деривационно-интерпретационного процесса на текстовом уровне языковой системы служит пересказ

текста, предполагающий интерпретацию формы исходного текста и интерпретацию его означающего, формальные взаимозамены и пр. К собственно текстовым проявлениям деривационно-интерпретационного процесса относят случаи формальной взаимоподгонки реплик в диалоге, о которой писала С.Н. Цейтлин [Цейтлин, 2000], согласно работам которой в актах деривации диалогических высказываний наблюдаются уподобление, например, местоимений – Как у *тебя* дела? У *меня* все хорошо. Неслучайно, наверное, при изучении иностранного языка одним из самых сложных заданий является не описание, например, картины, предполагающее конструирование предложений в связанное речевое целое, а пересказ иностранного текста, его реферирование и «разыгрывание» диалога. В этом случае важно учитывать действующий в языке деривационно-интерпретационный процесс, оказывающий влияние на интерпретацию формы пресуппозиционного знака и постзнака.

1.4. Выводы

Концепция языка как порождающего конструктора не объясняет многие языковые явления на различных уровнях системы языка, то есть является неудовлетворительной.

Однако эти явления объясняются, если признать в качестве движущей силы эволюции (генезиса) языковых знаков деривационно-интерпретационный процесс.

Деривационно-интерпретационный процесс объясняет формальную и семантическую взаимоподгонку языковых единиц на различных уровнях языковой системы – фонетическом (фонологическом), лексическом, словообразовательном, морфонологическом, морфологическом, синтаксическом и текстовом.

Литература

Воронец М.В. Противопоставление несовершенного – совершенного вида как оппозиция действия и предела. Экспериментальное исследование: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2017.

Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.

Голев Н.Д. Электронная переписка как стратегия и тактика обучения иностранным языкам (лингводидактический проект) // Язык и культура. 2015. № 2 (30).

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/325096/read#t2>

Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. М., 1999. № 2.

Мурзин Л.Н. Текст – номинация – лексема // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности. Пермь, 1988.

Русская грамматика: в 2-х тт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusgram.narod.ru/>

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999.

Хомский Н. Синтаксические структуры. [Электронный ресурс]. URL: <https://sci.house/obschaya-lingvistika-scibook/homskiy-sintaksicheskie-strukturyi-106965.html>

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.

Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.

Шпильная Н.Н. Русский диалогический текст: деривационный аспект: дис. ... док. филол. наук. Кемерово, 2016.

References

Voronec M.V. *Protivopostavlenie nesovershennogo – sovershennogo vida kak oppozicija dejstvija i predela. Eksperimental'noe issledovanie* [The Opposition of the Imperfect – the Perfect Form as the Opposition of Action and Limit. Experimental Study]. Cand. of Philol. Diss. Kemerovo, 2017.

Golev N.D. *Dinamicheskij aspekt leksicheskoj motivacii* [Dynamic Aspect of Lexical Motivation]. Tomsk, 1989.

Golev N.D. *Elektronnaja perepiska kak strategija i taktika obuchenija inostrannym jazykam (lingvodidakticheskij projekt)* [Electronic Correspondence as a Strategy and Tactics for Teaching Foreign Languages (linguodidactic project)]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. 2015. No. 2 (30).

Humboldt V. fon. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [Selected Works on Linguistics]. URL: <http://lib.rus.ec/b/325096/read#t2>

Dem'jankov V.Z. *Interpretacija kak instrument i kak ob'ekt lingvistiki* [Interpretation as a Tool and as an Object of Linguistics]. *Voprosy filologii* [Philology Issues]. Moskva, 1999. No. 2.

Murzin L.N. *Tekst – nominacija – leksema* [Text – Nomination – Lexeme]. *Leksicheskie aspekty v sisteme professional'no-orientirovannogo obuchenija inozajzchnoj rechevoj dejatel'nosti* [Lexical Aspects in the System of Vocational-Oriented Learning of Foreign Language Speech Activity]. Perm', 1988.

Russkaja grammatika. V 2-h t. [Russian grammar. In 2 vols.] URL: <http://www.rusgram.narod.ru/>

Saussure F. *Kurs obwej lingvistiki* [General Linguistics Course]. Екатеринбург, 1999.

Chomsky N. *Sintaksicheskie struktury* [Syntactic Structures]. URL: <https://sci.house/obschaya-lingvistika-scibook/homskiy-sintaksicheskie-strukturyi-106965.html>

Cejtlin S.N. *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoj rechi* [Language and Child: Linguistic of Children's Speech]. Moskva, 2000.

Shahnarovich A.M. *Jazykovaja lichnost' i jazykovaja sposobnost'* [Language Personality and Language Ability]. *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'* [Language is a System. Language is Text. Language – Ability]. Moskva, 1995.

Shpil'naja N.N. *Russkij dialogicheskij tekst: derivacionnyj aspekt* [Russian Dialog Text: the Derivational Aspect]. Doc. of Philol. Diss. Kemerovo, 2016.

АКТУАЛИЗАЦИЯ МАТЕРИНСКОГО ЯЗЫКА В РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО СЕЛЬСКОГО ЖИТЕЛЯ

О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина

Ключевые слова: языковая личность, кубанский диалект, метаязыковое сознание.

Keywords: language personality, Kuban dialect, metalanguage consciousness.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-02

Для современной антропоцентрической лингвистики характерно обращение к изучению феномена языковой личности в различных аспектах: когнитивном, коммуникативно-деятельностном, лингвокультурологическом и др. Интерес исследователей к языковой личности способствовал становлению отдельной области научного знания – лингвоперсонологии [Иванцова, 2010; Мельник, 2011 и др.]. Учеными разработана разветвленная типология языковых личностей, определяющая различные статусы их существования: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В.П. Нерознак), этносемантическая языковая личность (С.Г. Воркачев), элитарная (Т.В. Кочеткова, О.Б. Сиротинина), семиологическая (А.Г. Баранов), русская (Ю.Н. Караулов), языковая и речевая (Л.П. Клобукова, Ю.Е. Прохоров), словарная (В.И. Карасик), эмоциональная (В.И. Шаховский), письменная и читающая (В.В. Наумов), языковая личность западной и восточной культур (Т.Н. Снитко), языковая личность «средневекового человека» (Т.И. Вендина), фольклорная (С.Е. Никитина) и др. В центре внимания диалектологов находится диалектная языковая личность (К.И. Демидова, Е.В. Иванцова, В.Д. Лютикова, В.П. Тимофеев и др.). Помимо описаний характеристик языковой личности непосредственных носителей говора изучается и языковая личность бывшего сельского жителя. М.В. Власкова называет его бывшим диалектоносителем, при этом подчеркивая, что данная характеристика условна, поскольку «в определенной мере он продолжает оставаться таковым» [Власкова, 2012].

В современных условиях нивелирования народных говоров ценность для диалектолога представляет каждый человек, в речи которого проявляются диалектные черты. Безусловно, в первую очередь собиратель записывает представителей старшего поколения,

однако и их потомки, владеющие литературным языком, имеющие высшее и среднее специальное образование, могут также представлять интерес в диалектологическом плане. Среди них выделяются информанты, владеющие диалектно-литературным двуязычием, то есть способные переходить с литературного языка на диалект и наоборот в зависимости от модуса коммуникации. В Краснодарском крае переключение кода свойственно многим жителям тех сельских населенных пунктов, где исторически складывались кубанские говоры с украинской языковой основой. Для носителей же кубанских говоров с южнорусской языковой основой подобное явление невозможно в силу близости южнорусских говоров к литературному языку.

К другой категории информантов можно отнести *ретроспективных хранителей говора*, которые способны к реконструкции отдельных диалектных фонетических, грамматических и лексических особенностей языка своих земляков. Среди них выделяются сельские жители, хранящие в пассивном запасе лексические единицы местного говора и воспроизводящие их в беседе с диалектологом, отвечая на конкретные вопросы. Отдельную группу ретроспективных хранителей говора образуют носители литературного языка, вернувшиеся в определенном возрасте к материнской основе речи (говору), сформированной еще в раннем детстве. Как правило, это явление, получившее название *языкового регресса*, происходит в старости, на что указывается в научной литературе [Белякова, 2005; Калнынь, 2007; Коготкова, 1970; Скитова, 1966]. По нашим данным, такое речевое поведение характерно и для лиц, достигших 50 лет. Так, наблюдения над речью научного сотрудника музея казачьего быта ст-цы Старотитаровской, ее коренной жительницы, О.Н. Упарь, 1963 года рождения, которые ведутся с 2006 года, показали, что до 50 лет в ее речи практически отсутствовали диалектные черты. Однако заметно они стали проявляться после достижения ею этого возраста. Следует отметить, что языковой регресс – явление неосознанное, диалектные черты возникают в речи информантов спонтанно.

Между тем среди ретроспективных хранителей говора выделяются языковые личности, осознанно сохраняющие в памяти диалектные слова и фразеологизмы, пословицы, поговорки, воспроизводя их в диалектной огласовке. Полагаем, что подобное речевое поведение можно назвать *сознательной актуализацией материнского говора в языковом сознании современного сельского жителя*.

Один из таких информантов – житель станицы Натухаевской (г. Новороссийск) Комерзан Николай Александрович, 1975 года

рождения, знакомство с которым произошло во время диалектологической практики в июле 2018 года. Ее руководители и студенты проживали в здании бывшей церкви в центре станицы. Николай Александрович патрулировал центральные улицы и обратил внимание на скопление молодежи. Узнав, что это участники экспедиции, Н.А. Комерзан сразу проявил к ней живой интерес. Из беседы с ним мы узнали, что он шестой, поздний ребенок в семье. Когда он родился, матери исполнилось 45 лет, а отцу – 50. Его родители, коренные кубанцы, говорили на кубанском говоре с украинской языковой основой и не владели русским литературным языком. Николай Александрович вырос в диалектной языковой стихии. По его признанию, «это была атмосфера жизни». Особое влияние на информанта оказала мама – Новикова Мария Григорьевна, 1931 года рождения, обладавшая независимым, казачьим характером. Она любила петь народные песни и приучила к этому младшего сына. Н.А. Комерзан рассказал, как во время болезни бабушки жил у нее вместе с матерью на другом краю станицы и их любимым вечерним времяпрепровождением было пение. Именно от матери передалась Николаю Александровичу любовь к родному языку. По словам Н.А. Комерзана, в ее речи «было много различных изречений, по которым можно диссертацию писать».

Размышления Н.А. Комерзана о говоре демонстрируют, что наш информант обладает развитым метаязыковым сознанием. Как известно, наличие языкового сознания, представляющего собой механизм регуляции человеческих отношений с миром посредством языка [Иванцова, 2009; Ростова, 2000], – главный признак языковой личности. Категория языкового сознания понимается нами «как некое моделирующее устройство, с помощью которого можно конструировать знания, мнения, впечатления говорящих об определенных фрагментах действительности, сформированные в виде когнитивных структур, а также описывать семантику слов как достояния индивида» [Бутакова, 2011, с. 27]. Различают глубинный уровень языкового сознания (предмет изучения психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингводидактики, семасиологии, лингвистики текста, лингвокультурологии) и поверхностный уровень языкового сознания – метаязыковое сознание (МЯС), наиболее ярким проявлением которого являются «вербализованные суждения о языке как результат осознания языковой действительности» [Ростова, 2000, с. 55]. Важно подчеркнуть, что склонность к рассуждениям о родном говоре – характерная черта языковой личности Н.А. Комерзана. По признанию Николая Александровича, его всегда волновала судьба

местного диалекта, он пытался фиксировать диалектные слова и выражения (записи оказались, к сожалению, утраченными), отмечал для себя неповсеместное владение говором коренных жителей станицы старшего поколения (показательны его замечания о близости к разговорному литературному языку речи малообразованной бабушки жены). Рефлексия по поводу материнского языка особенно наглядно прослеживается в рассказах информанта, в которых присутствуют маркеры проявлений МЯС. Это, например, оценочные характеристики говора, констатация объединяющего начала материнского языка, выполняющего функцию скрепы сельского коллектива, сожаление по поводу размывания диалекта, осознание невозможности реконструкции местного говора в его архаическом состоянии, а поэтому важности сбора диалектного языкового материала с целью сохранения диалекта как части традиционной народной культуры. См. фрагмент беседы (здесь и далее речь Н.А. Комерзана приводится в орфографической записи; способом малограмотного письма подаются диалектные слова и фразы, сказанные на говоре): *А вы знаете, здесь вот наш регион, вот наше место, Натухаевская, здесь такой замес: здесь замес и казаков, и молдаван, и армяней, здесь столько народностей живет. И это все в совокупности дает что-то такое вот, то, что есть. Вот сейчас, кстати, менталитет очень сильно меняется, вот я еще запомнил то, когда это было, действительно это было, ну вот, я не знаю как, может быть, и тогда смущался, говоря об этом. Вот сейчас этот диалект, этот говор, его не услышишь. А когда присутствуешь где-нибудь, например, на поминках, там уже поминают старика какого-то, и вот эти вот люди того времени собираются вместе, и они начинают там разговаривать, там, как они поминают, как они смотрят, как они друг друга поддерживают, и это возродить, мне кажется, невозможно. Почему? Потому что люди в тот момент пережили голодовку, видели предательство, когда здесь все же друг друга знали, а тот полицаем был, вот сидел. И все это замешено еще на вот этом диалекте, на говоре. И когда это рассказывается, это просто, это не разговор, это песня, которая льется... Ребят, а вот вы занимаетесь таким интересным делом. И вот для меня, например, насколько это богатый язык, насколько он обширный, сколько там много разных слов, значений. И это все нужно воспринять, осмыслить, и насколько вот и это наше все. И вот, я не знаю, я так немножко ревностно отношусь, когда мы начинаем, у нас вон какая богатая, богатейшая культура, а мы начинаем заимствовать еще какие-то там непонятные заморские слова.*

МЯС может проявляться и в комбинации коммуникативных регистров в речи информанта. В структуре текста, как известно, выделяют следующие коммуникативные регистры: *репродуктивный* (воспроизведение непосредственно наблюдаемого говорящим, при этом субъект речи находится в хронотопе происходящего), *информативный* (сообщение о фактах, событиях свойствах, не прикрепленных к единому с субъектом речи хронотопу; отражение сферы знания, полученного в результате опыта, многократного наблюдения, осмысления), *генеритивный* (обобщение информации, связанной с универсальным опытом человечества, накопленным веками), *волюнтативный* (побуждение адресата к действию, требование внести изменения во фрагмент действительности) и *реактивный* (оценочная реакция на ситуацию) [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004]. Анализ фрагментов речи Н.А. Комерзана демонстрирует, что в ней преобладает информативный регистр, присутствие в котором реактивного регистра речи в качестве своеобразного эмоционального комментария позволяет передать глубокую озабоченность информанта утратой языковой преемственности поколений из-за ухода из жизни носителей традиционной культуры. Высказывания в репродуктивном регистре, в которых анализируется современная языковая ситуация, также содержат сожаление информанта о нивелировании местного диалекта. Отметим, что реактивный регистр присущ диалогической речи, однако в данном случае он не открывает формального диалога, транслируя в рамках монолога эмоциональное состояние рассказчика и его оценку современной языковой ситуации. Комбинаторика информативного и реактивного регистров речи осложняется появлением генеритивного регистра, для которого характерны обобщение информации, актуализация рефлексии рассказчика, презентация его душевных переживаний. Генеритивное высказывание обычно облекается в форму умозаключения, сентенции, афоризма, пословицы. В нашем случае это образное высказывание: *Говор – это песня, которая льется*.

В диалогической речи Н.А. Комерзана (полилоге со студентами-практикантами) ведущим коммуникативным регистром речи является волюнтативный. В нем содержится побуждение адресатов к действию, призывы использовать диалектные слова и ограничить число «заморских слов». Так, Н.А. Комерзан обращает внимание студентов на экспрессивность и выразительность существительного *выхаля'сы* 'вычурное поведение, выкрутасы'. Лексема *выхаля'сы*, по всей вероятности, является производной от глагола *халясува'ти* 'танцевать, плясать' [Гринченко, III, с. 385], который в СУМ имеет помету диал.

(диалектное) [СУМ, 11, с. 15]. В наших материалах данный глагол не зафиксирован, на Кубани широко бытует его синоним *танцюва'ты*. Диалектное существительное образовано по той же деривационной модели, что и разговорное *выкрута'сы* 'Затейливые, замысловатые телодвижения, па или причудливые росчерки, линии и т.д.' [МАС, I, с. 262]. Это экспрессивное существительное информант настоятельно советует студентам ввести в свой лексикон: *Выхалясы – выходки. Можем вот, например, кепку там одел, и тоже выхалясами можно назвать. Или какой-то поступок такой вот, который там сделал, – выпендрился, что-то такое. А если вот вы, как специалисты в этом вопросе, нахваталися таких фишечек и давай их популяризировать, в общество закидывать. Что мы будем равняться там на кого-то, у нас свое есть. И будем выхалясы такие...*

Сознательная актуализация материнского говора проявляется в способности к воспроизведению диалектной лексики и фразеологии. Н.А. Комерзан в беседе с диалектологом свободно приводит целые ряды диалектных слов: *база'рь* 'базар', *бе'[э]ле[э]бэнь* 'холодный, пронизывающий ветер, дующий на открытом пространстве', *валухова'тый* 'медлительный, нерасторопный, неповоротливый', *во'хкий, глыквы'й* 'плохо пропеченный, сыроватый', *вы'лупок* 'груб. маленький ребенок', *вытрешкоо'кий* 'с большими глазами', *голодо'вка* 'голод', *дывы'ться* 'смотреть', *засмыга'ться* 'курить (закурить), затянуться папиросой', *кабы'ця* 'углубленная в землю глиняная печь, на которой готовили во дворе с ранней весны до поздней осени', *леда'чий* 'ленивый', *ловкий* 'красивый', *луна'тый* 'большеглазый, с глазами навывкате', *моторок* 'мотороллер', *мы'тусь, мы'тусем* 'о людях, лежащих головами в противоположные стороны', *найти' (сь)* 'родить(ся)', *прийма'к* 'муж, живущий в доме жены', *родыча'ться* 'поддерживать близкие отношения с родственниками', *цыка'вый* 'язвительный, острый на язык', *чау'н* 'горшок, сосуд, чугунок' и др. В словарном запасе информанта, помимо диалектных слов, есть много устойчивых выражений: *быка'м хвосты' круты'ть* 'заниматься непрестижным трудом', *бурьяны' в о'кна загляда'ют* 'о заросшем огороде', *каза'к на коне', а дефчи'на в пе[э]ле[э]не'* 'о том, что жена казака должна быть значительно моложе мужа', *як а'нгел ха'ту пе[э]ре[э]ле[э]те'л* 'о тишине в доме, когда дети перестали шуметь', *як све[э]кр пе[э]люшки' стира'ть* 'чем-л. маловероятном, невозможном' и др. Функционирующие в речи языковой личности фразеологизмы составляют тот фонд, который способствует «рассмотрению ее на когнитивном уровне, когда единицы отражают

относительно устоявшуюся картину мира носителя» [Юнаковская, 2011, с. 60].

Особенно ценной в работе с данным информантом оказалась фиксация слов и устойчивых выражений, не зарегистрированных в картотеке и словарях кубанских говоров. Так, было записано сложное прилагательное *до'лготеле'сый* 'высокий и стройный', образованное путем сложения двух корней ДОЛГ- и ТЕЛЕС-. Первый корень ДОЛГ- 'длинный' в кубанских говорах имеет произносительный вариант ДОВГ- (чередование [Л] с губно-губным [В]; см., например: *до'л(в)гий*, *дол(в)гоно'сый* и др.). В украинском языке в аналогичном значении функционирует прилагательное *довготеле'сий* [Гринченко, I, с. 402]. В речи нашего информанта наблюдается русифицированная огласовка диалектного слова. Обращает на себя внимание изменение коннотации лексемы: нейтральная в материнском языке и неодобрительная в кубанском говоре. См. высказывание информанта: *Долготэлэса – высокая, стройная девочка. На данный момент это модельная внешность. Это вот долготэлэса. А раньше была мода на небольших, слегка полненьких девочек. А если она долготэлэса, то, наверное, она болеет чем-то.*

К не зафиксированным в картотеке кубанских говоров относятся и некоторые устойчивые выражения, приведенные Н.А. Комерзаном. Например, *коса'рьский пирижо'к* 'большой пирожок с большим количеством начинки': *К нас пундыков нема. У нас только пирижки косарьские. Ну, косарьскими пирижками называли большой пирожок, где много начинки. Ну, косарьский пирижок один взял и наелся. Ко'сарь затрачивает много сил на покосе. Не поешь – косы не потянешь.* Традиционно на Кубани *пу'ндыками* называют что-то вкусное, десерт, из пояснений же информанта следует, что *пу'ндыкы* – это маленькие, аккуратные пирожки, показатели мастерства хозяйки, способной приготовить изысканное блюдо. В этом случае *коса'рьские пирижки'* противопоставляются *пу'ндыкам* и по размеру, и по количеству начинки.

Устойчивое выражение *як/как не[э]дре'[э']бынькиви кони* 'о паре, где мужчина ниже женщины по росту'. Приведем контекст, в котором отражается склонность информанта к народной этимологии: *Нэдрэбынькиви кони, нэдрэбынькиви кони – это вот у меня когда супруга одевает кабдуки, и вот мама говорила: «О, как нэдрэбынькиви кони». Это што? Это, значит, когда муж ниже своей супруги. Это было, а почему так, я не знаю. Я вот так потом рассуждал: думаю, может, у этого фамилия была, Нэдрэбынь, и у него кони были разноуровневые... Возможно, данное выражение было*

индивидуализмом матери информанта, речь которой, по воспоминаниям Николая Александровича, отличалась образностью и экспрессивностью.

В речи родителей и их друзей Н.А. Комерзан часто слышал и фразеологизм-словоформу *до /у Батёхи* ‘на кладбище’ (местный житель по фамилии Батёха был смотрителем станичного кладбища). Приведем рассказ информанта: *Фамилия Батёха здесь у нас есть, в станице живут сейчас. А вот у стариков, у того поколения, которые ну вот дружили с моими родителями, и вот у них там было между собой такое выражение: та мне уже до Батёхи пора, или когда, например, что-то трудное, там работать: да у Батёхи отдохнем уже, то есть это значит там, на кладбище, уже отдохнем.* Следует отметить, что в отдельных населенных пунктах Краснодарского края нами также зафиксированы локальные варианты выражения *на кладбище*, например: *в сирень* (ст-ца Владимировская Лабинского района), *на пятую сотню* (с. Кулешовка Белоглинского района). Но в отличие от приведенных выражений, активно функционирующих в говорах указанных населенных пунктов, в ст-це Натухаевской фразеологизм *до /у Батёхи* в настоящее время местными жителями уже не используется.

Фразеологизм *ко́зы лы́жут(ь)* ‘кто-либо испытывает проникающий под одежду холод’ равен по структуре простому двусоставному предложению. Информант приводит его в своеобразном анекдотическом контексте: *А, козы лыжут? Это я вам могу один такой сказать, ну анекдот, или присказку, рассказать. Когда в сарае спят два: баран и козел, и утром баран просыпается, на нем изморозь такая, слегка там снежком его припорошило, и он, значит, такой сразу: «Ну, морозец». А козел такой: «Сейчас вэээчер». Трясется. То есть мех, скажем так, или шкура козья эта его, ну, если использовать, то очень редко, это была́ ненадежная в мороз. А то выражение, что козы лыжут, это вот когда оделся тепло, да холодом обдает, холодно. И вот там, ну вот как, стоит вот, ну оделся молодой парень, собираешься там на дискотеку или еще куда-нибудь. Ну в молодости оделся, вышел и, ну, начинаешь подмерзать, и дед такой какой-нибудь в тулупе стоит: «Што, козы лыжуть?» Ну эта вот, вот так вот.*

Анализ речи информанта показал, что он часто использует пословицы и поговорки, в которых заложены аксиологические ориентиры, унаследованные им от старшего поколения. Николай Александрович считает важным передать их и своему сыну. Многие паремии Н.А. Комерзан впервые услышал от матери. См., например:

Она (мама) была такая вот, у нее столько была различных изречений. Ну вот: «Дывы'сь, Мыко'ла, за свои'мы колэ'самы, як кру'тяця». Я его часто употребляю в нынешней, повседневной жизни, когда начинаются какие-то осуждения, чего-либо там, других людей или какой-то жизненной ситуации, то я всегда это вспоминаю, привожу в пример. Это вот даже для вас, для молодого поколения, можно. Я сыну своему (сын у меня, двадцать один год), это ставлю в пример и говорю вот, теперь ему говорю: «Тэпэр дывись, Сашко, за своими колэсами, як крутяця, як мэни мама казала ф свае время». Вот. Поэтому нужно смотреть за своими поступками, за своими действиями, за своим поведением, за своим мировосприятием, то есть за собой, а не осуждать других и так далее.

Со слов матери информант запомнил еще одну рифмованную поговорку *молчи' и дыш, и будэ бары'ш*, которая вошла в его активный словарь. См. рассуждения информанта: «*Мыкола, малчи и дыш, и будэ барыш*». Когда начинаются, скажем так, проблемы, ну не проблемы, может быть, осуждения, не осуждения, а критика либо власти, либо непосредственно своего руководства, начальства, а эта, ну, каким-то образом же, может быть, потом получить за это наказание, правильно? И поэтому вот здесь вот такое вот выражение. Эта что значит: *молчи ровненько, дыши, и будут тебе потом какие-то дивиденды. А если будешь там воздыхать, там что-то не нравится или еще что-то, то получишь по голове патом. Вот.*

Рифмованность поговорки: *Ко'зий тулу'п и тополи'ни дро'ва – и смерть гото'ва* – также способствует ее запоминанию. Смысл поговорки состоит в том, что тулуп из меха козы не согревает зимой, а дрова из тополя быстро прогорают и не дают жара. Отсюда народная мудрость, предупреждающая о последствиях недальновидной подготовки к холодам.

Отличительной способностью Н.А. Комерзана является его способность передавать фольклорные тексты в современной, авторской интерпретации. См., например, пересказ известной на Кубани шуточной истории про *мыгы'чку* ('мелкий моросящий дождь со снегом'): *А про мыгычку вы знаете? Ну это дед с внуком едут у базарь. Ну на чем едут? Конечно, не на мерседесе, а на подводе. И идет мелкая изморось, а дед глуховат, а еще самогоночки подкинул. И вот это, с утра выехали раненько и едут. А внук же спрашивает: «Диду, шо цэ идэ?» «Та цэ мыгычка». Несколько раз задавал внук этот вопрос. А дед: «Та цэ мыгычка». И опять кунять. А внук и говорит: «Диду, ця мыгычка сыйила нашэ тэлычко». В данном пересказе обращает на себя внимание русифицированная форма *сый'ла* (вместо*

диалектного *зѣла*), последовательное использование архаической звательной формы *ди́ду*, указательного местоимения *це, ця* ‘это, эта’, формы глагола 3-го л., ед. ч. *идэ́* без конечного [Т], диалектной лексики: фонематического диалектизма *база́рь*, существительного среднего рода *телы́чко* ‘телка’, глагола *куня́ть* ‘дремать, клевать носом’.

Анализ речевого поведения Н.А. Комерзана позволяет заключить, что он представляет собой особый тип языковой личности. Ретроспективный хранитель говора, Николай Александрович сознательно актуализирует в своей речи материнский язык, что во многом обусловлено развитым МЯС. Ценность таких информантов возрастает в современных условиях нивелирования говоров. Считаем правомерным привлекать их к сбору языкового материала, что позволит максимально полно зафиксировать прежде всего диалектную лексику и фразеологию.

Литература

- Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале лексики и фразеологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области): дис. ... док. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
- Бутакова Л.О. Лингвистическое моделирование этнических фрагментов регионального языкового сознания // Филология и человек. 2011. № 3.
- Власкова М.В. Языковая личность бывшего сельского жителя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2012.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Иванцова Е.В. Метаязыковое сознание диалектной языковой личности // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. Кемерово; Барнаул, 2009.
- Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности. Томск, 2010.
- Калынь Л.Э. Лексика русских диалектов в связи с воздействием на них литературного языка // Межязыковое влияние истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М., 2007.
- Коготкова Т.С. Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
- Мельник Н.В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1.
- Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск, 2000.
- Скитова Ф.Л. Явление регресса и эволюции речевой практики поколения // Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию. Ч. II. Самарканд, 1966.
- Юнаковская А.А. Фразеологический аспект описания конкретной речевой личности // Филология и человек. 2011. № 1.

Список словарей

- Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка: в 4-х тт. Киев, 1958.
Словарь русского языка: в 4-х тт. М., 1957–1961. (МАС)
Словник української мови. Київ, 1970–1980. (СУМ)

References

- Belyakova S.M. *Obraz vremeni v dialektnoy kartine mira (na materiale leksiki i frazeologii russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoj oblasti)* [Image of Time in a Dialect Picture of the World (on material of lexicon and phraseology of Russians the starozhilcheskikh of dialects of the South of the Tyumen region)]. Cand. of Philol. Diss. Ekaterinburg, 2005.
- Butakova L.O. *Lingvisticheskoe modelirovanie etnicheskikh fragmentov regional'nogo yazykovogo soznaniya* [Linguistic Modeling of Ethnic Fragments of Regional Language Consciousness]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2011. No. 3.
- Vlaskova M.V. *Yazykovaya lichnost' byvshego sel'skogo zhitelya* [Language Personality of the Former Villager]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Kirov, 2012.
- Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of Russian Language]. Moskva, 2004.
- Ivancova E.V. *Metazykovoe soznanie dialektnoj yazykovoj lichnosti* [Metalinguistic Consciousness of a Dialectal Language Personality]. In: *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary Metalinguistic Consciousness: Ontological and Epistemological Aspects]. Kemerovo; Barnaul, 2009. Pt. I.
- Ivancova E.V. *Lingvopersonologiya: osnovy teorii yazykovoj lichnosti* [Lingvopersonology: Fundamentals of the Language Personality Theory]. Tomsk, 2010.
- Kalnyn' L.E. *Leksika russkikh dialektov v svyazi s vozdeystviem na nikh literaturnogo yazyka* [Lexicon of the Russian Dialects in Connection with Impact on Them of the Literary Language]. In: *Mezh'yazykovoe vliyanie istorii slavyanskikh yazykov i dialektov: sotsiokul'turnyy aspekt* [Interlingual Influence of History of Slavic Languages and Dialects: Sociocultural Aspect]. Moskva, 2007.
- Kogotkova T.S. *Literaturnyy yazyk i dialekty* [Literary Language and Dialects]. In: *Aktual'nye problemy kul'tury rechi* [Current Problems of the Standard of Speech]. Moskva, 1970.
- Mel'nik N.V. *Yazykovaya lichnost' i tekst kak predmet lingvopersonologii russkogo yazyka* [The Linguistic Personality and the Text as a Subject of Linguistic Personality of the Russian Language]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2011. No. 1.
- Rostova A.N. *Metatekst kak forma eksplikatsii metazykovogo soznaniya* [Metatext as Form of an Explication of Metalanguage Consciousness]. Tomsk, 2000.
- Skitova F.L. *Yavlenie regressa i evolyutsii rechevoy praktiki pokoleniya* [Phenomenon of Regress and Evolution of Speech Practice of Generation]. *Materialy Vsesoyuznoy konferentsii po obshchemu yazykoznaniyu* [Materials of the All-Union conference on general linguistics]. Samarkand, 1966. Pt. II.
- Yunakovskaya A.A. *Frazeologicheskij aspekt opisaniya konkretnoj rechevoy lichnosti* [Phraseological Aspect of the Description of a Specific Speech Personality]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2011. No. 1.

List of dictionaries

Grinchenko B.D. *Slovar' ukrainskogo yazyka* [Dictionary of Ukrainian Language]. In 4 vols. Kiev, 1958.

Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of Russian Language]. In 4 vols. Moskva, 1957–1961. (MAS)

Slovník ukrains'koi movi [Dictionary of Ukrainian Language]. Kiev, 1970–1980. (SUM)

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В СМИ¹

В.А. Голянская, Н.В. Мельник

Ключевые слова: политическая лингвистика, манипуляция, стратегии, тактики, интернет-комментарий.

Keywords: political linguistics, manipulation, strategics, tactics, Internet comment.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-03

Данное исследование выполнено на стыке лингвополитологии, лингвопрагматики, теории обыденного языкового сознания, интернет-лингвистики, стилистики и теории текста и посвящено исследованию стратегий и тактик манипуляции массовым сознанием в виртуальных средствах массовой информации и оценке их эффективности.

В современном мире сложно переоценить воздействие СМИ на сознание человека. Однако при таком большом потоке информации человеку порой трудно проверить ее достоверность и критически оценить способ представления. У медиа появилась возможность формировать политические, ценностные и другие общественные установки, вследствие чего стали говорить о таком явлении, как манипуляция массовым сознанием.

Главным инструментом общения выступает язык, поэтому именно языковая манипуляция является самым распространенным типом манипуляции. Этому способствует и то, что язык предоставляет множество инструментов для воздействия на аудиторию. Несмотря на

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522.

то, что СМИ заявляют о беспристрастности, вряд ли это возможно из-за установки редакции, личностных особенностей журналиста и т.п. О.Н. Быкова пишет: «Ни для кого уже не секрет, что функции СМИ и механизмы воздействия на массовую аудиторию примерно одни и те же в любом обществе» [Быкова, 2012, с. 124]. Однако исследователь отмечает, что данная проблема в современной лингвистике изучена мало. В основном представлены работы по манипулятивному потенциалу текстов, созданных кандидатами на власть или уже господствующей элитой. В данной работе будет рассматриваться обратная сторона – проблема манипуляции в СМИ, когда именно через медиа реализуется попытка дискредитации власти.

Существует много определений термина «языковая манипуляция», мы вслед за Г.А. Копниной понимаем под ней «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина, 2012, с. 24].

В целом проблемой манипуляции начали интересоваться еще в Древней Греции, в эпоху расцвета демократии. С падением демократии менялось и отношение к риторике. В современной лингвистике много работ, в которых изучается феномен манипуляции. Например, с точки зрения психологического аспекта манипуляцию рассматривают Е.Л. Доценко [Доценко, 1996], С.Г. Кара-Мурза [Кара-Мурза, 2001], В.П. Шейнов [Шейнов, 2001], В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова [Куницына, Казаринова, Погольша, 2001]. Они исследуют механизмы манипуляции, как наше сознание на нее реагирует, как защититься от воздействия и т.д. Изучением языкового воздействия занимаются О.С. Иссерс [Иссерс, 2011], Г.А. Копнина [Копнина, 2012], Л.Ю. Иванов [Иванов, 2003], И.В. Сентенберг, В.И. Карасик [Сентенберг, Карасик, 1993] и другие. Манипулированием же в политическом дискурсе отечественные ученые начали активно заниматься в конце XX – начале XXI века. Это, в первую очередь, связано со сложившейся в России политической ситуацией. Среди исследователей, которые занимаются изучением манипуляции в политическом дискурсе, можно выделить Н.Э. Гронскую [Гронская, 2005] и О.Л. Михалеву [Михалева, 2009].

Материалом исследования послужил текст новости «Путин подписал закон о свободном сборе валежника» с сайта Lenta.ru, а также комментарии к ней. Lenta.ru – это официально зарегистрированное средство массовой информации, новость о сборе валежника находится в разделе «Политика», поэтому в данном случае можно говорить о

языковом манипулировании массовым политическим сознанием, которое имеет важную особенность: коммуникативный акт является неполным и нацелен на одностороннее воздействие.

В данной статье будут представлены результаты выделения стратегий и тактик политической языковой манипуляции, а также оценена их эффективность, исходя из комментариев читателей. Таким образом, исследование выполнялось в два этапа: на первом детальном лингвостилистическом анализу был подвергнут исходный текст, направленный на дискредитацию власти с помощью применения различных манипулятивных тактик, а на втором этапе посредством обращения к реакции читателей, опредмеченной в интернет-комментариях на текст новости, оценивалась эффективность использованных тактик.

Представим результаты первого этапа исследования. Новость была опубликована на сайте Lenta.ru 18 апреля 2018 года:

Путин подписал закон о свободном сборе валежника

Президент России Владимир Путин подписал закон, который позволяет россиянам свободно собирать валежник в лесу для собственных нужд. Соответствующий документ опубликован на официальном портале правовой информации.

Закон, принятый Госдумой 3 апреля 2018-го, вступит в силу с 2019 года. Поправки внесены в Лесной кодекс. Они позволят заготавливать и собирать упавшие на землю стволы деревьев или их части, сучья и ветви для собственных нужд. Согласно документу, валежник относится к недревесным лесным ресурсам.

Первый замруководителя фракции «Единой России» Андрей Исаев, комментируя инициативу разрешить свободный сбор валежника, отметил, что у него просто радуется сердце. Принятие законопроекта порадовало многих пользователей сети. По их словам, Госдума наконец что-то разрешает, а не запрещает. «Всего 10 лет прошло, а уже разрешили населению валежник собирать!» – отмечает пользователь Михаил Светлов. «Валежник – национальное достояние! Мечты сбываются!» – говорится в аккаунте в Twitter «Валежник Наш» (Lenta.ru. 18.04.2018).

Способ подачи информации стандартный для новости – принцип перевернутой пирамиды. Суть данного способа заключается в том, что в тексте можно выделить наиболее и наименее значимые части. Новость начинается с заголовка, в котором подана главная идея, суть заметки. Далее идет так называемый лид – более подробная часть по сравнению с заголовком, но в нем также подана новая информация в сжатом виде. За ним следует основная часть, или «тело новости» –

информация принимает более узкий, специализированный характер, уточняются данные, озвученные в заголовке и лиде. Стоит отметить, что чем ближе к концу новости, тем менее значимы представленные сведения.

Отметим, что в исследуемом тексте информация манипулятивного характера вводится имплицитно. О привлекательности именно такого способа пишет Ю.К. Пирогова [Пирогова, 2001]. Так как информация, поданная скрыто, не осознается адресатом, то он не может ее критически осмыслить. Также знания представлены не в готовом виде, соответственно, их надо извлечь, из-за подключения подобного механизма человек легко запоминает полученную выводным путем информацию. Еще одно преимущество – уход журналиста от ответственности в связи с «Законом о рекламе».

Обратим внимание на заголовок новости: «Путин подписал закон о свободном сборе валежника». Представляется немаловажным то, что здесь используется активный залог в качестве речевого средства манипуляции. То есть автор статьи подчеркивает, что ответственность за данное решение лежит на Владимире Путине. На первый план выходит не событие, а лицо, принимающее решение, в связи с этим мы считаем возможным выделить **тактику персонификации**. Отметим, что здесь и далее манипулятивные тактики были выведены из анализа материала. Первым называется имя российского лидера, соответственно, оно стоит в самой сильной позиции. В то же время ставится акцент на том, что именно президент принимает решения относительно законов, хотя до этого документ проходит довольно много стадий подготовки. И так как закон, скорее, ироничный и достаточно мелкий для главы государства, все гневные реакции читателей будут направлены именно на того человека, в лице которого власть персонифицирована. Уже в заголовке мы видим оппозицию «серьезность – несерьезность», так как словосочетание «закон о сборе валежника» соединяет в себе значительное как для сферы права, так и для общественной жизни понятие «закон» и быденное «валежник». Прилагательное «свободный» также представляет интерес. Оно выстраивает некоторую градацию законов, показывает, что некоторые документы являются полностью разрешающими, а некоторые – частично.

Лид на данном сайте не отделен от «тела новости», поэтому он воспринимается как первый абзац основного текста. Как и предполагает принцип перевернутой пирамиды, лид повторяет информацию, поданную в заголовке, немного расширив ее. Начинается он также с наименования президента РФ, однако теперь называется не

только имя Путина, но и должность, что ставит акцент на официальности мероприятия (подписание закона). Лексема «позволяет» подчеркивает дистанцию между тем, кто позволяет, подписывает законы (в данном случае это Владимир Путин), и теми, кому разрешается выполнять определенные действия. Выбор слова «россияне» также представляется интересным. Это дистанцирует граждан РФ и других государств, а также российскую власть от народа. Автор текста отгородил Путина от остальных россиян, как бы вывел его за границы этого понятия, выбрав такую лексему. Кроме того, здесь также используется активный залог, который сосредоточивает внимание на лице, а не на действии. Создается некая триада «свои 1» – «свои 2» – «чужие». В качестве «своих 1» выступают россияне, обычные люди, которым как раз разрешают и позволяют. «Свои 2» же – это власть: в данном случае исключительно Путин, ни о каких других ее источниках из лида мы не узнаем. Если в классической дихотомии «свои – чужие» мир представляется, по О.С. Иссерс, черно-белым [Иссерс, 2011], то в данном тексте можно говорить о **тактике «серого мира»**. Здесь представляется в невыгодном свете не только власть, но и граждане, которые, как мы далее увидим, могут только шутить на эту тему, но не могут ничего поменять, оставаясь в невыгодном положении. Также лексема «россияне» автоматически выделяет людей, находящихся за пределами РФ, соответственно, и их другую жизнь. В тексте упоминается, для каких нужд разрешается сбор валежника, то есть подчеркиваются ограничения законодательства, и оказывается, что словосочетания «свободный сбор» и «для собственных нужд» иллюстрируют некую ограниченную свободу. Далее журналист ссылается на авторитетный источник данных – официальный портал правовой информации. В очередной раз тексту придется некая официальность, серьезность.

Рассмотрим второй абзац новости. Появляется предыстория принятия закона, поясняется, что его приняла Госдума. То есть Путин подписывает, говорит последнее слово, однако инициатором был не он. Тем не менее Госдума упоминается в слабой текстовой позиции. Приводятся сроки вступления закона в силу. Заметим, что от его окончательного принятия до вступления в силу остается восемь месяцев – довольно большой срок. Так Lenta.ru имплицитно показывает неторопливость властей хоть каким-то образом облегчить жизнь россиян (так как закон все же разрешающий). В описании валежника также применяется **тактика низвержения**. Это демонстрирует выбор лексических средств, с помощью которых описывается валежник: «упавшие ветки», «их части», «сучья». Люди

узнают, что, если пересказать закон простым языком, то россиянам разрешили собирать упавшие на землю ветки, чтобы растопить печь, например (личные нужды). Под таким углом зрения документ выглядит унижительным. Во втором абзаце повторяется лексема «позволят», что говорит о закономерности. Она подчеркивает нелицеприятное положение россиян: не люди смогут собирать валежник, а поправки в закон позволяют это делать.

Обратимся к последнему абзацу новости (концовка – сильная позиция текста), содержащему наибольший манипулятивный потенциал. В нем приводятся мнения замруководителя фракции «Единая Россия» Андрея Исаева и пользователей Сети. Данная часть текста самая саркастичная. Журналист напрямую не высказывает свое мнение по поводу подписанного закона, однако его можно понять, исходя из выбранных для публикации комментариев. Первый – это мнение депутата Андрея Исаева. По тексту не совсем понятно, говорит он серьезно или шутит. Однако в любом случае Андрей Исаев выглядит не в лучшем свете: если он говорит серьезно, то кажется некомпетентным, а если шутит, то мысль кажется издевательством. Обратим внимание и на то, что в новости появляется еще один представитель власти, помимо Путина. Выдержки же из аккаунта в Twitter – это сарказм. Опять же, акцент сделан на разрешающем характере закона, теперь открыто, но руками неизвестного человека из Сети, а не как в заголовке и лиде – имплицитно. Обозначим такой прием **тактикой сокрытия**. Журналист как бы подает объективную информацию, цитирует источник, но на самом деле автор лишь прячется за мнением Михаила Светлова, ведь невозможно определить, есть ли такой человек на самом деле и комментировал ли он новость о валежнике. Однако если мнение правдиво, то показательно, что именно его сотрудник издания выбрал в качестве иллюстративного материала. Примечательно, что заканчивается новость **тактикой низвержения** – измененными прецедентными текстами: из «*«Газпром» – достояние России! Мечты сбываются!*» в «*Валежник – национальное достояние! Мечты сбываются!*» и из «*Крым наш*» в «*Валежник наш*». Приведены не просто знакомые всем тексты. Первый является рекламой крупнейшей российской энергетической компании, важно, что она принадлежит государству. В приведенном отрывке идет апелляция к чувствам и эмоциям людей, получается ряд по аналогии: «Газпром – Россия – мечта», то есть с помощью государства исполняются мечты. Второй текст еще более важный: присоединение Крыма оценивается некоторыми как обретение Россией прежней мощи. Таким образом, можно говорить о том, что высмеиваются некие национальные идеи.

Важно само информирование читателей о появлении у валежника собственного аккаунта в соцсети: во-первых, это показывает резонанс, который вызвал данный закон; во-вторых, иллюстрирует саркастическое отношение россиян к официальному документу.

Таким образом, можно сделать вывод об используемой в тексте **стратегии дискредитации** действующей власти. Журналист увеличивает дистанцию между властью и народом, персонифицирует власть, приводит саркастические мнения по поводу нового закона, высмеивает, опять же имплицитно, национальные идеи. Все это работает на снижение образа российского госаппарата. Стратегия реализуется с помощью грамматических и лексических речевых средств манипуляции, которые упоминались выше. К ним относятся выбор залога, лексем, изменение прецедентных текстов, саркастические высказывания.

Представим результаты второго этапа исследования, в рамках которого предполагалась оценка эффективности примененных манипулятивных тактик. Для этого обратимся к комментариям к новости «Путин подписал закон о свободном сборе валежника», их на сайте Lenta.ru – 416.

Большинство комментаторов среагировали на упоминание президента России. Всего выделено 95 реакций, которые содержали в себе какое-либо наименование президента. Рассмотрим их подробнее. Безусловно, ядерными наименованиями лидера РФ были официально принятые – «президент» (*«Какой у нас добрый президент, скоро и колоски разрешит собирать»*, *«чудной у нас президент, однако:)»*), «Путин» (*«Великой стране – великий закон! Путин – выдающийся политический деятель!»*) (Lenta.ru. 18.04.2018), «глава государства» (*«мелковат закон для главы государства. это и минлехоз мог спокойно вывести на обозрение»*) (Lenta.ru. 18.04.2018), «Владимир Путин» (*«<...> В России указом лучшего президента в мире – Владимира Путина, гражданам страны разрешили сбор хвороста для отапливания домов, в которых никогда не будет теплой воды, отопления, газа»*) (Lenta.ru. 18.04.2018). Если рассматривать их вне контекста, то можно говорить о нейтральности, однако из примеров мы видим, что комментарии либо ироничные, либо саркастичные, либо отрицательные.

Также для упоминания президента использовались различные вариации его имени: «В.В.» (*«Ох как неожиданно!!! В.В. вашей щедрости просто нет границ!!! Теперь мы можем питаться хворостом и корой! Силы Небесные!»*) (Lenta.ru. 18.04.2018), «Вован», «Володька», «Вова», «ВВП», «валотька» (*«Следующий указ*

валотки будет про разрешение на сбор кизяка)» (Lenta.ru. 18.04.2018), «Володя», «вовандер», «Путя», «п-утен» («п-утен как всегда забыл про каклятские приоритеты. не ваш он царь однозначно») (Lenta.ru. 18.04.2018). Отметим, что самым частотным является сокращенный вариант имени – Вова.

Одним из самых распространенных вариантов наименования политика является «царь» и сопутствующие ему «Солнцеликий», «кормилец», «батюшка», «Отец родной», «благодетель», «государь»: «СЛАВА ЦАРЮ БАТЮШКЕ!!!»; «Царь особым указом холопам разрешил дрова собирать. Этопабеда!» (Lenta.ru. 18.04.2018). С помощью данных словоформ комментаторы саркастично связали президента демократической страны (РФ) с прошлой царской властью, подчеркивая дистанцию между элитой и простыми гражданами. Как мы видим, читатели подхватывают и транслируют в ответ саркастичный тон, который журналист задает в конце новости.

Встречаются не только ироничные, но и оскорбительные наименования В.В. Путина, среди них можно выделить «гад» («Издевается, гад?») (Lenta.ru. 18.04.2018); «ботокс» («Ну все, докатились Валежник теперь будем собирать <...> Доуправлялся, ботокс :-(((») (Lenta.ru. 18.04.2018), «плешивая мразь» («Черт возьми, а вам не кажется, ребята, что вы давно превратились в тупое, бессловесное б ы д л о – сами стонете от этих диких, чудовищных запретов, а потом дружную толпой топаете на выборы и радостно выбираете эту плешивую м р а з ь на новый срок?!!!!») (Lenta.ru. 18.04.2018), «святой плешивый педофил» («Ватаны молитесь на икону святого плешивого педофила. Канонизировать Валотку Акурка!») (Lenta.ru. 18.04.2018), «Плешивый» («Вот облегчение-то олигархам которых Плешивый подставил под санкции...»), «жид плешивый» («Жид плешивый, собирай свои веци и вали к сатане в котел») (Lenta.ru. 18.04.2018).

Тему «власть» также представляют и другие компоненты, например, «Госдума», «власть», «Кремль» и др., но их упоминаний значительно меньше (15), чем упоминаний Владимира Путина. Президент и другие символы власти не противопоставляются друг другу, скорее, используются в качестве синонимов. Многие комментаторы их абсолютно не разделяют, например, пишут о Путине как о председателе правительства, хотя на самом деле эту должность занимает Дмитрий Медведев. Однако часть читателей все же видит разницу между, например, принятием (Госдума) и подписанием (президент) закона.

Как следует из приведенных примеров, тему власти комментаторы в основном рассматривают в ироничном, саркастическом или негативном ключе, хотя имеются и противоположные мнения: положительные и нейтральные по отношению к политике – *«а юридическое понятие слова валежник к закону прилагается?»* (Lenta.ru. 18.04.2018).

Кроме политической элиты, с властью также соотносится закон – данное понятие довольно часто упоминается в комментариях к новости. В них закон представляется изначально серьезной силой, но обесцененной именно в РФ из-за его непостоянности и условности (*«Следующим законопроектом должен быть закон о разрешении россиянам беспрепятственно добывать еду из мусорных баков»*) (Lenta.ru. 18.04.2018). Также не раз отмечается отсталость российского законодательства и его постоянный запрещающий характер, в связи с чем разрешение на сбор валежника и произвело неожиданный эффект (*«Фигасе, сограждане. Да это же первый закон за 18 лет, когда что-то разрешить, а не запретить! Растем просто! Хотя его и так все собирали...»*) (Lenta.ru. 18.04.2018). Здесь мы видим отражение авторской оппозиции «серьезность – несерьезность».

Еще одной часто встречающейся словоформой является «народ» и сопряженные с ней «россияне», «русские», «население», «люди» (*«Какая царская щедрость. Холопы должны радоваться, хотя русским надо спешить – дрова надо срочно собирать – впереди ведь новые 90-е»; «Олигархам – миллиарды, а народу – валежник»*) (Lenta.ru. 18.04.2018). Можно выделить оппозицию «власть – народ». Исходя из материала, она представляется следующим образом: элита показана несправедливой и жадной, в ее число входят чиновники и их приближенные-миллионеры / миллиардеры. Народ же выглядит угнетенным, все понимающим, но не предпринимающим никаких действий. Примером могут служить саркастические наименования народа, такие как «холопы», «чернь», «крепостная ватная скотина» (*«А ха ха ха! Крепостной ватной скотине разрешили собирать ветки!!!»*) (Lenta.ru. 18.04.2018), «простой люд», «чиполлины», о чем мы упоминали выше, «россиянцы» (*«китай пол-тайги уже вырубил и увозит, а россиянам царской милостью валежник позволено собирать»*) (Lenta.ru. 18.04.2018), «расеяне». Причем, в представлении пользователей сайта, все ресурсы России принадлежат именно народу, в то время как власть их приватизировала, соответственно, президент не в праве ими

распоряжаться. Как можно заметить, и в этом случае тактика автора оказывается успешной, в комментариях также просматривается дистанция между властью и народом.

Представляется возможным выделить еще одну оппозицию: «Россия – зарубежные страны». Особое внимание обращается на отношение российских властей к другим странам и населению РФ. Комментаторы отмечают, что для российской политической элиты приоритетнее поставить ценные природные ресурсы на Запад, чем отдать соотечественникам, поэтому народу «достаются» остатки, такие как валежник. В более негативном, чем Россия, свете предстает Украина (*«хохлы четыре года как трескают ежей в соусе и без..они пояснят как это...»*) (Lenta.ru. 18.04.2018).

Также страны сравниваются на основании законотворчества в сфере экологии в общем и лесного хозяйства в частности. Здесь некоторые комментаторы пытаются объяснить другим, что в более экономически развитых странах законы в этой сфере достаточно суровые, поэтому разрешение собирать валежник – это плюс российского законодательства и власти (*«Походу в штатах за куст марихуаны меньше дадут чем за морковку»*) (Lenta.ru. 18.04.2018). Но есть и те, кто, наоборот, приводит пример прогрессивности отдельных стран или всего мира, по сравнению с чем закон о сборе валежника выглядит нелепо (*«Штаты полет на Марс готовят, в России разрешают населению валежник собирать...»*) (Lenta.ru. 18.04.2018).

Таким образом, мы видим, что большинство комментариев к новости «Путин подписал закон о свободном сборе валежника» на сайте Lenta.ru носят негативную оценку не столько нового закона, сколько российской власти вообще. Для ее выражения пользователи выбирают сарказм, иронию, грубо-просторечные слова, жаргонизмы и др.

Как мы видим, автор текста придерживается единой стратегии – стратегии дискредитации, однако реализует ее с помощью различных тактик: персонификации, «серого мира», низвержения и сокрытия, при этом применяя определенные речевые средства: он выбирает лексемы, подчеркивающие дистанцию между властью и народом, использует саркастические выражения и активный залог, подчеркивая ответственность президента РФ. Таким образом, можно сделать вывод, что стратегия и тактики автора новости влияют на мнение читателей: комментаторы реагируют на власть, персонифицируют ее в лице Владимира Путина, несмотря на то, что закон изначально принял не он. В ответной реакции сохраняется дистанция между властью и народом и между Россией (русскими) и

другими странами, на это также наталкивает сама новость. Отметим, что большинство реакций было именно на сильные позиции текста (заголовок, лид и конец), лишь единицы обратили внимание на информацию, представленную в первом абзаце «тела новости».

На третьем этапе нашего исследования предполагается экспериментальная проверка зависимости читательских реакций от изменения текста данной новости (например, от изменения текстовых позиций, в которых представлена та или иная информация).

Литература

- Быкова О.Н. К вопросу о языковой манипуляции в средствах массовой информации // *Речевое манипулирование*. М., 2012.
- Гронская Н.Э. Язык и политика: коммуникация, дискурс, манипулирование. Нижний Новгород, 2005.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции. Феномены, механизмы и защита. М., 1996.
- Иванов Л.Ю. Нейролингвистическое программирование // *Культура русской речи*. М., 2003.
- Иссерс О.С. Речевое воздействие. М., 2011.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2001.
- Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М., 2012.
- Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб., 2001.
- Лобанов А.А. Манипуляции в общении. Владимир, 1997.
- Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М., 2009.
- Пирогова Ю.К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования. На материале рекламных и PR-сообщений // *Проблемы прикладной лингвистики*. М., 2001.
- Редькина Т.Ю. Активные лексико-семантические процессы в медиатексте // *Филология и человек*. 2013. № 2.
- Сентенберг И.В., Карасик В.И. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций // *Речевое общение и аргументация*. СПб., 1993. Вып. 1.
- Чикилева Л.С. Прагматический аспект предвыборных выступлений // *Филология и человек*. 2015. № 1.
- Шейнов В.П. Искусство убеждать. М., 2000.
- Шейнов В.П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). М., 2001.
- Язык СМИ и политика. Под ред. Г.Я. Солганика. М., 2012.

Список источников

Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2018/04/18/putin/>

References

- Bykova O.N. *K voprosu o yazykovoy manipulyatsii v sredstvakh massovoy informatsii* [To the Issue of Language Manipulation in the Media]. *Rechevoe manipulyirovanie* [Speech Manipulation]. Moskva, 2012.
- Gronskaya N.E. *Yazyk i politika: kommunikatsiya, diskurs, manipulyirovanie* [Language and Politics: Communication, Discourse, Manipulation]. Nizhniy Novgorod, 2005.
- Dotsenko E.L. *Psikhologiya manipulyatsii. Fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of Manipulation. Phenomena, Mechanisms and Protection]. Moskva, 1996.
- Ivanov L.Yu. *Neyrolingvisticheskoe programmirovaniye* [Neurolinguistic Programming]. *Kul'tura russkoy rechi* [Culture of Russian Speech]. Moskva, 2003.
- Issers O.S. *Rechevoe vozdeystvie* [Speech Exposure]. Moskva, 2011.
- Kara-Murza S.G. *Manipulyatsiya soznaniem* [Mind Manipulation]. Moskva, 2001.
- Kopnina G.A. *Rechevoe manipulyirovanie* [Speech Manipulation]. Moskva, 2012.
- Kunitsyna V.N., Kazarinova N.V., Pogol'sha V.M. *Mezhlichnostnoye obshcheniye* [Interpersonal Communication]. Sankt-Peterburg, 2001.
- Lobanov A.A. *Manipulyatsii v obshchenii* [Manipulation in Communication]. Vladimir, 1997.
- Mikhaleva O.L. *Politicheskyy diskurs: Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* [Political Discourse: Specificity of Manipulative Influence]. Moskva, 2009.
- Pirogova Yu.K. *Implitsitnaya informatsiya kak sredstvo kommunikativnogo vozdeystviya i manipulyirovaniya. Na materiale reklamnykh i PR-soobshcheniy* [Implicit Information as a Means of Communicative Influence and Manipulation. On the Material of Advertising and PR Messages]. *Problemy prikladnoy lingvistiki* [Problems of Applied Linguistics]. Moskva, 2001.
- Red'kina T.Yu. *Aktivnye leksiko-semanticheskie protsessy v mediatekste* [Active Lexical and Semantic Processes in the Media Text]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2013. № 2.
- Sentenbergh I.V., Karasik V.I. *Psevdoargumentatsiya: nekotorye vidy rechevykh manipulyatsiy* [Pseudo-Argumentation: Some Types of Speech Manipulation]. *Rechevoe obshcheniye i argumentatsiya* [Speech Communication and Argumentation]. Sankt-Peterburg, 1993. Iss. 1.
- Chikileva L.S. *Pragmaticheskij aspekt predvybornykh vystupleniy* [Pragmatic Aspect of Pre-Election Speeches]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2015. № 1.
- Sheynov V.P. *Iskusstvo ubezhdat'* [Art of Persuading]. Moskva, 2000.
- Sheynov V.P. *Skrytoye upravleniye chelovekom (Psikhologiya manipulyirovaniya)* [Hidden Human Control (Psychology of Manipulation)]. Moskva, 2001.
- Yazyk SMI i politika* [Language of Media and Politics]. Pod red. G. Ya. Solganika. Moskva, 2012.

List of sources

Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2018/04/18/putin/>

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ БЛОГЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ВОЕННОЙ БЛОГОСФЕРЫ)

Д.А. Шляховой

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, тактики речевого поведения, блог-дискурс, речевой портрет военного блогера, военная блогосфера, языковая личность военного блогера.

Keywords: communication strategies, speech behavior tactics, blog discourse, military blogger's speech portrait, military blogosphere, language personality of the military blogger.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-04

Введение

Речевое поведение людей в глобальной сети в последнее десятилетие стало объектом исследования многих лингвистов. Блог-дискурс следует относить к коммуникативному явлению, ввиду его направленности на социальное взаимодействие интернет-пользователей.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы на основе анализа письменной разговорной речи блог-дискурса выявить особенности речевого поведения военных блогеров, характерные черты их самоидентификации в социально-групповой среде единомышленников, описать способы и средства реализации блогерами избранных ими коммуникативных стратегий в различных ситуациях общения.

Блог-дискурс как средство реализации коммуникативных потребностей языковой личности

В.Г. Борботько полагает, что дискурс «состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [Борботько, 1981, с. 8]. Б.М. Гаспаров называет дискурс центральным элементом языковой личности, который отражает: 1) коммуникативные намерения автора; 2) взаимоотношения автора и адресатов; 3) всевозможные «обстоятельства», значимые и случайные; 4) общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом и той конкретной среды и конкретных личностей, которым

сообщение прямо или косвенно адресовано; 5) жанровые и стилевые черты как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается; 6) множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия [Гаспаров, 1996, с. 10].

Блог-дискурс в полной мере соотносится с определениями, приведенными выше, так как сама блогосфера – это воплощение естественной речи совершенно любых стилей и жанров, в то время как части блогов – постинги и комментарии (или тексты-стимулы и реплики-реакции) – представляют собой отдельные речевые произведения, создаваемые под воздействием индивидуальных речевых и поведенческих особенностей.

В.И. Карасик определяет поведенческие характеристики языковой личности как «совокупность вербальных и невербальных индексов, определяющих языковую личность как индивидуума или как тип». В аспекте коммуникативного поведения рассматриваются прагмалингвистические параметры языковой личности, то есть общение как деятельность, имеющая мотивы, цели, стратегии и способы их реализации [Карасик, 2002, с. 45].

Обобщая вышеизложенные теоретические положения, приходим к выводу, что коммуникативные намерения автора блога, выраженные в его коммуникативных стратегиях, определяют тип дискурса, который преобладает в блоге как совокупности речевых произведений или актов (в форме постингов), и, следовательно, составляет значительную часть речевого портрета автора или его языковой личности.

Для анализа ситуаций общения, в которых оказываются военные блогеры немецкого сегмента Instagram, ниже мы будем использовать понятие коммуникативной стратегии.

Языковая личность блогера

Понятие коммуникативной стратегии связывается с типом поведения в диалоговом общении, который соотносится с планом достижения коммуникативных целей [Макаров, 2003, с. 194]. В свою очередь, употребление языковых средств обусловлено социальными факторами, то есть конкретной деятельностью или профессией автора, и отражается в его речевых актах [Татарникова, 2012]. В интернет-коммуникации к типу поведения блогера добавляется фактор относительной анонимности, то есть перед читателем может предстать и виртуальная языковая личность, искусственно созданная кем-то для достижения своих целей. Определить, какая языковая личность предстает перед читателем – реальная или виртуальная – оказывается достаточно сложно, то есть автор блога портретирует в виртуальном

пространстве либо свою настоящую личность, либо желаемую, искусственно им созданную.

Одна из особенностей языковой личности блогера – ее функционирование в рамках технической системы, имеющей в своем виртуальном выражении вербальное воплощение, которое предоставляет широкие возможности для реализации желаемого образа блогера. Это позволяет реальной личности замаскироваться под любой виртуальный образ [Рябова, 2018, с. 47-48], в зависимости от общего или коммуникативного замысла.

Основной принцип повествования в блоге – это субъективизированное повествование, то есть интерпретация автором блога событий или явлений через призму своего собственного понимания таковых. Речевые формы субъективизации повествования в блогосфере имеют ярко выраженный дискурсивный характер, а именно использование разговорных конструкций и экспрессивного синтаксиса, диалогическое построение речи, употребление личных местоимений [Клушина, Люликова, Николаева, Селезнева, 2018, с. 62]. Анализ стратегических и тактических линий речевого поведения, которые через определенные языковые характеристики отражают коммуникативные портреты пользователей интерактивных ресурсов, как утверждает М.С. Рыжков, подчас является единственным средством, позволяющим достроить образ партнера по интернет-коммуникации (в условиях формально неконтактного общения) [Рыжков, 2016, с. 85]. Поскольку реальная языковая личность имеет свои коммуникативно-поведенческие особенности, зависящие от потребностей, мотивов и целей, процесс речепорождения и создания речевых произведений у любых субъектов блог-дискурса будет подчиняться законам коммуникативной лингвистики. Следовательно, воздействие субъектов друг на друга будет обусловлено наличием определенных коммуникативных стратегий и тактик как средств реализации таковых.

Коммуникативные стратегии и тактики субъектов военной блогосферы

Применительно к интернет-коммуникации в блог-дискурсе У Баоянь выделяет три основные частные стратегии: Я-стратегия (стратегия самопрезентации, создания виртуального образа), Ты-стратегия (стратегия адресованности, интерактивности), Мы-стратегия (стратегия интеграции, поддержания и развития дружелюбного сообщества). Исследовательница приходит к выводу, что стратегической задачей коммуникантов и основной целью коммуникации является создание и укрепление коммуникативной

комфортности. Под коммуникативной комфортностью подразумевается ощущение безопасности, доверия, приятности общения, вызывающее у собеседников желание продолжать разговор и развивать общение [Баоянь, 2008, с. 96-97].

Таким образом, единой для всей блогосферы глобальной стратегией коммуникации – «инвариантной» в терминологии У Баоянь – мы считаем коммуникативную комфортность, которая реализуется в частных стратегиях широкого плана и узкого плана. Продолжая исследование У Баоянь, Т.М. Гермашева выделяет в узком плане 1) стратегию максимального расширения круга партнеров по коммуникации; 2) стратегию идеализированной самопрезентации; 3) стратегию демонстрации компетентности; 4) стратегию использования заимствованной информации; 5) «психотерапевтическую» стратегию; 6) стратегию саморекламы. Наблюдается пересечение некоторых стратегий данной классификации [Гермашева, 2011, с. 9].

Коммуникативной стратегии не существует без средств ее реализации – тактик речевого поведения. Под этим понятием вслед за О.С. Иссерс [Иссерс, 2008] и В.С. Третьяковой [Третьякова, 2003] мы понимаем совокупность речевых приемов, их динамическое использование в построении диалогового общения для достижения плана, определенного коммуникативной стратегией. Эти приемы нацелены на установление и поддержание контактов, привлечение внимания, убеждение адресатов речи.

Ввиду особенности блог-платформы Instagram, а именно обязательной публикации фото (картинки) или видео, стратегия самопрезентации и самоидентификации на личных страницах блогеров выражена всегда, вербально и невербально. К невербальным средствам можем отнести изображения или видеофрагменты, иногда специально заготовленные для будущей публикации, с выдуманным сюжетом и аранжировкой и т.д. Под изображением может даваться текст, изобилующий эмоджиками, и так называемые «хэштеги» (тематические метки). Последние несут на себе социально-обусловленную смысловую нагрузку, описывающую и дополняющую общий портрет пользователя, и играют роль адресности сообщения – выполняют так называемую «таргетирующую» функцию (от англ. *target* 'цель'), или функцию цели. Следует заметить, что хэштеги могут никак не перекликаться с опубликованной фотографией или видео, а использоваться как «катализаторы популярности», увеличивая число пользователей коммуникативного пространства блогосферы, что

можно назвать характерной чертой любой из рассматриваемых коммуникативных стратегий.

Итак, к частным коммуникативным стратегиям широкого плана относим **самопрезентацию, интеракцию и интеграцию.**

Стратегия самопрезентации – коммуникативная стратегия, призванная привлечь читателей и комментаторов. Блогер создает собственный виртуальный образ, старается наделить его чертами индивидуальности реальной личности, либо создать столь же уникальную по своей индивидуальности виртуальную личность. Проверить подлинность виртуальной личности автора, как мы выяснили ранее, практически невозможно. On-line-дневник служит прекрасным материалом для наблюдений над тем, как языковая личность создает свой мир, конструирует свой образ и корректирует свое речевое поведение как единственный инструмент демонстрации своего существования [Калинина, 2012, с. 5]. Тактики самопрезентации, то есть средства достижения коммуникативной стратегии, могут быть бесконечно разнообразными и зависят лишь от фантазии автора, его языковых и коммуникативных компетенций, а именно возможностей самовыражения всеми доступными на определенной блог-платформе средствами вербального и невербального характера.

Практически все существующие стили речи и жанры текстов можно встретить в прямой или косвенной самопрезентации, так как эта коммуникативная стратегия считается основной в блогосфере. Можно сказать, что блогера без самопрезентации не существует – у него всегда есть имя («никнейм»), своя интернет-страница, свои тексты. Мы выделяем следующие характеристики коммуникативной стратегии самопрезентации: 1) конвергенцию устного и письменного языка; 2) идиолектность речи, то есть индивидуальные особенности речи каждого автора; 3) экспериментальность речи как желание или стремление к чему-то новому, к развитию – «пробы пера» в разных жанрах; 4) ориентированность на определенную социокультурную общность через средства языка, например, лексику; 5) закрепление целей и задач личного блога.

В качестве примера стратегии самопрезентации в Instagram приведем постинг пользователя с ником *patte*, который опубликовал фото с изображением военнослужащего у замаскированного броневедомобиля со следующим текстом: «*Man da bin ich ja noch jung*

und knackig»¹. ‘Посмотри, какой я здесь еще совсем молодой и крепкий’, с хэштегами «#bundeswehr #wirdienendeutschland #soldat #heer #grenni #germanarmy #military #afghanistan» ‘#бундесвер, #мы служим Германии, #военнослужащий, #сухопутные войска, #мотопехота, #армия Германии, #военный, #Афганистан’ (patte __. 15.02.2019).

Создаваемый блогером виртуальный образ, реализуемый в стратегии самопрезентации, преследует различные цели. М.Э. Рябова выделяет среди них привлечение внимания, потребность одобрения, избегание неодобрения [Рябова, 2018, с. 49], И.С. Черкасова расширяет этот список до демонстрации личностных характеристик и попыток управления мнением других [Черкасова, 2006]. Коммуникативная стратегия самопрезентации в Instagram, благодаря техническим возможностям, выражает, кроме всего прочего, интенцию нарциссизма, когда блогер настойчиво советует своим читателям следовать мемам – «делай как я» или «будь как я». Такое явление заметно как в стратегии самопрезентации и идеализированной самопрезентации, так и в стратегии саморекламы, которые будут описаны ниже.

Стратегия интеракции, или «Ты-стратегия», по У Баоянь, адресована всем пользователям соответствующей социальной группы. Субъект стратегии интеракции, то есть хозяин блога², открыто призывает всех своих читателей к активному участию в дискуссии, комментированию, обмену мнениями.

Рассмотрим пример реализации стратегии интеракции в постинге пользователя *soldaten_respekt*: «*Würdest du gegen dein Wurzelland kämpfen, wenn es hart auf hart kommt?*» (*soldaten_respekt*. 15.02.2019) ‘Стал бы ты участвовать в войне с той страной, откуда ты родом?’³. Автор обращается к своим читателям с вопросом, который требует обсуждения вследствие своей злободневности. Тактиками такой стратегии считаются языковые средства обращения (чаще ко второму лицу, выраженному местоимением *du* ‘ты’) – вопросительные и побудительные предложения.

Стратегия интеграции, или «Мы-стратегия», используется для расширения круга читателей и коммуникантов, создания и

¹ Здесь и далее мы сохраняем тексты блогеров в оригинальном написании. В наших переводах мы стараемся по возможности сохранить стилистику немецкой разговорной речи.

² *Хозяин блога* – владелец блога на жаргоне блогеров.

³ Вопрос задает потомок мигрантов, который заключил контракт на добровольную службу в бундесвере.

поддержания дружелюбного сообщества: «*Wir sind Soldaten, wir sind Kameraden und wir gehören zusammen. Egal welche Religion, egal welche Hautfarben. WIR Dienen zusammen und wir gehören zusammen. Traurig das es nunja vermeintliche Kameraden gibt die das nicht so sehen. Aber die sind dann wohl fehl am Platze und sollten ihren Dienst überdenken...*» (sportkamerad_. 16.02.2019) ‘Мы солдаты, мы товарищи по оружию, и мы – единое целое. Неважно, каким богам мы молимся, какого цвета наша кожа. МЫ служим вместе, и мы – одно целое. Печально, что не все из нас так думают. Они явно не на своем месте, им надо бы найти для себя другую службу...’

Средствами реализации стратегии интеграции можно считать обращенность текстов пользователя ко всему сообществу своей социальной группы. Это могут быть призывы к выработке единого подхода к какой-либо проблеме, сбор мнений, цитирование вопросов других пользователей или просто работа над созданием комфортного коммуникативного пространства. Языковые средства реализации могут быть совершенно разными, но общей чертой будут на лексическом уровне – местоимение *wir* ‘мы’, на синтаксическом уровне – фразы-обобщения типа *Wir sind Soldaten* ‘мы – солдаты’, *Wir sind Kameraden* ‘мы – товарищи’. На уровне семантики целого текста будут проявлены общие интересы и ценности большинства представителей социальной группы, например, *честная служба в интересах своей страны (dem Land treu dienen)*, *совмещение семейной жизни и военной службы (Vereinbarkeit von Familie und Dienst)*, *дух товарищества (Kameradschaftsgeist)* и др.

«Ты-стратегия» и «Мы-стратегия» зачастую пересекаются, но имеют одно существенное отличие: «при Ты-стратегии хозяин дневника фокусируется на том, чтобы дать возможность читателям самопроявиться, высказаться, его интересуют их личные мнения, привычки и т.п., а при Мы-стратегии хозяин сосредоточен на организации общей дискуссии и выработке коллективного решения проблемы или мнения по вопросу» [Баоянь, 2008, с. 116].

В ходе исследования нам удалось выделить в среде военных блогеров немецкого сегмента коммуникативные **стратегии узкого плана**, или **субстратегии**. Таковы идеализированная самопрезентация, стратегия саморекламы, демонстрация компетентности, заимствования информации, цитирования.

Стратегия идеализированной самопрезентации – создание «идеального» образа, примера для подражания: «*Etwas anderes als Sanitätsdienst kommt für mich nicht in Frage. Es macht mich einfach glücklich, dazu beizutragen, dass Menschen geholfen werden kann. Besonders, wenn es Ihnen garnicht gut geht*» (sportkamerad_. 10.02.2019) ‘Не могу себя

представить вне медико-санитарной службы. Я просто счастлив, что имею возможность помогать людям. Особенно, когда им совсем плохо». Речи придается особый, возвышенно-разговорный стиль, в ней используются синтаксические конструкции более сложные, чем в обиходно-разговорной речи: «*dazu beizutragen, dass Menschen geholfen werden kann*» – придаточное предложение, осложненное безличной пассивной конструкцией с модальным глаголом *können*.

Стратегия саморекламы и рекламы военной службы позволяет определенным личностям подчеркнуть свою оригинальность, выделиться из ряда других пользователей, возбудить интерес к своей персоне или своему роду деятельности, породить в других людях желание им подражать. Такой стратегии придерживается пользователь Instagram с ником hixipower: «*Ohne Worte!? Haha^^ nicht bei mir 🍌😊—————> Ich hab gerne meine Uniform an! Warum!? Abwechslung! Schnöde im Büro rum sitzen oder den ganzen Tag in der Werkstatt stehen, wäre nicht mein Ding!!!*» #bundeswehrlife #hixipower #natural #bodybuilder #instafitness #gym #fashion #muscle #lifestyle #picoftheday #protein #health #instafood #muscle #trainingssession #noexcuses #muscleandfitness #ifeelgood #fitness #mindset #gymjunkie #foodlove #bundeswehrsoldat #instagood #pictureoftheday #bundeswehr #germanforces #soldier. (hixipower. 10.02.2019) ‘Нет слов?! Ха-ха^^ но не у меня 🍌😊—————> Я с удовольствием ношу военную форму! Почему?! Разнообразие! Тупо сидеть в офисе или торчать целыми днями в мастерской – это не мое!!!’

Тактические приемы такой стратегии: разговорный стиль, короткие предложения, простой лексический набор, использование слоганов или лозунгов (либо стремление к их использованию), повышенная эмоциональная нагрузка при высокой динамике речи – практически все те же методы, которые применяются в наружной рекламе или в СМИ.

Особой популярностью пользуются хэштеги, которые предназначены для самой широкой аудитории с прицелом на определенные социальные группы, в данном конкретном случае на любителей *спорта* (хэштеги #bodybuilder ‘бодибилдер’ #instafitness ‘инста-фитнес’ #gym ‘спортзал’ #muscle ‘мышцы’ #protein ‘протеин’ #trainingssession ‘тренировка’ #muscleandfitness ‘мышцы и фитнес’ #fitness ‘фитнес’ #gymjunkie ‘любитель тренажерного зала’), *здорового питания* (#natural ‘натуральный’ #lifestyle ‘стиль жизни’ #health ‘здоровье’ #instafood ‘инста-еда’ #foodlove ‘любовь к еде’) и *военнослужащих* (#bundeswehrsoldat ‘военнослужащий бундесвера’ #bundeswehr ‘бундесвер’ #germanforces ‘вооруженные силы ФРГ’ #soldier ‘военнослужащий’).

Стратегия демонстрации компетентности встречается среди военнослужащих-блогеров довольно часто, так как они обладают специфическими знаниями в различных областях военного дела. Каждый из таких специалистов может поделиться своими знаниями с коллегами онлайн, что и происходит в некоторых диалогах, замеченных нами в Instagram:

Диалог 1 (mooritz. 13.02.2019):

- *Was ist das für nen Fahrzeug?* ‘Что это за машина?’;
- *ein TPz Fuchs A8* ‘Это БТР Фукс А8’.

Диалог 2 (nicoleee261. 13.02.2019):

– *Was macht die Hand am Magazin? Junge Junge* ‘Почему рука на магазине? Ну и ну!’

– *Hand am Magazin wenn man nicht genug Druck in die Schulter aufbringen kann.* ‘Рука на магазине, если не хватает сил прижать винтовку к плечу’.

– *oder beim bewegen, stabilem einzelfeuer etc.* ‘или при стрельбе в движении, для стабильного положения винтовки при одиночных выстрелах и т.д.’

Основным тактическим приемом стратегии демонстрации компетентности считаем использование узкоспециальной терминологии, вкрапленной в разговорный стиль речи: *TPz* ‘БТР’, *Einzelfeuer* ‘одиночный огонь’, *Rückstoß* ‘отдача (в момент производства выстрела)’ и др. Чаше, чем в других, в этой стратегии замечаем вопросительные и побудительные предложения. К особенностям синтаксиса названной стратегии относим употребление безличных и неопределенно-личных конструкций, вводимых в речь местоимениями *es* (или артиклем *das*) и *man* соответственно, или предложений без подлежащего, но со сказуемым в форме инфинитива: «aber definitiv nicht das Magazin *umfassen*» ‘Уж точно не обхватывать магазин’.

Стратегия цитирования или заимствования информации. Блогер может заимствовать фразу другого блогера или кого бы то ни было, помещает его слова в кавычки, однако наименование источника, как правило, не указывает. В ходе исследования мы заметили, что военные блогеры склонны к цитированию философов, поэтов, военных деятелей и т.п., а не своих «коллег»: «*Die Armee ist die vornehmste aller Institutionen in jedem Lande; denn sie allein ermöglicht das Bestehen aller übrigen Einrichtungen*» (dario.rizzo.129. 10.02.2019) ‘Армия – важнейший институт в каждой стране, ведь только она делает возможным существование всех остальных государственных структур’. Автор использовал цитату Отто фон Бисмарка, но не стал указывать имя автора, ограничившись лишь постановкой фразы в кавычки. Тактикой считаем собственно цитату,

дополненную невербальными средствами, к которым относятся фото- и видеоматериалы, гиперссылки и эмодзи.

Заключение

Коммуникативная компетенция в виртуальной коммуникативной среде предполагает владение коммуникативными стратегиями в ситуации блог-коммуникации. Определению коммуникативных стратегий блог-дискурса способствует исследование правил и схем, управляющих коммуникативными событиями. Эти правила и схемы отражают потребности субъекта блог-дискурса, они сформированы на основе ценностной картины мира виртуальной языковой личности. Следовательно, представляется возможным выражение виртуального коммуникативного поведения субъекта блог-дискурса в терминах лингвистической аксиологии и когнитивной лингвистики, его изучение и обобщение посредством фреймового анализа блог-дискурса. Выделив наиболее частотные коммуникативные стратегии немецких военных блогеров с платформы Instagram, мы можем сформировать представление об их ценностной картине мира, о типичных для них ситуациях общения, моделях речевого воздействия на адресата, структуре их социального взаимодействия, лексико-грамматических особенностях употребления ими языковых средств. В частности, мы приходим к выводу, что основной тенденцией выстраивания блог-коммуникации в среде военных блогеров является создание зоны комфортного общения с единомышленниками – представителями своей же социальной группы. Понятие комфортной среды не имеет четких границ, поэтому в среде блогеров оно имеет индивидуализированный характер – отсюда появляются различия в выборе коммуникативных стратегий широкого и узкого плана. Для обозначения своей позиции во внутригрупповом общении блогер будет использовать коммуникативные стратегии широкого плана – самопрезентация, интеракция и интеграция, и узкого плана – идеализированная самопрезентация, стратегия саморекламы, демонстрация компетентности, заимствования информации и цитирования. Коммуникативные стратегии часто пересекаются друг с другом, отражая коммуникативные цели блогера. Например, желание добиться общественного признания и популярности может быть выражено коммуникативной стратегией самопрезентации + демонстрации компетентности; желание найти поддержку в решении какого-либо вопроса – стратегией интеграции + интеракции, и т.п. Средства реализации

коммуникативных стратегий, избираемых блогерами, поставлены в прямую зависимость от потребностей, целей, мотивов и языковой компетентности авторов, то есть носят идиологический характер. Анализ стратегических и тактических линий речевого поведения субъекта блог-коммуникации позволяет нам восстановить индивидуальный речевой портрет военного блогера, и впоследствии, вычленив общие черты из совокупности индивидуальных портретов, – создать обобщенный речевой портрет представителя немецкой военной блогосферы, что является главной задачей нашего исследования.

Литература

Баоянь У. Коммуникативные стратегии и тактики и языковые средства их реализации в русскоязычной неформальной межличностной дискуссии (на материале Интернет-дневников): дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Борботько В.Г. Элементы теории дискурса. Грозный, 1981.

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Гермашева Т.М. Языковая личность субъекта блог-дискурса: лингвокогнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2011.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.

Калинина Е.И. Системно-структурное моделирование внутрияжанрового пространства гипержанра «дневник» (на материале британской лингвокультуры): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новокузнецк, 2012.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Клушина Н.И., Люликова А.В., Николаева А.В., Селезнева Л.В. Динамика коммуникативных норм в современной русской речи // Филология и человек. 2018. № 3. DOI: 10.14258/filichel(2018)3-05.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.

Рыжков М.С. Речевые стратегии и тактики интернет-коммуникации (на материале чатов) // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М., 2016.

Рябова М.Э. Языковая личность блогера в современной коммуникации // Организационная психоллингвистика. 2018. № 1.

Татарникова Н.М. Анализ коммуникативных стратегий как способ изучения стилевой черты // Филология и человек. 2012. № 1.

Третьякова В.С. Речевой конфликт и аспекты его изучения // Юрислингвистика. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-konflikt-i-aspekty-ego-izucheniya-1>.

Черкасова И.С. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в русских и немецких объявлениях о знакомстве: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.

Список источников

ГЕРАКЛИТ О ВОЙНЕ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/debut/post351685110/>

- andrewbarclay_. [Электронный ресурс]. URL: https://www.instagram.com/p/Bt3hpyLAu1W/?utm_source=ig_web_button_share_sheet
- dario.rizzo.129. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/p/BkZoj4QgKa4/hixipower.> [Электронный ресурс]. URL: https://www.instagram.com/p/BiUbw-Kj3MI/?utm_source=ig_web_button_share_sheet
- infamous_mishka. [Электронный ресурс]. URL: https://www.instagram.com/p/Bt0UK-LnSRv/?utm_source=ig_web_button_share_sheet
- ltdan897. [Электронный ресурс]. URL: https://www.instagram.com/p/Bui9aXRndsfs_D-TJJp5F8XsAflHPftABib880/?utm_source=ig_share_sheet&igshid=w3434vk5vw3qmoooritz. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/p/BsP4q65FQzo/nicoleee261.> [Электронный ресурс]. URL: https://www.instagram.com/p/Bn1EnMMD7ir/?utm_source=ig_web_button_share_sheetpatte____. [Электронный ресурс]. URL: https://www.instagram.com/p/BZ9OeGV1KuJ/?utm_source=ig_web_button_share_sheet
- soldaten_respekt. [Электронный ресурс]. URL: https://www.instagram.com/p/Bs8TRhPHcWH/sportkamerad_. [Электронный ресурс]. URL: https://www.instagram.com/p/BsqIyv5HbNu/?utm_source=ig_share_sheet&igshid=wniwwvzno13r
- sportkamerad_. [Электронный ресурс]. URL: https://www.instagram.com/p/Btq80IHivkw/sportkamerad_. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/p/Bt8qq-EiYMc/>

References

- Baoyan' U. *Kommunikativnye strategii i taktiki i yazykovye sredstva ikh realizatsii v russkoyazychnoy neformal'noy mezhlchnostnoy diskussii (na materiale Internet-dnevnikov)* [Communicative Strategies and Tactics and Language Means of Their Implementation in the Russian-Speaking Informal Interpersonal Discussion (on the material of Internet diaries)]. Cand. of Philol. Diss. Moskva, 2008.
- Borbot'ko V.G. *Elementy teorii diskursa* [Elements of the Theory of Discourse]. Groznyy, 1981.
- Gasparov B.M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence]. Moskva, 1996.
- Germasheva T.M. *Yazykovaya lichnost' sub"ekta blog-diskursa: lingvokognitivnyy aspekt* [The Linguistic Identity of the Subject of a Blog Discourse: the Linguo-Cognitive Aspect]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Nal'chik, 2011.
- Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Language]. Moskva, 2008.
- Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, 2002.
- Klushina N.I., Lyulikova A.V., Nikolaeva A.V., Selezneva L.V. *Dinamika kommunikativnykh norm v sovremennoy russkoy rechi* [Dynamics of Communicative Norms in Modern Russian Speech.]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. Barnaul, 2018. No. 3. DOI: 10.14258/filichel(2018)3-05

Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the Discourse Theory]. Moskva, 2003.

Ryzhkov M.S. *Rechevye strategii i taktiki internet-kommunikatsii (na materiale chatov)*. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Speech Strategies and Tactics of Internet Communication (on the material of the chat)]. Moskva, 2016.

Ryabova M.E. *Yazykovaya lichnost' blogera v sovremennoy kommunikatsii* [Blogger's Lingual Identity in Modern Network Communication]. *Organizatsionnaya psikholingvistika* [Organizational Psycholinguistics]. 2018. No. 1.

Tatarnikova N.M. *Analiz kommunikativnykh strategiy kak sposob izucheniya stilevoy cherty* [Analysis of Communication Strategies as a Way to Study the Style Line]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2012. No. 1.

Tret'yakova V.S. *Rechevoy konflikt i aspekty ego izucheniya* [Speech Conflict and Aspects of Its Study]. *Yurislingvistika* [Legal Linguistics]. 2004. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-konflikt-i-aspekty-ego-izucheniya-1>

Cherkasova I.S. *Realizatsiya kommunikativnoy strategii samoprezentatsii lichnosti v russkikh i nemetskikh ob'yavleniyakh o znakomstve* [Implementation of the Communicative Strategy of Self-Presentation of Personality in Russian and German Announcements of Acquaintance]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Volgograd, 2006.

List of sources

- Geraklit o voine* [Heraclit about the War]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/debut/post351685110/>
- andrewbarclay. URL: https://www.instagram.com/p/Bt3hpyLAu1W/?utm_source=ig_web_button_share_sheet
- dario.rizzo.129. URL: <https://www.instagram.com/p/BkZoj4QgKa4/hixipower>. URL: https://www.instagram.com/p/BiUbw-Kj3Ml/?utm_source=ig_web_button_share_sheet
- infamous_mishka. URL: https://www.instagram.com/p/Bt0UK-LnSRv/?utm_source=ig_web_button_share_sheet
- ltdan897. [Electronic source]. URL: https://www.instagram.com/p/Bui9aXRndsfs_D-TJJp5F8XsAfliHPftABib880/?utm_source=ig_share_sheet&igshid=w3434vk5vw3qmooritz. URL: <https://www.instagram.com/p/BsP4q65FQzo/nicoleee261>. URL: https://www.instagram.com/p/Bn1EnMMD7ir/?utm_source=ig_web_button_share_sheet
- patte. URL: https://www.instagram.com/p/BZ9OeGVlKuJ/?utm_source=ig_web_button_share_sheet
- soldaten_respekt. URL: <https://www.instagram.com/p/Bs8TRhPHcWH/sportkamerad>. URL: https://www.instagram.com/p/BsqiIv5HbNu/?utm_source=ig_share_sheet&igshid=wniwwvzno13r
- sportkamerad. URL: <https://www.instagram.com/p/Btq80IHivkw/>
- sportkamerad. URL: <https://www.instagram.com/p/Bt8qq-EiYMc/>

**ЛЕКСИКА МОНГОЛЬСКОГО КАЛЕНДАРНОГО
ВРЕМЯИСЧИСЛЕНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОМ РОМАНЕ
М.И. ЖИГЖИТОВА «ГОД БЕЛОЙ КУРИЦЫ»**

В.М. Егодурова

Ключевые слова: наименования монгольского летоисчисления и времяисчисления; безэквивалентная лексика; перевод; культурологическая семантика, лингвистическое описание, монгольская картина мира.

Keywords: the names of the eastern chronology and time calendar; non-equivalent vocabulary, translation; culturological semantics, linguistic description, Mongolian world image.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-05

В русскоязычном историческом романе-эпопее М.И. Жигжитова «Год белой курицы» (Жигжитов, 1988)¹ повествуется о предреволюционных и революционных событиях в Монголии и о тесной связи их с событиями и людьми в России, Китае. В нем воссоздана широкая панорама жизни двадцатых годов XX века, наполненная описанием движения народов не только в Монголии, но и в граничащих с ней странах – России, Китае. В рецензии к роману Ш. Чимитдоржиев пишет, что «роман насыщен многочисленными историческими событиями и множеством действующих лиц. <...> Тогдашняя монгольская действительность изображена романистом в целом правдиво <...> Герои революционных событий показаны в динамике, живо интересно» (Лица Бурятии, URL).

Исследование воспроизведенной М.И. Жигжитовым национальной исторической картины мира в романе – задача объемная. В рамках настоящей работы рассмотрим лишь ее фрагмент – номинацию времени в единицах монгольского летоисчисления и времяисчисления как составную часть национальной языковой картины мира. Цель нашей статьи – выявить, как М.И. Жигжитов в романе, написанном на русском языке, выразил картину мира Монголии в определенный период истории на материале языковых единиц, обозначающих монгольское времяисчисление. В рамках настоящей работы рассмотрим безэквивалентную лексику, обозначающую время в единицах

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

монгольского времяисчисления, составляющих фоновую характеристику для изображения исторических событий. Употребление номинаций монгольского исчисления времени позволяет также увидеть возможности функционирования регионального русского языка, свободно употребляющего в языке художественного произведения безэквивалентную лексику путем ее калькированного перевода и пояснением в приложениях.

Уже в названии романа «Год белой курицы» (что является переводом монгольского 'Цагагчин тахиа жил'), обозначающем монгольское летоисчисление, названо время как значимый компонент произведения. Год белой курицы – это был 1921 год (Цагагчин тахиа жил) по лунному календарю. При последующем знакомстве с романом читатель погружается в описываемые события, происходящие в определенное время. Время на протяжении всего романа выступает как важный компонент в структуре романа, как символ исторического духа эпохи. Следует отметить, что, несмотря на возможность назвать время в русскоязычном романе в соответствии с принятым на территории России григорианским календарем, автор обращается к монгольскому календарю. Сам писатель как билингв определил индивидуально-авторский подход к выбору языковых средств для изображения в художественном произведении на русском языке монгольской национальной картины мира. Значит, это один из осознанно избранных автором способов реалистичного описания событий начала прошлого века в Монголии. Вводимые в текст безэквивалентные слова с семантикой времени автор поясняет, стремясь сделать содержание доступным, понятным для своего читателя.

В работах по изучению культуры монгольского народа рассматривается обозначение времени по восточному летоисчислению и общее значение, характеризующее год, день и час. Так, Н.Л. Жуковская в работе «Категории и символика традиционной культуры монголов» [Жуковская, 1988] отмечает, что в 1210 году в Монголии был введен календарь 12-летнего животного цикла, заимствованный от уйгуров. Годы назывались именами животных и имели еще ряд добавочных характеристик. Годы делились на твердые (мужские) и мягкие (женские), и в календаре последовательно чередовались друг с другом. Годы мыши, тигра, дракона, лошади, обезьяны, собаки всегда были мужскими (твердыми) годами. Годы быка, зайца, змеи, овцы, курицы, свиньи – женскими (мягкими) [Жуковская, 1988, с. 42]. По Н.Л. Жуковской, это деление не связано с полом того или иного животного. Оно основано на общих представлениях о характере мужского и женского начал (также не связанных с полом) в природе,

соотносимых с бинарными оппозициями: счастливый – несчастливый, удачный – неудачный, легкий – тяжелый [Жуковская, 1988, с. 42].

Кроме того, как отмечает Н.Л. Жуковская, в Монголии существовал еще 60-летний циклический календарь, датируемый 1346 годом, найденный в монастыре Эрдэнэ-Цзу, религиозном, культурном и политическом центре средневековой Монголии. Распространение 60-летнего цикла совпало с утверждением буддизма в качестве государственной религии Монголии. Согласно этому календарю животный цикл нес на себе еще одну семантическую нагрузку, связанную со знаком элемента, упоминаемым наряду со знаком животного в паре с ним. Всего было пять элементов: дерево (мод), огонь (гал), земля (шороо), железо (төмөр), вода (ус). Понятие пяти элементов или пяти стихий мироздания было разработано в китайской натурфилософии. Каждый из элементов имел определенное цветовое соответствие: дерево – синий цвет, огонь – красный, земля – желтый, железо – белый, вода – черный. Цвет и элемент были взаимозаменяемы при характеристике года. Например, 1888 год мог быть обозначен как год земли-мыши или год желтой мыши. Цвет в сочетании с названием животного впервые в монгольских источниках встречается лишь в 1624 году [Жуковская, 1988, с. 43-44].

Н.Л. Жуковская пишет, что с помощью тех же 12 животных, называющих годы, в Монголии часто обозначали и 12 месяцев года. Отсюда термин «восточный зодиак», иногда встречающийся в научной литературе [Жуковская, 1988, с. 43].

В работе Е.А. Бардамовой отмечается, что по существующим у бурят поверьям каждый год цикла имеет не зависящую от человека семантику. Например, год коровы считался богатым, год змеи – тяжелым, год курицы – голодным, а последний год цикла – свиньи – опасным для новорожденных [Бардамова, 2011, с. 125].

Таким образом, восточный календарь, имеющий многовековые традиции 12-летнего, 60-летнего цикла, построенный с учетом стихий, элементов, цветов и других характеристик, имеет сложную культурологическую семантику. Как показывают наши наблюдения, в лингвистическом аспекте названия годов по восточному календарю занимают как бы промежуточное место между собственными и нарицательными именами: каждый год имеет свое имя. Пройдя 12-летний цикл, год с тем или иным именем животного или птицы повторяется. Названия и семантика времени являются безэквивалентными единицами, М.И. Жигжитов употребляет их в романе в переводе на русский язык. При этом следует отметить, что в романе значительную роль выполняют названия единиц времени по

восточному календарю, номинирующие годы, дни, часы. Частотное конкретное обозначение времени на протяжении всего романа образует особый фон, сопровождающий описание тех или иных событий в указанное время.

Специальному исследованию язык романа М.И. Жигжитова «Год белой курицы» не подвергался. Имеется лишь статья О.А. Нечаевой «Мастер национального колорита и живого образного языка (О романе М. Жигжитова “Год белой курицы”»)» [Нечаева, 1992]. Как справедливо отмечает О.А. Нечаева, роман написан живым русским языком, но автор умело создает восточный национальный колорит (монгольский, отчасти китайский) по мере изображения жизни, быта, обычаев, борьбы монгольских аратов за освобождение их родины от маньчжурских поработителей. По мнению О.А. Нечаевой, автор романа сумел передать национальный дух в изображении монголов, их характера, жизни, традиций, обычаев, местности, где они обитают, жилища, храмов и т.д. Она отмечает, что автор использует монгольские слова, пословицы, афоризмы, наименования восточного летоисчисления и времяисчисления и т.д.

О.А. Нечаева особо отмечает монгольские слова и выражения, относящиеся к восточному летоисчислению. Она приводит следующие примеры из романа:

«... В **час быка** привяжи коней у колодца и приходи за мной...» (Час полуночи, с. 179).

«И вот в год **черной коровы** полководец Линь фэн-сян, бывший учитель, повел армию тайпинов на Пекин, где сидел маньчжурский император» (Год черной коровы – 1853; с. 191).

«Застонало трудовое аратство: обложили налогами. Корми прожорливых гаминов, начальство, да свои еще князя, нойоны, ламы... Вот такая беда обрушилась на Внешнюю Монголию в год **желтой овцы**» (1919 год, с. 229).

«...Шел год **белой курицы**» (1921 год, с. 295).

«Скажи ему, что табунщик Сухэ здесь. Приду завтра в **час змеи**» (С 9 до 11 утра, с. 74). «На дворе уже был **час лошади**» (Полдень, с. 139) и др. [Нечаева, 1992, с. 6].

Как показывают наблюдения, О.А. Нечаева привела примеры обозначения восточного летоисчисления и времяисчисления и пояснения автора сразу после контекста в цифрах (написаны годы) и лексемами (написаны часы) русского языка. Мы продолжим исследование того, какими языковыми средствами выражается время в романе и какими историческими событиями оно наполнено. Методом сплошной выборки мы выявили из романа безэквивалентные

номинативные единицы, обозначающие время, и даем их описание с точки зрения лингвокультурологической и собственно лингвистической с пояснениями автора для русскоязычного читателя. Мы разделили их на единицы летоисчисления (годы) и времяисчисления (дни и часы) и произвели их анализ с точки зрения представления о времени в менталитете монголоязычных народов. В ходе анализа выявляется культурологическое значение времени и дается лингвистическое описание рассматриваемых единиц.

Время в романе насыщено различными событиями, происходившими в период с 1911-ого по 1921-ый год. Основные события в романе происходят в революционный период, но есть и описание событий, которые происходили по воспоминаниям героев в 1853 и в 1896-ом годах.

Рассмотрим примеры языкового выражения восточного летоисчисления в романе.

Год белой курицы: *Шел год белой курицы. Внешняя Монголия была на грани небывалых исторических событий – феодальному средневековью приходил конец. Выступая перед бойцами партизанских отрядов, Сухэ-Батор воодушевлял аратов, вселял в их души веру в правоту народного дела, в неизбежный разгром врага, в победу народно-революционных войск, в счастливое будущее Халхи* (Жигжитов, 1988, с. 295-296).

Год белой курицы. *Март. В тот суровый год морозы держались долго, цепко* (Жигжитов, 1988, с. 311).

Шла весна года белой курицы. По дорогам, ведущим в Китай, лежали трупы замерзших гамингов (Жигжитов, 1988, с. 354).

6-го июля года белой курицы сводный отряд цириков и красноармейцев по командованию калмыка Харти Канукова без боя вступил в Ургу (Жигжитов, 1988, с. 401).

8-го июля 1921 года, а по лунному календарю – в год белой курицы, в столицу Внешней Монголии вступили главные силы народно-революционных войск Сухэ-Батора и Красной Армии (Жигжитов, 1988, с. 402).

Год белой курицы – это название романа. В аннотации к роману автор поясняет, что это был 1921 год по лунному календарю, год победы народной революции в Монголии.

Н.Л. Жуковская пишет, что год курицы относится к женскому, мягкому году [Жуковская, 1988, с. 42]. Белый цвет означает, что это был по элементу год «железа» [Жуковская, 1988, с. 44]. Е.А. Бардамова отмечает, что год курицы считается голодным [Бардамова, 2011, с. 125].

С лингвистической точки зрения название года по монгольскому календарю представляет собой словосочетание – «цагаагчин тахиа жил», что в дословном переводе (калька) означает «год белой курицы» (существительное *год* + цельное сочетание *белой курицы*). Культурологическая восточная семантика этого года не имеет эквивалента в русском языке. Как показывает пример, год белой курицы был насыщен важными для страны историческими событиями, во Внешней Монголии приходил конец феодальному строю и наступала новая эпоха. О герое романа Сухэ-Баторе сообщается, что он в это время воодушевлял аратов, вселял в их души веру в правоту народного дела, в неизбежный разгром врага, в победу народно-революционных войск, в счастливое будущее Халхи. Итак, уже в названии романа заложена этническая составляющая восточной языковой картины мира.

Год синей мыши: – *Эмчи, я залпом прочитал вашу книжку. Каким же жестоким оказался белый хан Никола. Ведь в год синей мыши к нему шел народ с бурханами, с белым ламой, а он приказал своим цирикам стрелять в народ* (Жигжитов, 1988, с. 70).

– *Сказал тоже! У нас есть казак Цыремпил Ранжуров. Он в год синей мыши с русскими друзьями выступил против белого хана Николая. Потом выручил из тюрьмы революционеров* (Жигжитов, 1988, с. 93).

А совсем недавно, в год синей мыши, в России были революция, которая должна была прогнать с престола царя, но ее подавили (Жигжитов, 1988, с. 186).

В год синей мыши маньчжурская армия с помощью чужестранных войск да отрядов богатых китайцев заняла город Нанкин. Главный командир тайпинов Хун Сю-цюань, чтоб маньчжуры не захватили его живым, проглотил горячее золото и умер... (Жигжитов, 1988, с. 192).

Автор романа поясняет в приложении значение словосочетания **год синей мыши – 1905 год** по лунному календарю.

Н.Л. Жуковская пишет, что год мыши относится к твердым, то есть мужским годам [Жуковская, 1988, с. 42]. Синий цвет означает, что это был по элементу год «деревя» [Жуковская, 1988, с. 44].

Название года по восточному календарю представляет собой словосочетание – «хөхөгчин хулгана жил», в переводе означает «год синей мыши» (существительное *год* + цельное сочетание *синей мыши*). Культурологическая восточная семантика этого года не имеет эквивалента в русском языке. Как показывает пример, год синей мыши тоже был насыщен важными историческими событиями, русский царь Николай дал приказ расстрелять народ, который шел к нему с

прошением. В России произошла революция, которая должна была свергнуть царя, но ее подавили. Маньчжурская армия с помощью иностранных войск и богатых китайцев заняла город Нанкин. Герой романа казак Цыремпил Ранжуров с русскими друзьями выступил против белого хана Николая. Потом выручил из тюрьмы революционеров. Так, через описание событий во времени читатели представляют себе историю Монголии.

Год белой свиньи: *Это произошло в год белой свиньи, а по европейскому летоисчислению в 1911 году* (Жигжитов, 1988, с. 80).

В год белой свиньи в Урге хозяйничало Временное правительство. Верховодили князья и хутухты (Жигжитов, 1988, с. 80).

Автор контекстуально поясняет значение словосочетания *год белой свиньи, 1911 год*.

По Н.Л. Жуковской год свиньи относится к женским мягким годам [Жуковская, 1988, с. 42]. Белый цвет означает, что это был по элементу год «железа» [Жуковская, 1988, с. 44]. Е.А. Бардамова отмечает, что год свиньи считался опасным для новорожденных [Бардамова, 2011, с. 125].

Название года по восточному календарю представляет собой словосочетание – «цагаагчин гахай жил», что в переводе обозначает «год белой свиньи» (существительное *год* + цельное сочетание *белой свиньи*). Культурологическая восточная семантика этого года не имеет эквивалента в русском языке. Писатель поясняет, что это был 1911 год по лунному календарю. Как показывает пример, год белой свиньи был насыщен важными для страны историческими событиями, в год белой свиньи в Урге хозяйничало временное правительство и верховодили князья и хутухты.

Год синей собаки: *Князь гун Ендон в год синей собаки купил у китайского коммерсанта дом* (Жигжитов, 1988, с. 111).

Автор поясняет в приложении значение словосочетания *год синей собаки – 1896 год* по лунному календарю.

Н.Л. Жуковская пишет, что год собаки относится к твердым [Жуковская, 1988, с. 42]. Синий цвет означает, что это был по элементу год «дерева» [Жуковская, 1988, с. 44].

Название года по восточному календарю представляет собой словосочетание – «хөх нохой жил», переводится это словосочетание как «год синей собаки» (существительное *год* + цельное сочетание *синей собаки*). Культурологическая восточная семантика этого года не имеет эквивалента в русском языке. В романе повествуется, что в год синей собаки князь гун Ендон купил у китайского коммерсанта дом.

Таким образом, во времени обозначены в романе не только значимые события в жизни страны, народа, но и семейные события, происходившие в тот или иной год.

Год черной коровы: *И вот в год черной коровы полководец Линь Фэн-сян, бывший учитель, повел армию тайпинов на Пекин, где сидел маньчжурский император* (Жигжитов, 1988, с. 191).

Автор романа поясняет в приложении значение словосочетания **год черной коровы – 1853 год**.

Н.Л. Жуковская пишет, что год коровы относится к женским [Жуковская, 1988, с. 42]. Черный цвет означает, что это был по элементу год «воды» [Жуковская, 1988, с. 44]. Е.А. Бардамова отмечает, что год коровы считался богатым [Бардамова, 2011, с. 125].

Название года по восточному календарю представляет собой словосочетание – «харагчин үхэр жил», в переводе на русский означает «год черной коровы» (существительное *год* + цельное сочетание *черной коровы*). Культурологическая восточная семантика этого года не имеет эквивалента в русском языке. Писатель поясняет, что это был 1853 год по лунному календарю. Как показывает пример, год черной коровы был насыщен историческими событиями, полководец Линь Фэн-сян повел армию тайпинов на Пекин, где сидел маньчжурский император.

Год желтой овцы: *Застонало трудовое аратство: обложили налогами. Корми прожорливых гаминов, начальство да свои еще князья, нойоны, ламы... Ох, как тяжело стало арату!... Вот такая беда обрушилась на Внешнюю Монголию в год желтой овцы* (Жигжитов, 1988, с. 229).

Автор поясняет в приложении значение словосочетания **год желтой овцы – 1919 год**.

Н.Л. Жуковская пишет, что год овцы относится к женским [Жуковская, 1988, с. 42]. Желтый цвет означает, что это был по элементу год «земли» [Жуковская, 1988, с. 44].

Название года по восточному календарю представляет собой словосочетание – «шарагчин хонь жил», что в переводе соответствует русскому «год желтой овцы» (существительное *год* + цельное сочетание *желтой овцы*). Культурологическая восточная семантика этого года не имеет эквивалента в русском языке. Писатель поясняет, что это был 1919 год по лунному календарю. Как показывает пример, в год желтой овцы обложили налогами трудовое аратство: вот такая беда обрушилась на Внешнюю Монголию.

Как показывают приведенные примеры: *год белой курицы, год синей мыши, год белой свиньи, год синей собаки, год черной коровы, год*

желтой овцы – это названия годов восточного летоисчисления в прямом переводе с монгольского языка на русский язык.

По мнению Н.Л. Жуковской, более интересным представляется «суточный зодиак» Монголии. Сутки у монгольских кочевников делились на 12 сдвоенных часов, каждый из которых обозначался именем одного из животных цикла: час мыши (0-2), быка (2-4), тигра (4-6), зайца (6-8), дракона (8-10), змеи (10-12), лошади (12-14), овцы (14-16), обезьяны (16-18), курицы (18-20), собаки (20-22), свиньи (22-24) [Жуковская, 1988, с. 43].

На наш взгляд, следует внести следующее уточнение относительно соответствия часов по восточному и григорианскому времяисчислению.

Хулгана цаг (час мыши) => 23⁴⁰ - 01⁴⁰

Үхэр цаг (час быка) => 01⁴⁰ - 03⁴⁰

Бар цаг (час тигра) => 03⁴⁰ - 05⁴⁰

Туулай цаг (час зайца) => 05⁴⁰ - 07⁴⁰

Луу цаг (час дракона) => 07⁴⁰ - 09⁴⁰

Могой цаг (час змеи) => 09⁴⁰ - 11⁴⁰

Морин цаг (час лошади) => 11⁴⁰ - 13⁴⁰

Хонь цаг (час овцы) => 13⁴⁰ - 15⁴⁰

Бич цаг (час обезьяны) => 15⁴⁰ - 17⁴⁰

Тахиа цаг (час курицы) => 17⁴⁰ - 19⁴⁰

Нохой цаг (час собаки) => 19⁴⁰ - 21⁴⁰

Гахай цаг (час свиньи) => 21⁴⁰ - 23⁴⁰

(Freedom-forge, URL)

Рассмотрим примеры языкового выражения восточного времяисчисления в романе.

Час змеи: *Приеду завтра в час змеи* (Жигжитов, 1988, с. 74).

В час змеи одиннадцатого месяца года белой свиньи столицная войсковая часть двума колоннами по обе стороны дороги стала маршировать по направлению дворца богдо-хана (Жигжитов, 1988, с. 90).

– Мы будем гулять у вас **до часа змеи**. Этих денег достаточно будет или мало? (Жигжитов, 1988, с. 223).

– Не-е, княжна, то есть, княгиня Сурэн, я пошутил. Теперь верю вам. Поедем всем отрядом. В какое время зайти?

– **В час змеи...** (Жигжитов, 1988, с. 262).

Был **час змеи**. Сухэ-Батор вышел на крыльцо. Еще дымилась остатки пожарищ. Пахло гарью (Жигжитов, 1988, с. 316).

– Жанжин, из Кяхты позвонили, что **в час змеи** выехали оттуда члены правительства и ЦК (Жигжитов, 1988, с. 316).

– Сегодня, **в час змеи**, выступит на Алтан-Булак князь Баяр-гун во главе большого отряда (Жигжитов, 1988, с. 349).

Автор романа поясняет в приложении значение словосочетания **час змеи** – с 9 до 11 утра.

Название суточного времени по восточному календарю представляет собой словосочетание «могой цаг», что в дословном переводе означает «час змеи» (существительное *час* + название животного, *змеи*). Культурологическая восточная семантика этого суточного времени не имеет эквивалента в русском языке.

Алтан цаг: *А вдали, на берегу озера, плясали танец алтан цаг грациозные даурские журавли* (Жигжитов, 1988, с. 74).

Автор поясняет в приложении значение словосочетания **алтан цаг** – **золотая пора**. Это не определенное время, а самое подходящее время для какого-либо дела; самое счастливое время. Ср.: золотая пора – I. Высок. Лучшее, счастливое время жизни (юность, молодость). II. что [чего], имеется в виду временной период в жизни какого-либо лица или группы, объединенных общим делом лиц, оценивается как самое лучшее, беззаботное, счастливое время, как период наивысших для их деятельности возможностей (Словари и энциклопедии..., URL).

Час лошади: *На дворе уже был час лошади* (Жигжитов, 1988, с. 139).

В час лошади посылает ко мне ламу-тойна с деловой бумагой (Жигжитов, 1988, с. 140).

Час коня: – *Ты покупать пришла так покупай. Мне надо в час коня быть у Сухэ-Батора* (Жигжитов, 1988, с. 221).

В час коня двадцатого мая года белой курицы прямо с парада войска барона Унгерна фон Штернберга двинулись по древнему тракту Урга – Кяхта (Жигжитов, 1988, с. 346).

Автор поясняет значение словосочетания в приложении: **час лошади** – **полдень**.

Название суточного времени по восточному календарю представляет собой словосочетание «морь цаг», в переводе на русский «час лошади» (существительное *час* + название животного, *лошади или коня*). Культурологическая восточная семантика этого суточного времени не имеет эквивалента в русском языке.

Час быка: *В час быка привяжи коней у колодца и приходи за мной. Понял? В час быка* (Жигжитов, 1988, с. 179).

В час быка Цаган-Дара-эх сидела в своей спальне и думала: «Я должна сделать все, чтобы славный Фудзи уехал от нас, не с пустыми руками...» (Жигжитов, 1988, с. 197).

Крепко спали утомленные дневным переходом солдаты-обозники. Давненько кончился час быка. В предрассветной темноте бесшумно сняли дремавших часовых (Жигжитов, 1988, с. 204).

Близился час быка. Сурэн, Янжима и Табангут наняли русскую тройку и поехали кататься по ночному городу; остались за столом Сухэ-Батор, Чойбалсан и Жамьян (Жигжитов, 1988, с. 223).

Минул час быка (Жигжитов, 1988, с. 246).

На дворе еще час быка. Один из разведчиков вернулся назад (Жигжитов, 1988, с. 356).

– Князь Дар-гун велел мне следовать за ним завтра в час быка. Говорит, будем вместе брать в плен разбойника Сухэ-Батора (Жигжитов, 1988, с. 366).

Автор романа поясняет значение словосочетания в приложении: **час быка – час полуночи.**

Название суточного времени по восточному календарю представляет собой словосочетание – «үхэр цаг», что в переводе означает «час быка» (существительное *час* + название животного, *быка*). Культурологическая восточная семантика этого времени (часа) не имеет эквивалента в русском языке.

Как показывают приведенные примеры: *час змеи, час лошади, час быка* – это названия суточного восточного времяисчисления в прямом переводе с монгольского языка на русский язык.

Таким образом, как показывает рассмотренный материал, М.И. Жигжитов использовал в романе названия времени по восточному календарю не случайно, а с целью создания колорита картины мира монголов через культурологическую семантику времени. Культурологическая семантика времени по монгольскому (китайскому) календарю, которым пользовались народы Центральной Азии, имеет особенные смысловые значения, и автор опирается на них при описании событий в романе.

С лингвистической точки зрения названия годов по монгольскому календарю представляют собой словосочетания в форме: существительное *год* + цельное сочетание, обозначающее животное: «цагаагчин тахиа жил» означает «год белой курицы», «хөхөгчин хулгана жил» означает «год синей мыши», «цагаагчин гахай жил» означает «год белой свиньи», «хөх нохой жил» означает «год синей собаки», «харагчин үхэр жил» означает «год черной коровы», «шарагчин хонь жил» означает «год желтой овцы». Восточные названия летоисчисления представляют собой дословный перевод на русский язык. Культурологическая восточная семантика их не имеет эквивалентов в русском языке.

Названия суточного времени по восточному календарю представляют собой словосочетания в форме: существительное *час* + название животного: «могой цаг» означает «час змеи», «морь цаг» означает «час лошади или час

коня», «ухэр цаг» означает «час быка». Восточные названия суточного времени тоже представляют собой дословный перевод на русский язык. Культурологическая восточная семантика суточного времени тоже не имеет эквивалентов в русском языке.

Время, описанное в романе, динамично, наполнено переломными историческими событиями в жизни страны, народа, и происходящие события, как показано в романе, сказывались на судьбах людей и каждого человека. Обозначение времени в романе единицами монгольского летоисчисления открывает перед читателем картину событий, происходивших в тот или иной год, день и час в контексте семантики монгольского восприятия времени и в целом с учетом мировоззрения монголоязычных народов. Так, через использование единиц восточного летоисчисления и времяисчисления, имеющих особенное смысловое содержание в менталитете монголоязычных народов, автор сумел передать в русскоязычном романе фрагмент монгольской картины мира, отражающей время. Употребление номинаций монгольского исчисления времени в романе отражает особенности функционирования русского языка в Байкальском регионе, свободно использующего в живой речи безэквивалентную лексику из монгольских языков.

Литература

- Бардамова Е.А. Время в языковой картине мира бурят. Улан-Удэ, 2011.
 Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
 Медведева Т.С. Концептуализация времени в немецкой и русской лингвокультурах // Филология и человек. 2012. № 4.
 Нечаева О.А. Мастер национального колорита и живого образного языка (о романе М. Жигжитова «Год белой курицы») // Язык художественных произведений писателей Сибири. Улан-Удэ, 1992.
 Сарбаш Л.Н. «Инонациональное» в русской литературе XIX века: чуваша в творчестве Н.С. Лескова и Н.Г. Гарина // Филология и человек. 2013. № 1.

Список источников

- Лица Бурятии. [Электронный ресурс]. URL: <https://i-bur.ru/faces-of-buryatia/zhigzhitov-mikhail-ilich>
 Жигжитов М.И. Год белой курицы. Улан-Удэ, 1988.
 Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/>
 Freedom-forge [Электронный ресурс]. URL: http://freedom-forge.blogspot.com/2012/01/blog-post_10.html

References

Bardamova E.A. *Vremya v yazykovoy kartine mira buryat* [Time in the Language Picture of the World of Buryats]. Ulan-Ude, 2011.

Zhukovskaya N.L. *Kategorii i simbolika traditsionnoy kultury mongolov* [Categories and Symbolism of the Traditional Culture of the Mongols]. Moskva, 1988.

Medvedeva T.S. *Kontseptualizatsiya vremeni v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* [Conceptualization of Time in German and Russian Linguistic Cultures]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2012. No. 4.

Nechaeva O.A. *Master natsional'nogo kolorita i zhivogo obraznogo yazyka (o romane M. Zhigzhitova «God beloy kuritsy»)* [Master of National Color and Living Figurative Language (about M. Zhigzhitov's novel "The Year of the White Chicken")]. *Yazyk khudozhestvennykh proizvedeniy pisateley Sibiri* [The Language of Works of Art of Writers of Siberia]. Ulan-Ude, 1992.

Sarbash L.N. *«Inonatsional'noye» v russkoj literature KHIX veka: chuvashi v tvorchestve N.S. Leskova i N.G. Garina* [Foreign in Russian Literature on the XIX century: Chavash in the Works of N.S. Leskov and N.G. Garin]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2013. No. 1

List of sources

Lica Buryatii [Faces of Buryatia]. URL: <https://i-bur.ru/faces-of-buryatia/zhigzhitov-mikhail-ilich>
Zhigzhitov M.I. *God beloy kuritsy* [Year of the White Chicken]. Ulan-Ude, 1988.

Slovari i enciklopedii na Akademike [Dictionaries and Encyclopedias on the Academician]. URL: <https://dic.academic.ru/>

Freedom-forge. URL: http://freedom-forge.blogspot.com/2012/01/blog-post_10.html

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕНДРОНИМА ОАК И АНГЛО-КЕЛЬТСКИЙ СИМВОЛИЗМ ДУБА

Е.И. Абрамова

Ключевые слова: дендроним, дуб, кельтский, лингвокультура, английская культура, символизм дерева.

Keywords: dendronym, oak, Celtic, linguoculture, English culture, tree symbolism.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-06

Введение

Изучение и освоение, человеком мира начиналось всегда с природы как окружающей его среды, которая принимает живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий человека [Ключевский, 2003, с. 51]. Постоянное пребывание в живой природе

ведет к попытке человека понять ее, объяснить природные явления и объекты, наделить их чертами человека и божественных существ. Отсюда берет начало тотемизм как идеология раннего родового общества, являющийся зародышем всех европейских обычаев [Зеленин, 1937, с. 75], что явно прослеживается сейчас в языке как хранителе и трансляторе заложенных в него ранее знаний и представлений. В.О. Ключевский отмечает особую роль леса, оказывающего хозяйственные, политические, и даже нравственные услуги, заменяющего горы и замки, служащего самым надежным убежищем от внешних врагов [Ключевский, 2003, с. 51], что также находит отражение в языке. Таким образом, идентичность этноса непосредственно связана с окружающей природой, частью которой являются лес и деревья.

Цель статьи – проанализировать линвокультурный потенциал дендронима *oak* на основе сопоставления с образом денотата в европейской кельтской и английской культуре. Следовательно, необходимо определить, как дерево вписано в традиционную культуру, каково отношение между деревом как ботаническим объектом и его культурным символическим образом, между деревом и человеком, положение определенного дерева в дендрарии, и какое отражение в современном английском языке находят эти развивающиеся в течение веков отношения и статусы.

Образ дерева и дендроним

Дерево – уникальный феномен, чей большой метафорический потенциал объясняется его промежуточным положением между живой природой и неживой, между верхним и нижним миром. Дерево характеризуется одновременно силой и слабостью, природой и структурой, сезонностью и цикличностью, способно стоять, будучи умершим. Дерево как главный представитель лесной экосистемы не только приносит пользу другим живым организмам, но и представляет опасность [Hooke, 2010, с. 9].

Степень полезности, активное применение дерева в хозяйстве определялось его качествами: размером, плотностью /мягкостью древесины, гибкостью ствола, способностью противостоять погодным условиям, наличием сочных и вкусных съедобных плодов, реальными или мнимыми лекарственными или токсичными свойствами. Деревья являются универсальным объектом обожествления и поклонения, что объясняется рационально, поскольку древесина – уникальный материал для обогрева, строительства зданий и сооружений, а также телег, повозок, музыкальных инструментов, корзин и религиозных предметов. Изображения ветвей деревьев на декоративных предметах

уже в VI веке до н.э. свидетельствуют о признании важной роли дерева в материальной и духовной жизни человека.

Дендронимы, названия древовидных растений, деревьев и кустарников, представляют собой древний слой лексики, который отражает изменения во времени окружающего мира, климата и экологии [Хисматова, 2005, с. 15]. Через дендронимы, с одной стороны, отражается понимание человеком природы, его отношение к флоре и фауне своих предшественников, с другой стороны, последующие поколения получают многогранную информацию о природных объектах, в частности, о деревьях, прежде чем столкнутся с ними и их качествами в реальности.

Исследование проблемы

По указанным выше причинам дендронимы исследуются преимущественно как фрагменты национальной языковой картины мира. Описывается функционирование лексико-семантической группы «Дендронимы» в художественном тексте [Исакова, 2011; Соколова, 2017-2019], исследуется номинация древесных растений, их словообразовательный и культурный потенциал, способность передавать информацию о мировоззрении народов, о взаимоотношениях человека и природы [Хисматова, 2005; Исаев, 2016]. Особый интерес представляет изучение дендронимов как элементов фразеологической картины мира [Скоробогатова, Суралева, 2016; Писарская, Якименко, 2017; Габбазова, Тагирова, 2016].

В связи с этим исследования культурологического плана представляют сравнительный анализ дендронимов как явления в разных лингвокультурах [Хисматова, 2005; Исаев, 2016; Ахметзянов, Гараева, 2016-2017], предлагается подробный алгоритм описания символики и мифологии деревьев в традиционной культуре народа [Агапкина, 2019]. Еще в первой половине XX века Д.К. Зеленин проследил историю развития тотемического культа дерева в европейской культуре [Зеленин, 1937]. В.В. Иванов и В.Н. Топоров включали дерево в список индоевропейских мифологических объектов, участвующих в мифологических сюжетах. Важнейшим деревом является дуб, на котором сидит громовержец, и под которым находится его противник [Иванов, 1980, с. 530].

Дендронимы как носители культуры

Географические условия, рельеф и климат местности обитания этноса обуславливали специфику функционирования и семантики элементов лексико-семантической группы дендронимов. По наличию их в языке, структуре, функционированию можно теперь судить о растительности региона в настоящем и прошлом, узнать о деталях

повседневной жизни носителей языка в прошлом, а по производным словам и словосочетаниям судить о свойствах дерева, об ассоциациях вызванных ими в человеческом сознании и перенесенных на человеческие качества и отношения. Лингвистический анализ позволяет выявить некоторые особенности, например, способы номинации и мотивированность дендронимов, происхождение и распространение некоторых видов деревьев в определенной местности. Этимология дендронима выявляет первичное значение слова, ценность которого в отражении способа мышления древних предков при соприкосновении с природным объектом.

Частота и интенсивность использования денотата влияли на лексическую продуктивность дендронима, поэтому некоторые из них стали основой для группы сложносочиненных слов и ныне обладают обширным словообразовательным гнездом, являются составными единицами устойчивых словосочетаний и выступают в роли стилистических средств в тексте. Отмечается семантическая потенция дендронимов, поскольку их предметное содержание сопоставляется с их вторичными символическими значениями и коннотативными компонентами смысла [Исакова, 2011, с. 3].

Нельзя исключать и вероятности того, что данное растение широко использовалось в прошлом, а затем со временем, утратив свое функциональное предназначение, сохранило в языке богатую палитру своих обозначений. Данная гипотеза отчасти подкрепляется мнением Э. Сепира: «Заинтересованность носителей языка в особенностях окружающей среды в значительно большей степени, нежели само наличие этих особенностей, предопределяет словарный состав языка» [цит. по Комлев, 2014, с. 114].

Таким образом, дендронимы как четко структурированная и многоуровневая система обладают культурным потенциалом, то есть передают информацию о взаимоотношениях человека и природы, мировоззрении народа, нравственно-духовных традициях, выражают опыт этноса, наблюдения над окружающей средой, что объясняет их лексическую и стилистическую продуктивность и сочетаемость.

Обозначив роль дендронимов как языковых знаков деревьев, обратимся к рассмотрению символьного функционирования их денотатов в кельтской и английской культуре.

Символизм и функция дерева в кельтской культуре

Символика дерева в Британии имеет общеевропейские корни и была развита уже в римско-кельтские времена. Дерево, чьи ветви простираются высоко в небо, а корни уходят глубоко в землю, рассматривалось как посредник между мирами. Птицы, живущие в

деревьях, легко перемещаются между мирами. Дерево – символ долгой, здоровой и вечной жизни [Heinz, 2008, с. 141]. Символика деревьев была сопряжена с символикой животных, живущих по ритму деревьев и питающихся их плодами.

Священными деревьями у кельтов в первую очередь считались дуб, тис, ясень, орешник. Меньшая важность придавалась иве, буку, раkitнику, яблоне, плющу, падубу, бузине, терновнику, вязу. Рощи как места для моления кельтских кланов и подготовки к битвам против римлян имели религиозное и военно-политическое значение. В рощах друиды проводили важные социальные церемонии, например, инаугурацию вождя, который ассоциировался с идентичностью и выживанием клана, его мудростью и величием, приданными ему священными рощами.

Кельтская мифология представляет яркие примеры изоморфизма человека и дерева. Как известно, легендарный король Артур был похоронен в Авалоне, что означает «остров яблонь» (валл. *Afal*). Блодьювед, героиня валлийской мифологии «Мабиноги», создана из цветов раkitника, таволги и дуба. Приемный брат Артура Кай стремится дорасти до дерева. Также, при жертвоприношениях, дерево зачастую сжигалось вместо человека. В средневековой валлийской рукописи *Llyfr Taliesin*, записанной на основе устных произведений, люди превращаются в деревья и ведут битву с врагом. Сопоставление дерева и человека основано на их поливалентности, некотором структурном сходстве их материальных тел, связи с небесным и земным. По этой причине названия деревьев служили основой для антропонимов, например, *Mac Daro* – сын дуба, *Dar Charithinn* – дочь рябины, *Mac Cuill* – сын лесного орешника, *Mac Dreign* – сын терновника, *Dar Ibair* – дочь тиса и др. [Heinz, 2008, с. 139].

Деревья также ассоциировались с ранним алфавитом кельтов *Ogham*, в котором каждая буква соотносилась с каким-либо дендронимом, а фитонимический календарь *Ogham* связывал определенное дерево с месяцем года. Так, дубу отводились буква *D* и период года вокруг летнего солнцестояния.

Дерево представлялось источником вдохновения. Визуальный образ дерева являлся метафорой мысли, распространяющейся и простирающейся подобно ветвям деревьев. Неудивительно, что страдающие от безумия после сражений воины бежали в леса и приводили в порядок свои мысли, живя на деревьях [Heinz, 2008, с. 142].

Деревья выполняли эзотерическую функцию. По древней валлийской традиции ветви березы собираются в полночь и

развешиваются над дверью для очищения жилища от злых духов или закапываются в землю, чтобы спугнуть привидения [Heinz, 2008, с. 143].

Символизм и функция дуба в кельтской и английской культуре

Важным деревом у древних римлян и греков и самым важным у кельтов являлся дуб, поскольку размер и долговечность дуба ассоциируется с жизненной силой природы и человека. Высота и способность дуба притягивать молнии приводили к мысли о связи с громовержцем и богоизбранности дерева.

Существует версия, что слово *druid* происходит от кельтского со значением «человек дуба», «житель дуба», «знаток дуба» или «мудрый, как дуб». С дубом связаны и кельтские имена *Dervi*, *Dervaci*, *Dervius* [Heinz, 2008, с. 146]. Друиды испытывали особое отношение к дубу. По сообщениям Плиния, они проводили ритуальные празднества, связанные с дубом и жертвоприношениями ему белого быка [Green, 2003, с. 152]. Однако в кельтской традиции дуб в первую очередь ассоциируется со свиньей, поедающей желуды и связанной с подземным миром.

Дуб, по кельтским поверьям, имел целительную силу. В частности, настои из коры дуба снижали температуру, порошок из коры служил в качестве зубной пасты, листья использовались против воспаления ран, а сам сильный дуб «принимал» на себя боль слабого человека, загонял ее в землю или развеивал по воздуху. Целительная дубильная кислота укрепляет организм и исцеляет от болезней желудка. При поедании желудей в сыром виде люди испытывают помутнение сознания, что, по их мнению, позволяет им мигрировать между мирами, приобретать дополнительные знания, информацию, получать вдохновение, уходить от реального мира, становиться храбрыми. [Heinz, 2008, с. 147]. Именно так погружались в трансцендентальную медитацию друиды, посредники между мирами.

Как отмечается, в топонимике региона наиболее распространены наименования, в основу которых положены признаки, отражающие природную обусловленность названия [Ильин, 2011, с. 97]. Представленность дуба в топонимике кельтского происхождения в Великобритании обнаруживается в топокомпоненте *Der-* (дуб): Londonderry, Ballinderry, Dernish, Derrycaw, Deryadd, Derrylane и других, всего более 70 топонимов, представленных в словаре [Mills, 2003, с. 151-153]. Большинство из них относятся к доанглийскому периоду, что подтверждает высокий статус дуба в кельтском социуме как пространственного и социального ориентира.

Таким образом, дуб функционирует как посредник между мирами, как символ идентичности, мудрости, величия, пророчества, вдохновения, долговечности и прочности, а также ассоциируется с человеком, в первую очередь с вождем и храбрым и сильным мифологическим персонажем, возможно, предком этноса. Дуб является ориентиром в пространстве и в социуме. Рассмотрим преломление этих кельтских воззрений в английской лингвокультуре.

Население Англии сформировалось в средние века из германских племен и ассимилированных кельтов. В то время большую часть территории Англии покрывали дубовые рощи, так как теплое лето, мягкий климат, благоприятное соотношение тепла и влаги способствуют распространению преимущественно дубовых и буковых лесов [Апресян, 2006, с. 59-63]. Прочные и долговечные дубы и буки играли большую роль в жизни англичан и активно использовались для возведения домов и позднее в XVI-XVII веках для постройки кораблей.

Принятие христианства упрочило положение дуба в картине мира англичан как особого дерева. В христианстве языческий символ дуба был перенесен на символ Христа и Девы Марии. Святой Колумба почитал дуб и строил монастыри около дубовых рощ [Heinz, 2008, с. 147]. С дубом-защитником связаны легенды о Робине Гуде и исторические предания о короле Карле II, который в 1651 году скрылся под дубом от армии Оливера Кромвеля. В честь этого события ежегодно отмечается *Royal Oak Day*. Таким образом, статус дуба как королевского дерева (см. дуб = кельтский вождь) и символа Англии был закреплен. Карл намеревался создать подлинно английский Рыцарский Орден Королевского Дуба, рыцари которого должны были носить серебряную медаль с изображением дуба [Matikkala, 2008, с. 71].

Дубы ассоциируются с морскими путешествиями [Heinz, 2008, с. 147], поскольку английский флот значительно развивался благодаря дубу в XVI-XVIII веках. В период наполеоновских войн, когда количество дубов в Англии уже значительно сократилось, политически и патриотически настроенные англичане считали делом чести посадить молодой дуб, проявляя верность и преданность нации, и упрочить силу Англии [Darian-Smith, 1999, с. 17]. В популярной патриотической песне *Rule, Britannia!* упоминается именно дуб: *Still more majestic shalt thou rise, More dreadful from each foreign stroke, As the loud blast that tears the skies Serves but to root thy native oak*. Образ дуба как символа королевской власти упрочился не только в связи с историческими событиями, в которых роль дуба оказалась решающей для спасения короля, но и

благодаря вкладу дуба как строительного материала в превращение Англии в морскую державу, что, несомненно, упрочило позицию короля.

Образ дуба как символа силы, защиты и выживания используется в качестве государственного герба и на оборотной стороне монеты. Его листья и желуди стали классическими символами в геральдике, они изображаются на вывесках пабов и гостиниц. Так, в гербе шотландского рода Гамильтонов дуб, перекрещенный пилой, обозначает способ спасения одного из родоначальников. Эргоним *The Royal Oak* остается одним из трех наиболее распространенных названий для паба с середины XVII века [Dictionary of Pub Names, 2006, с. 397]. Символом Национального фонда объектов исторического интереса либо природной красоты *The National Trust* (1894 год) является дубовый лист, который ассоциируется с патриотизмом и древними британскими традициями.

Из кельтской культуры наследовался изоморфизм человека и дерева, что прослеживается и в английских фамилиях – *Oak* (625 носителей), *Oakes* (10134), *Oaks* (195), *Oakey* (1623), *Oakley* (15692) [British Surnames, URL].

Отмечается, что дуб занимает непропорционально большое место в лингвокультуре по сравнению с другими деревьями в Англии, что значительно превосходит его реальную долю. Так, в англо-саксонской литературе упоминание дуба составляет 19% (после терновника с 39%), 26% в произведениях Шекспира (после терновника с 28%), безусловное первое место в 31% в другой литературе [Church, 2008, с. 13]. Обращение к образу дуба связано в первую очередь с его доминирующей позицией как символа Англии и его положительным романтическим образом, сформированным через многолетнее отношение англичан к нему как к материальному ресурсу и духовному образу. Однако и его романтический облик обязан в первую очередь физическим качествам, а именно силе и выносливости. В XV веке свыше 90% домов строились из древесины дуба. Кроме этого, дуб производит больше всего пыльцы и активно размножается, однако и наиболее активно вырубается для хозяйственных нужд [Church, 2008, с. 14]. Так, в XVIII веке количество дубов сократилось на 70% в связи с их активным применением в кораблестроении [Church, 2008, с. 15].

Однако аллюзии к дубу имеют внутреннее противоречие: с одной стороны, консерватизм, культивируемый образ джентри и, с другой стороны, радикализм как символ свободы и независимости,

однако «свобода» понимается как независимость от иностранных влияний [Darian-Smith, 1999, с. 17], а не внутренняя свобода человека. E. Darian-Smith вслед за W.J.T Mitchel утверждает (и с этим нельзя не согласиться), что ландшафт, элементом которого является и дуб, представляет собой процесс формирования общественных и индивидуальных идентичностей [Darian-Smith, 1999, с. 17], определяет коллективное воображение, является формой «культурной практики», способом декодирования.

Дендроним *oak*

Рассмотрим этимологию лексемы *oak* как языкового выражения дендрообраза.

Современная форма *oak* восходит к древнеанглийскому слову *ac* (германское **aiks*) и имеет родственные эквиваленты в германских и скандинавских языках [Телегин, 2014, с. 42]. Однако индоевропейская лексема *deru* (дуб) нашла отражение в английском языке в слове *tree* как гипониме для *oak* (ср. «дерево» в русском) [Телегин, 2014, с. 54], в кельтских же языках сохранилась индоевропейская лексема.

Древняя форма *ac* без труда прослеживается в английских топонимах *Acomb* (*place at the oak-tree*, XIII), *Accrington* (*village where acorns are found*, XII), *Acklam* (*oakwood*, XI), *Ackton* (*oak-tree farmstead*, XI), *Acle* (*oakwood*, XI), *Acol* (*oakwood*, XIII), *Acton* (*village by the Oaktree*, VIII) [Mills, 2003, с. 3].

О важности дубовых рощ как пространственного ориентира свидетельствует то, что лексема *oak* занимает второе место в образовании топонимов после *thorn* (терновник) [Исакова, 2011, с. 101]. Формы лексемы с начальной 'O' прослеживаются в следующих топонимах: *Oake*, *Oaken*, *Oakengates*, *Oakenshaw*, *Oakford*, *Oakham*, *Oakhanger*, *Oakley*, *Oakmere*, *Oakforth*, *Okeford*, *Occold* [Mills, 2003, с. 353]. Всего *oak/ac* используется в 11,9% топонимов с компонентом-дендронимом (после *thorn*, *willow*, *ash*) [Church, 2008, с. 13]. Представленность лексемы в топонимах следует традициям кельтского наименования географических объектов по отношению к дубу.

Наблюдая за развитием и поведением дуба, кельты, а позднее и англосаксы связывали с ним определенные явления и обобщали свои знания о нем, выраженные в языковом творчестве. Лексема *oak* входит в состав пословиц, поговорок, загадок, рифмовок, примет и имеет различные метафорические и метонимические значения [Абрамова, Скворцова, 2016, с. 17]. При этом отметим, что именно в этих образцах народного творчества обнаруживается национальная специфика образов сознания, когда реалья внешнего мира приобретает культурную коннотацию [Козлова, 2015, с. 44].

Анализ значения указанных единиц позволил выделить следующие символичные функции.

1. Символ прочности, долговечности

Анализ семантики данных идиом позволяет сделать вывод, что дуб выступает как воплощение твердости, прочности и храбрости, что обусловлено качеством древесины, устойчивостью дуба:

all oak and iron bound (здоровый) как аллюзия на прочную дубовую бочку, в которой бактерии гибнут под воздействием дуба;

An oak is not felled by one blow / at one chop / at one stroke (Дуб не падет от одного удара). Аллюзия к прочности, долговечности, мощности дуба строится на его устойчивости перед ударами.

Следующие паремии показывают превосходство над сильной природой маленького трудолюбивого и терпеливого человека:

Great oaks (are) hewn down with many blows.

Many strokes overthrow the tallest oak.

Little strokes fell great oaks.

The smallest axe may fell the largest oak.

Long ere you cut down an oak with a penknife.

Однако мощный дуб начинается с маленького желудя, ореха и формируется годами. Эта метаморфоза нашла метафорическое отражение в следующих идиомах:

Great oaks from little acorns grow. An acorn one day proves an oak. The greatest oaks have been little acorns. Every oak has been/must be an acorn.

Связь со своими корнями приводит к большому результату, что показано на примере дуба, прошедшего путь от желудя до мощного дерева.

Today's mighty oak is yesterday's little nut that held its ground.

Долговечность дуба становится основой для метафоризации в обозначении старых людей. Так, наблюдается изоморфизм в наименовании дуба в некоторых графствах Англии, например, *The Old Man of Calke* в Дербишире.

Итак, данные идиомы развивают представление о дубе как о прочном, сильном и долговечном дереве, что усиливается эпитетами *great* и *mighty*. Покорение человеком дуба показывает их статус в живой природе. Данный символизм характерен и для других европейских народов [Агапкина, 2019, с. 58-63], что указывает на его древность.

2. Символ негибкости, неповоротливости, консервативности

Отмеченные качества имеют обратную сторону, а именно указывают на неповоротливость, негибкость и консервативность.

Oaks may fall where reeds / seeds stand the storm.

Reed before the wind lives on, while mighty oaks do fall.

Сильный дуб уступает слабым посевам и тростнику при ветре и шторме, так как не может сгибаться и быстро реагировать на изменения окружающей среды.

An oak falls all at once.

The oak is feeble that falls at the first stroke.

Дуб падает сразу, а не постепенно, а если это случается при одном ударе, дерево уже не воплощает принятый в обществе образ дуба.

Медленный рост дуба нашел отражение в пословице *The willow will buy a horse before the oak will pay for a saddle*, однако скорость обратно пропорциональна прочности сравниваемых деревьев.

Представленные идиомы указывают на противоречивость образа дуба в английской дендрарии, являющегося символом одновременно консерватизма и радикализма.

3. Символ статусности, королевской власти, ценности

В стихотворении *Mary Howitt «The Oak-tree»* представлены различные статусные позиции дуба: главное дерево, жизнеутверждающее, большое, вечное по сравнению с продолжительностью жизни человека, вскормленное землей и солнцем, выросшее из маленького желудя, противостоящее ветру и дождю, с крепкой древесиной под стать железу, пригодной для строительства кораблей, тем самым благословляющее Британию как морскую державу: *SING for the oak-tree, The monarch of the wood; Sing for the oak-tree, That 76rowth green and good; That 76rowth broad and branching Within the forest shade; That 76rowth now, and yet shall grow When we are lowly laid!* (Howitt, 1855, с. 118)¹.

В поэтическом сборнике М. Gurney для детей одно из стихотворений посвящено дубу как образцу для детей: *Yes, try, my dear child, to be good, to be wise, And then you will find, if to manhood you rise, You'll be valued and prized like the oak* (Gurney, 1840, с. 10). Автор обозначает следующие статусные качества дуба: мудрость, величественность, благородство, исключительность – *the pride of our forest, majestic, nobly, gallantly, strong, stout*.

Аксиологическое отношение к дубу выражено в идиоме *to cut down an oak and set up a strawberry / and plant a thistle*, где дуб ассоциируется с ценностью, а клубника или чертополох с ненужным, незначительным,

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

поэтому замена дуба на клубнику или чертополох представляется неразумным или глупым знаком неуважения к предкам.

4. Символ храбрости

Коннотация храбрости имеет долгую историю, связанную с древнеримским обычаем возлагать на голову победителя венец из дубовых листьев. В английской лингвокультуре эта символика выражена фразой *heart of oak* «храбрый, смелый человек» как результатом метафорического и метонимического переноса, популяризированного благодаря песне XVIII века *Heart of oak are our ships, Heart of oak are our men*. В то время английские корабли были сделаны из сердцевины дуба, самой прочной части, а моряки, служившие на кораблях, считались храбрыми и смелыми. В данном случае символика имеет локальное обоснование, хотя и совпадает с древнеримской.

5. Символ мудрости

Как указывалось выше, друиды ассоциируются не только с дубом, но и с его мудростью, то есть считалось, что они были мудры, как дубы. Одной из причин приписывания дубу мудрости был его целительный потенциал. Мудрость дуба сопоставляется с мудростью совы в следующей рифмовке.

A wise old owl lived in an oak. The more he saw the less he spoke. The less he spoke, the more he heard. Why can't we be like that wise old bird?

6. Символ другого мира

Паремия *Turn your cloaks, for fairy folks are in old oaks!* связана с представлением о дубе как средоточии таинственных злых сил, от которых можно спастись, вывернув наизнанку одежду. Она указывает на демонологическую функцию дуба.

7. Символ закрытости и непроницаемости

Метонимический перенос представлен в идиоме *to sport one's oak* (закрывать двери, когда нет желания кого-либо видеть), связанной с традицией изготавливать двери из дуба.

Аллюзия на закрытость и непроницаемость желудя выражена в идиоме *as close as oak*.

To go between / twixt the oak and the rind как эквивалент русской идиоме «пройти в угольное ушко» указывает на сложность и непроницаемость тела дуба.

8. Ориентир и мерило

Дуб являлся пространственным и временным мерилом, его «миля» отличалась от стандартной, поэтому выражение *within a mile of an oak* означает «быстро, недалеко», вместе с тем наличие выражения указывает на то, что дуб, в отличие от других деревьев, создает свое измеримое пространство, которое можно обозначить словом *mile*.

9. Дуб среди других деревьев и растений

Наблюдая за ростом и развитием дуба, его поведением в разных погодных условиях, англичане создали банк примет, связанных с ним.

Нужно отметить, что чаще всего в народном творчестве сравниваются и противопоставляются дуб, ясень и терновник, которые были священными у кельтов.

Очередность распускания деревьев определяла количество осадков летом: *If the ash is out before the oak, You may expect a thorough soak; If the oak is out before the ash you'll hardly get a single splash.*

Народное наблюдение за поведением деревьев во время грозы нашло вербальное отражение в следующем совете: *Beware the oak, it draws the stroke, avoid an ash, it counts the flash; creep under the thorn, it can save you from harm.*

Фермеры на севере Англии сеяли ячмень на основе наблюдения за дубом: *When the oak puts on his gosling grey, 'Tis time to sow barley, night or day.* Подобная закономерность, связанная с появлением травы весной, выражена в пословице: *You must look for grass on the top of the oak tree.*

Поговорка *beech in summer, oak in winter* содержит практическое знание о том, когда лучше рубить дерево ради хорошей древесины.

В публицистике широко используются аллюзии к идиомам с лексемой *oak* и описанным выше образам и качествам дуба. Автор статьи в газете *Daily Telegraph* предупреждает читателей не инвестировать в маленькие компании: *Every oak has been an acorn, but not every acorn turns into an oak* [по Lennon, 2004, с. 121]. Первая часть высказывания является пословицей, а вторая – авторским окказионализмом как выводом из логического рассуждения. Канадский премьер-министр У.Л. Маккензи-Кинг в 1923 году, говоря о возможностях индивида в Англии, подчеркивает английскость дуба: *Here in England, as nowhere else in the world, great oaks from little acorns grow* [по Apperson, 2006, с. 425].

Выводы

1. Дендроним *oak* принадлежит к древнему слою лексики, что обусловлено историческими, географическими и социальными условиями проживания этноса. Лексема входит в состав топонимов, отмечаемых уже в VIII веке, ранее дуб как ориентир служил основой для кельтских топонимов с эквивалентным лексеме *oak* словом общеевропейского происхождения *der-*, что указывает на роль дерева в британском ландшафте. Дендроним *oak* послужил основой для антропонимов, подобно кельтскому дендрониму *der-*, что свидетельствует о представлениях об изоморфизме человека и дуба.

2. Современный образ дуба в английской лингвокультуре представляет собой симбиоз индоевропейских, кельтских и позднее сложившихся у англичан или подвергшихся метаморфизации представлений о дубе. Несмотря на языческое происхождение большинства из них, многие из них адаптировались в христианскую систему представлений о дубе. Современный символизм дуба сохранился, но наполнился новым содержанием и обоснованием.

3. В языковом творчестве нашли отражение следующие функции и качества дуба: прочность, долговечность, негибкость, неповоротливость, консервативность, статусность, храбрость, мудрость, мистицизм, медиация, закрытость, непроницаемость, мерило, положение в мире флоры и фауны. Большая часть этих качеств уже приписывалась дубу в общеиндоевропейский период. Они получили развитие в кельтской культуре и были восприняты и адаптированы германскими племенами, прибывшими на остров.

4. Основа представлений о дубе связана с его физическими свойствами, которые человек использовал в своих целях, демонизировал и мифологизировал, не найдя им практического объяснения, и, приписывая дубу некоторые мифические функции и качества, выражал уважение и давал оценку его роли в жизни человека. С течением времени образ дуба становится менее мифологизированным и более рациональным, что объясняется вкладом дуба как материального объекта в экономику и геополитику Англии.

5. В языковом плане качества дуба оцениваются с помощью эпитетов с ярко выраженной положительной коннотацией: *mighty, proud, strong, noble, Royal, gallant, great, strong, green, good, wise, valued, old, prized* и др. Устойчивыми метафорами для дерева являются *monarch, the pride of the forest*.

В целом древняя символика дуба сохраняется, но отдельные ее стороны трансформируются в изменяющемся культурно-историческом контексте, что неизменно находит отражение в языковом творчестве.

Литература

- Абрамова Е.И., Скворцова Е.И. Дендронимы в английской и русской языковой картине мира (на примере дендронимов oak и дуб) // *Lingua Academica: Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики*. Ульяновск, 2016.
- Агапкина Т.А. Деревья в славянской народной традиции. М., 2019.
- Апресян Ю.Д. Языковая картина мира. Волгоград, 2006.

Зеленин Д.К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов // Труды института антропологии, археологии, этнографии. Этнографическая серия 5. М., 1937.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира. М., 1980.

Ильин Д.Ю. Реализация национально-культурного компонента в региональном топонимиконе // Филология и человек. 2011. № 2.

Исакова А.А. Состав, структура и функции лексико-семантической группы «Дендронимы» в художественном тексте начала XX века: на материале поэзии Серебряного века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2011.

Ключевский В.О. Русская история. Книга 1. М., 2003.

Козлова Л.А. Национально-культурная специфика метафоры и способы ее манифестации в тексте // Филология и человек. 2015. № 1.

Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.

Телегин Л.А., Дмитриева Е.И., Ковалева Д.А. Англо-русские лексические изоглоссы. М., 2014.

Хисматова А.Р. Дендронимы в башкирском и немецком языках: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005.

Apperson G.L. A Dictionary of Proverbs. Ware, 2006.

British Surnames. [Электронный ресурс]. URL: <http://britishsurnames.co.uk/surnames/OAK/?p=2>

Church A.R. Depletion of the Sylvan Sea: Seventeenth-century English Shipbuilding. Morrisville, 2008.

Darian-Smith E. Bridging Divides: The Channel Tunnel and English Legal Identity in the New Europe. Berkeley, 1999 г.

Dictionary of Pub Names. Ware, 2006.

Green M. Symbol and Image in Celtic religious Art. Abingdon, 2003.

Heinz S. Celtic Symbols. New York, 2008.

Hooke D. Trees in Anglo-Saxon England: Literature, Lore and Landscape. Suffolk, 2010.

Lennon P. Allusions in the Press: An Applied Linguistic Study. Berlin, 2004.

Matikkala A. The Orders of Knighthood and the Formation of the British Honours System, 1660-1760. Suffolk, 2008.

Mills A.D. Oxford Dictionary of the British Place Names. Oxford, 2003.

Список источников

Gurney M. Rhymes for My Children, by a Mother. London, 1840.

Howitt M., Cook E., Landon L. Poetical Works. Boston, 1855.

References

Abramova E.I., Skvorcova E.I. *Dendronimy v anglijskoj i ruskoj yazykovoj kartine mira (na primere dendronimov oak i dub)* [Dendronyms in the Russian and English World View: case study of the dendronym oak]. *Lingua Academica: Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki* [Topical Issues of Linguistics and Language Teaching]. Ul'yanovsk, 2016.

Agapkina T.A. *Derev'ya v slavyanskoj narodnoj tradicii* [Trees in Slavic Folk Tradition]. Moskva, 2019.

Apresyan Yu.D. *Yazykovaya kartina mira* [Language World View]. Volgograd, 2006.

Zelenin D.K. *Totemy-derev'ya v skazaniyah i obryadah evropejskih narodov* [Totemic Trees in Legends and Rites of European peoples]. *Trudy instituta antropologii, arheologii, etnografii. Etnograficheskaya seriya 5* [Works of Anthropology, Archeology, Ethnography Institute. Ethnographic Series 5]. Moskva, 1937.

Ivanov V.V., Toporov V.N. *Indoevropejskaya mifologiya* [Indo-European Mythology]. *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Moskva, 1980.

Il'in D.Y. *Realizaciya nacional'no-kul'turnogo komponenta v regional'nom toponimikone* [Realisation of a National-Cultural Component in the Regional Toponymic System]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2011 No 2.

Isakova A.A. *Sostav, struktura i funkcii leksiko-semanticheskoi gruppy «Dendronimy» v hudozhestvennom tekste nachala XX veka: na materiale poezii Serebryanogo veka* [Composition, Structure and Functions of the Lexico-Semantic Group Dendronyms in Belles-Letres Texts of the Early XX Century: case study of the Silver Age]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Bryansk, 2011.

Klyuchevskij V.O. *Russkaya istoriya* [Russian History]. Kniga 1 [Book 1]. Moskva, 2003.

Kozlova L.A. *Nacional'no-kul'turnaya specifika metafory i sposoby ee manifestacii v tekste* [National-Cultural Specificity of Metaphor and its Manifestation in the Text]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2015. No 1.

Komlev N.G. *Komponenty soderzhatel'noj struktury slova* [Components of the Word Semantic Structure]. Moskva, 1969.

Telegin L.A., Dmitrieva E.I., Kovaleva D.A. *Anglo-russkie leksicheskie izoglossy* [English-Russian Lexical Isoglosses]. Moskva, 2014.

Hismatova A.R. *Dendronimy v bashkirskom i nemeckom yazykah* [Dendronyms in Bashkir and German]. Cand. Of Philol. Diss. Ufa, 2005.

Apperson G.L. *A Dictionary of Proverbs*. Ware, 2006.

British Surnames. URL: <http://britishsurnames.co.uk/surnames/OAK/?p=2>

Church A.R. *Depletion of the Sylvan Sea: Seventeenth-century English Shipbuilding*. Morrisville, 2008.

Darian-Smith E. *Bridging Divides: The Channel Tunnel and English Legal Identity in the New Europe*. Berkeley, 1999.

Dictionary of Pub Names. Ware, 2006.

Green M. *Symbol and Image in Celtic religious Art*. Abingdon, 2003.

Gurney M. *Rhymes for my children, by a mother*. London, 1840.

Heinz S. *Celtic Symbols*. New York, 2008.

Hooke D. *Trees in Anglo-Saxon England: Literature, Lore and Landscape*. Suffolk, 2010.

Howitt M., Cook E., Landon L. *Poetical Works*. Boston, 1855.

Lennon P. *Allusions in the Press: An Applied Linguistic Study*. Berlin, 2004.

Matikkala A. *The Orders of Knighthood and the Formation of the British Honours System, 1660-1760*. Suffolk, 2008.

Mills A.D. *Oxford Dictionary of the British Place Names*. Oxford, 2003.

List of sources

Gurney M. *Rhymes for My Children, by a Mother*. London, 1840.

Howitt M., Cook E., Landon L. *Poetical Works*. Boston, 1855.

«ДЯДЮШКИН СОН»: ПРОБЛЕМА ЖАНРА ПРОИЗВЕДЕНИЯ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Е.Ю. Сафронова

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Дядюшкин сон», сибирский текст, летопись, комедия, повесть.

Keywords: F. Dostoevsky, *Uncle's Dream*, Siberian text, chronicle, comedy, story.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-07

Первым сибирским произведением писателя, созданным им в ссылке, была повесть «Дядюшкин сон», опубликованная в петербургском журнале «Русское слово» (№ 3) в марте 1859 года¹. Она создавалась урывками, параллельно с романом «Село Степанчиково и его обитатели». Замысел произведения возник еще в 1856 году, о чем Достоевский признавался А.Н. Майкову в письме от 18 января 1856 года: «Я шутя начал комедию и шутя вызвал столько комической обстановки, столько комических лиц и так понравился мне мой герой, что я бросил форму комедии, несмотря на то что она удавалась, собственно для удовольствия как можно дольше следить за приключениями моего нового героя и самому хохотать над ним. Этот герой мне несколько сродни. Короче, я пишу комический роман, но до сих пор все писал отдельные приключения, написал довольно, теперь все сшиваю в целое» (Достоевский, 28-1; 209)².

О начальном периоде работы над замыслом, когда писатель находился в радостно-приподнятом настроении творца, свидетельствует и письмо брату Михаилу от 9 ноября 1856 года: «...писал урывками. Но тут не без пользы, ибо вылежалась, обдумалась и полунаписалась хорошая вещь. Да, друг мой, я знаю, что сделаю себе карьеру и завоюю хорошее место в литературе. К тому же я думаю, что литературой, *обратив на себя внимание*, я выпутаюсь из последних затруднений, оставшихся в моей горькой доле. <...> Это сочинение очень большое. Роман комический, началось с шуточного и составилось то, чем я доволен. Будут очень и очень хорошие вещи в

¹ В журнальной публикации на последней странице проставлена дата завершения работы автора – «3-го Января 1859 г. // Русское слово. 1859. Март. Отд. I. С. 172.

² Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-и тт. Л., 1972 – 1990. Т. 28-1. 1985. Далее текст произведений и писем цитируется по этому изданию с указанием тома, полутома и страниц в круглых скобках.

нем. Ради Бога, не сочти меня хвастуном. <...> Отрывки, совершенно оконченные эпизоды, из этого большого романа, я бы желал напечатать *теперь*¹» (28-1; 246).

9 марта 1857 года в разлуке с другом – бароном А.Е. Врангелем – Достоевский делился с ним своими творческими планами: «Я пишу вещь длинную и еще не кончил. Но, может быть, пошлю в Петербург, чтоб поскорей узнать, напечатают ли? – что-нибудь очень коротенькое и скоро. Вся моя надежда на это» (28-1; 273). «“Вещь длинная” – это, очевидно, все тот же “комический роман”, работа над которым шла весь 1856 год. В намерении же написать “что-нибудь коротенькое и скоро” можно увидеть первую мысль о “Дядюшкином сне”», – отмечает Б.Н. Тихомиров [Тихомиров, 2018, с. 432].

18 января 1858 года Достоевский в письме брату Михаилу вновь подтверждает наличие экспериментальной части, которая может стать «пробой пера» и способом возвращения в литературу: «<...> в большом романе моем есть эпизод, вполне законченный, сам по себе хороший, но вредящий целому. Я хочу отрезать его от романа. Величиной он тоже с “Бедных людей”, только комического содержания. Есть характеры свежие» (28-1; 300).

Таким образом, изначально «Дядюшкин сон» воспринимался автором как эпизод, стоящий «особняком» и не обладающий «необходимой органичной связью с романным “целым”» [Тихомиров, 2018, с. 432]. Подобной точки зрения придерживался и В.Г. Одинокоев [Одинокоев, 1980].

В критической и исследовательской литературе повесть традиционно оценивалась невысоко, как «неудачный фарс» и «чувствительная мелодрама» [Мочульский, 1995, с. 302], «ремесленное произведение, написанное по нужде» [Кирпотин, 1960, с. 510]². Критические замечания высказывались и в отношении эстетической стороны – «самое пестрое и смешанное (в жанровом отношении) произведение Достоевского» [Туниманов, 1980, с. 15].

Между тем, как нам представляется, комическая повесть возвращающегося в литературу писателя уже в силу своего статуса первого послекаторжного произведения должна привлекать особое внимание исследователей. Действительно, «Дядюшкин сон» – произведение новаторское с точки зрения жанра и является

¹ Курсив Достоевского – Е.С.

² Возможно, что к произведению охладел и сам автор, который относился к повести без должного внимания: «отвалял на почтовых» (28-1; 322); «Не нравится мне она» (28-1; 319).

результатом творческого эксперимента – синтеза элементов драмы и эпоса.

Оценивая свое произведение через пятнадцать лет после написания, Достоевский признавался М.П. Федорову 19 сентября 1873 года: «Я написал ее тогда в Сибири, в первый раз после каторги, единственно с целью опять начать литературное поприще и ужасно опасаясь цензуры (как к бывшему ссыльному). А потому невольно написал вещичку голубиного незлобия и замечательной невинности» (29-1; 303). По нашему глубочайшему убеждению, автор несколько лукавит, поскольку создает новаторское сочинение как на уровне формы, так и содержания, произведение принципиально новое для его жанровой системы и творческой манеры, но до сих пор до конца не понятое. В повести присутствует не только безобидная ирония, но и едкая пародия, сатира и даже гротеск.

Тщательному анализу особенностей жанровой системы этого художественного текста посвятили работы В.Н. Захаров (1985) и Б.Н. Тихомиров (2018).

С одной стороны, «[в] повести «Дядюшкин сон» есть все признаки образования романной сюжетно-композиционной структуры. Достаточно обширна система образов, выделенных в композиции произведения: Марья Александровна, Зина, князь К., Мозгляков. Каждому из них посвящены отдельные главы: Марье Александровне – большинство глав (водевильная затея выдать Зину замуж за престарелого князя – это ее интрига), князю К. – четвертая и тринадцатая, Зине – четырнадцатая и пятнадцатая, Мозглякову – девятая и одиннадцатая главы и «заклучение». Кроме того, Марье Александровне и князю К. – каждому в отдельности – целиком отведены первая и вторая главы, своего рода «предисловие рассказы» о каждом из них. По сути дела, в произведении образовалось четыре относительно самостоятельные сюжетные линии. Есть среди героев «Дядюшкина сна» и романический персонаж – Зина, которая в проявлении своих чувств не считается с условностями светского поведения, но романическое содержание оттеснено в повести водевильной интригой, оно неожиданно обнаруживается лишь в заключительных главах – в момент бунта Зины против «мордасовских нравов» и ее побега к умирающему возлюбленному, уездному учителю Васе» [Захаров, 1985, с. 67]. В результате анализа В.Н. Захаров приходит к выводу, что «[п]оэтика “водевиля” и “романа” достаточно определенно выразилась в “Дядюшкином сне” (водевильный сюжет

дан в романной трактовке), по типу повествования и завершения произведения – это повесть» [Захаров, 1985, с. 69]¹.

Действительно, в жанровом отношении «Дядюшкин сон» более всего отвечает определению комической повести – произведения эпического рода небольшого объема юмористического содержания, предназначенного для развлечения слушателей.

С другой стороны, как отмечает Б.Н. Тихомиров, жанровый диапазон произведения включает следующие элементы: «“похвальное слово” Марье Александровне (написанное, кстати, за пять месяцев до разыгравшихся в городе событий); собственно летописный рассказ о предыстории князя К.; выстроенные “в стиле фарса” [Мочульский, 1995, с. 302] сцены основного сюжета; мелодраматический эпизод предсмертного прощания Зины со своим возлюбленным и, наконец, завершающая повесть “добавочная” картина бала...» [Тихомиров, 2018, с. 436].

Однако произведение Достоевского представляет собой не только синтез эпических и драматических элементов, но и иронию над ними, трансформацию их жанрового канона, совмещение казалось бы невозможных жанромоделирующих кодов.

Фабулообразующее заглавие «Дядюшкин сон» – вполне подходящее для произведения драматического жанра.

Эпический род литературы представлен в тексте в жанровых разновидностях летописи и повести. Наиболее отчетливо он реализован в двух предисловных рассказах о Марье Александровне Москалевой и князе К., написанных в духе «гоголевского повествовательного сказа» [Захаров, 1985, с. 68] и в заключительной части XV главы, выполняющей роль послесловия, или эпилога. То есть эпическая рамка как бы обрамляет ориентированное на драму основное действие. Так, выбрав подходящее название для комедии или водевиля, Достоевский противопоставил его подзаголовку и тексту повести.

Подзаголовок повести «Из Мордасовских летописей» маркирует иронические снижение документальности как таковой и

¹ В другом месте монографии ученый еще раз вернулся к этому вопросу, уточнив: «[б]олее того, в “Дядюшкином сне” Достоевский применил не свойственный другим повестям эффект романического повествования: в сюжете повести он выделил три сюжетных линии (главную, которую ведет Марья Александровна, и две побочные – Зины и Мозглякова); сценически разработана водеvilная интрига, в которой деятельно участвуют князь К., Марья Александровна, Мозгляков, другие обыватели Мордасова. И все же в том, что “Дядюшкин сон” – повесть, а “Село Степанчиково” – роман, есть своя логика» [Захаров, 1985, с. 45-46].

значительности описываемых событий, задавая иронический тон произведению в целом.

Во-первых, жанр летописи – это классическая форма средневекового русского историко-литературного повествования. «Составленная из разновременных кусков, из произведений различных жанров, летопись внешне кажется пестрой, сложной, неоднородной» [Лихачев, 1973, с. 47]. Летопись – жанр-«свод» различных источников, жанров, стилей, точек зрения, как правило, создававшийся в нескольких литературных центрах, в течение более чем столетия, различными книжниками [Лихачев, 1973, с. 44, 46, 48, 50, 52]. Именно многожанровость, в какой-то степени жанровую эклектику, и унаследовал текст Достоевского. Главной темой древнерусской повествовательной прозы была тема родины, ее прошлого и настоящего, ее истории в контексте мировой и Священной истории. Летопись традиционно начиналась всемирно-историческим или историко-этнографическим введением и предполагала описание событий государственной значимости «по летам»: героических деяний, военных подвигов, патриотизма и духовного самосовершенствования личности государственного или церковного иерарха и т.д. Пародируя жанровый канон, автор делает предметом описания «первого отдела мордасовской летописи» «...полную и замечательную историю возвышения, славы и торжественного падения Марьи Александровны и всего ее дома в Мордасове...» (2; 299). Главным предметом изображения становятся матримониальные интересы и планы Москалевой, пытающейся удачно выдать замуж перзрелую красавицу-дочь. Через этот выгодный брак мать желает обрести связи, положение в обществе, социальный статус, богатство и уехать в столицу или за границу. В этом смысле фамилия Москалева маркирует уровень целей и притязаний героини. Поглощенная идеей «выгодного брака» дочери, она чувствует себя достойной столичных городов: «я сама буду княгиня: меня и в Петербурге узнают. Прощай, городишка!» (2; 334). Причем в тексте Достоевского происходит гендерная замена: главной героиней является именно Марья Александровна, действие почти целиком разворачивается в ее салоне, а муж Афанасий Матвеевич, потерявший место службы, «изгнан» в подгорное село. Б.Н. Тихомиров справедливо полагает, что «...одна из важнейших художественных функций этого подзаголовка – едкая ирония, заключающаяся в том, что содержанием летописи – жанра, традиционно предполагающего фиксацию монументальных исторических событий, стал скандал “местного значения”, изложение

того, как слабоумного, дряхлого князя К. едва не “облапошили” (2; 248) венчанием с юной Зинаидой Москалевой» [Тихомиров, 2018, с. 434]. Добавим, что в тексте повести использовано еще более колоритное выражение, которое является восходящей градацией – «обманули, надули, облапошили, пользуясь его слабоумием» (2; 337).

Известный специалист по древнерусской литературе И.П. Еремин, описывая своеобразие жанра летописи, выделял пять типов летописного повествования: 1) погодная запись; 2) летописное сказание; 3) летописный рассказ; 4) летописная повесть; 5) документы из княжеских архивов [Еремин, 1987, с. 54]. При этом наиболее близким объектом пародии Достоевского, на наш взгляд, является именно летописная повесть. Ученый называет термин условным и характеризует этот тип повествования так: «повествование особого типа, посвященное рассказу о смерти того или иного князя, своеобразный некролог. Назначение повести заключалось в том, чтобы дать новый агиографически просветленный образ идеального князя, блистающего всеми возможными христианскими, даже специально монашескими добродетелями. Задаче этой и была подчинена как повесть в целом, так и все ее составные части.

Во многом похожая на рассказ, повесть отличается от рассказа прежде всего тем, что она более или менее последовательно выдержана в рамках определенного литературного стиля – агиографического. В повести, как правило, действительность отражается не непосредственно, а предстает перед нами в условных контурах этого условного, абстрактного, антиреалистического по самой своей природе метода, подчиняясь всем его устоявшимся в литературе нормам. И сами события, и человек, и его поведение в повести приобретают новые очертания, далекие от привычной нам по рассказам документальности.

К погодному известию такого типа стала присоединяться прямая – “от автора” – характеристика покойного князя как человека и как примерного христианина, иногда с кратким перечислением его заслуг перед Русской землей, фактов его деятельности как церковного строителя и даже с кратким описанием его внешнего облика» [Еремин, 1987, с. 61-62].

Акцентируем тот факт, что Достоевский не просто пародирует, а буквально выворачивает наизнанку каждую особенность этого типа летописного повествования. Князь К. – далеко не примерный христианин, он не может доехать до иеромонаха Михаила, сворачивая по дороге в Мордасов. Он не наделен добродетелями: в

чтении предпочитает эротомана Казанову, легкомысленно растратил все свое состояние. Князь К. – далеко не идеален как правитель, он безвинно наказывает своих крестьян, заставляет их сбрить бороды и носить искусственные. Его внешний облик открыто сатиричен: «полупокойник» (2; 307), «мертвец на пружинах» (2; 310).

Во-вторых, Достоевский может пародировать не саму летопись как жанровый канон, а ее позднейшие жанровые модификации, представляющие собой процесс разрушения жанра. Возможно, писатель обыгрывает известный факт: в конце XVI–XVIII веков в Сибири существовало свое летописание, представленное такими памятниками как Есиповская, Кунгурская, Ремезовская, Строгановская летописи и др. В 1621 году участники походов Ермака составили не дошедшее до нас «Написание, како приидоша в Сибирь...». Затем на его основе в 1622 году был составлен Синодик Тобольского собора. На материале двух предшествующих текстов С. Есипов в 1636 году подготовил свою летопись. В середине XVII века по «Написанию...», архивным материалам промышленников Строгановых создана Строгановская летопись. В конце XVII века была составлена Ремезовская летопись, а также «Описание Новые Земли Сибирского государства» Н. Венюкова. Еще позднее появляются «Записки к Сибирской истории служащие», «Новая Сибирская летопись» И. Черепанова, «Летопись г. Иркутска с 1652 года до наших дней» П. Пежемского, «Краткая летопись Енисейского и Туруханского края Енисейской губернии» (1594-1893) А.И. Кытманова [Мирзоев, 1960, с. 98], [Анисимов, 2005, с. 4]. Нельзя утверждать со стопроцентной уверенностью, что писателю были известны эти летописные источники, но сам факт общения Достоевского с кружком Н.Д. Фонвизиной позволяет сделать такое предположение.

Подчеркнем, что в этих текстах ощущается размывание границ жанра: предметом описания большой эпической формы является не государственная история, а частная история одной фамилии, снижается масштаб эпической дистанции, летопись получает название не по месту создания, а по ее автору и т.д. Таким образом, классическая форма средневекового русского историзма уступает место новой историографии, городской летописи. И Достоевский, вероятно, мог пародировать именно эту позднюю жанровую модификацию летописи в виде фамильной истории.

В-третьих, С.А. Кибальник предположил, что на жанровый подзаголовок повести Достоевского могло оказать влияние название незавершенного произведения А.С. Пушкина «История села

Горюхина», но – в том искаженном, неавторском варианте, под которым оно публиковалось в XIX веке: «Летопись села Горюхина» [Кибальник, 2013, с. 86]. В соотношении с последующим повествованием о ничтожных и курьезных горюхинских (горохинских) событиях вынесенное в заглавие слово «летопись» воспринимается особенно иронически – деталь, которой вполне мог воспользоваться Достоевский-художник. Немаловажно также отметить, что, намереваясь заняться каким-либо историческим сочинением, пушкинский «летописец» примеривался и к тому, чтобы писать «историю губернского нашего города», но отказался от этой мысли по причине трудоемкости такого сочинения [Пушкин, 1948, Т. 5. с. 107]. В этом отвергнутом варианте он оказывался непосредственным предшественником мордасовского «летописца» [Тихомиров, 2018, с. 361].

В-четвертых, подзаголовок повести «Из Мордасовских летописей» указывает на фрагментарность, избранность из однородных элементов или сериальность, цикличность в ироническом ключе. В этом смысле более вероятно, что Достоевский создает сопоставление с циклом фельетонов «Петербургская летопись», публиковавшимся в газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Заметим, что номинация «летописи» – это характерный жанровый журнальный подзаголовок 1840–1860-х годов, связанный с фельетоном, светской хроникой и пр., в том числе с описанием жизни в провинции. Другими словами, подзаголовок «Петербургские летописи» – это не авторский, а редакционный выбор серийного названия воскресной рубрики. Авторы фельетонов писали о последних происшествиях, «коллекционировали» новости, рассуждали о книжных и театральных новинках. Это было легкое, развлекательное чтение. Достоевский принимал участие в издании «Петербургской летописи», публикуя свои фельетоны в 1847 году (выпуски от 13 апреля за подписью Н.Н.), 27 апреля, 11 мая, 1 июня, 15 июня за подписью Ф.Д.) [Нечаева, 1979, с. 199].

Отличием фельетонов писателя было наличие фланеров – особого типа рассказчиков, от лица которых излагались события, которые зачастую имели автобиографические или автопсихологические черты. Д. Комарович назвал их «исповедальными» (цит. по: [Нечаева, 1979, с. 199]).

Заметки Достоевского напоминали ироническую беседу с читателем, сочетая «очерковость», фельетонность, летописную стилистику, приемы физиологий, хроникальность, тон сентиментальной исповеди [Достоевский, словарь-справочник...,

2008, с. 235]. Автор, сводя воедино разные жанровые начала, создает экспериментальную прозу неясной синтетической природы. «Столь необходимая авторская рефлексия над способом рассказывания выделяет два контрастных культурных начала – “летописность” и “петербургская хроника, обзор новостей”. Они оксюморонно противопоставлены, но из антитезы рождается понимание их единства с точки зрения вечности, бесконечного развития России» [Достоевский, словарь-справочник, 2008, с. 235]. «Эпическое содержание “Петербургской летописи” реализуется в позиции постоянно меняющегося повествователя (фельетониста, светского фланера, мечтателя; русского, думающего об особом пути развития своей страны; скептика, ироничного наблюдателя, традиционалиста и т.п.» [Достоевский, словарь-справочник, 2008, с. 235]. В отличие от легкого юмора других авторов (Э.И. Губера, В.А. Соллогуба, Ф.Ф. Корфа и А.Н. Плещеева) фельетоны Достоевского отличались иронической, а иногда и саркастической оценкой петербургского общества. Особое место занимала в них тема сплетен, слухов, городской молвы: «Сплетня вкуса, господа!» (18; 19).

Опираясь на этот журнальный опыт, Достоевский в повести «Дядюшкин сон» противопоставил летописность и хронику. Характер изложения, по верному наблюдению Б.Н. Тихомирова, «вступает с жанровым каноном летописи в самое непримиримое и демонстративное противоречие. По своим структурным особенностям это повествование – по контрасту – вполне можно было бы назвать антилетописью» [Тихомиров, 2018, с. 439]. При этом использована тернарная модель авторства: «Между Достоевским, “истинным сочинителем”, и “псевдолетописцем” в архитектонике «Дядюшкиного сна» располагается фигура мордасовского сочинителя. Это им изобретена маска “летописца”, которую он, впрочем, “не умеет носить” [Туниманов, 1980, с. 21]. И это он же отнюдь не летописным, но чисто беллетристическим приемом приглашает нас в самом начале сюжетного действия в дом госпожи Москалевой...» [Тихомиров, 2018, с. 439]. Причем это одновременно и автопародия: «Один заезжий литератор посвятил ей (Марье Александровне – Е.С.) свою повесть, которую и читал у ней на вечере, что произвело чрезвычайно приятный эффект» (2; 296).

Кроме того, исследователь верно отмечает четкий рубеж, границу повествования между имитирующим формальную сторону летописания предисловным рассказом с необходимой эпической дистанцией и собственно сюжетного действия, открывающегося почти драматической ремаркой: «Десять часов утра. Мы в доме

Марьи Александровны, на Большой улице, в той самой комнате, которую хозяйка, в торжественных случаях, называет своим салоном» (2; 303).

Возникшая на этапе замысла театральность реализуется не только в заглавии, а пронизывает весь текст – на композиционном, сюжетном, персонажном и словесном уровнях. Т.М. Родина справедливо замечает, что повесть «...насквозь театральная...» [Родина, 1984, с. 139]. Даже в окончательном тексте очевидны рудименты театрального замысла, некоторые главы откровенно комедийны, нередко в тексте встречаются ремарки. Б.Н. Тихомиров справедливо пишет о «мощном вторжении» в повесть Достоевского элементов драматического жанра [Тихомиров, 2018, с. 440]. «Дядюшкин сон» «включает в себя весьма развитый диалогический элемент, <...> определяющий как внешне, так и внутренне всю конструкцию произведения» [Родина, 1984, с. 89], «выявление душевного мира героев» совершается «без помощи авторской интроспекции» [Чирков, 1967, с. 35]. «Действие в “Дядюшкином сне” почти всецело развивается на узком “театральном” пространстве – в “салоне” Марьи Александровны...» [Туниманов, 1980, с. 24]. Основное действие разворачивается в настоящем времени и немного превышает классические нормы: три дня основного действия, пять месяцев отделяют предисловие от основных событий и события одного дня спустя два года описаны в финале.

В основе повествования водевильного типа лежит театральная интрига: драматическое действие организует Марья Александровна Москалева, пытаясь выдать замуж дочь Зину. Ярче всего режиссерская роль героини и протест против такого «дирижирования» судьбой проявляется в реплике Зины, готовой выйти из повиновения матери: «если вы еще будете меня мучить и назначать мне разные низкие роли в этой низкой комедии, то я брошу все и покончу разом» (2; 356). Но спектакль находится под угрозой срыва по причине вольнолюбивого характера Зины и существования клакера – негативно настроенной публики Мордасова. «...*Театральность* – это всепроникающее начало жизни Марьи Александровны Москалевой: театрально в большинстве сцен ее собственное поведение, театральностью она заражает все и всех вокруг себя» [Тихомиров, 2018, с. 441].

В этом смысле Марья Александровна решается на соперничество с самим В. Шекспиром, провозгласившим самоценность истинной любви вне возраста, национальной принадлежности, социального положения в обществе. Ей кажется,

что для достижения успеха вполне достаточно надеть маску «несчастной матери, обожающей свою дочь» (2; 210) и уговорить Зину сыграть завораживающую пением сирену. «Может быть, еще значимее, чем наблюдения над тотальным лицедейством Марьи Александровны, указание на то, что она одновременно является также и режиссером “спектакля”, который пыталась разыграть, превратив свой дом в подобие сценических подмостков. Причем не менее важным, нежели исполнение ею собственной роли, в замысле героини является распределение ролей между другими участниками задуманного действия» [Тихомиров, 2018, с. 443]. Но «далеко не все в “пьесе” Москалевой осуществилось в согласии с “текстом” и репетициями. Москалева вынуждена импровизировать, срочно сочинять и пересочинять сцены, уподобляясь вдохновенному и взыскательному художнику, обязанному, к сожалению, считаться с настроениями публики и актеров» [Туниманов, 1980, с. 17].

Однако ирония Достоевского заключается в том, что В. Шекспир, провозгласивший девиз «Весь мир – театр, а люди в нем актеры», выходит победителем из игры. В его драматических произведениях «Гамлет», «Сон в летнюю ночь», как и в другом претексте – драме П. Кальдерона «Жизнь есть сон», использован прием «театра в театре», организующий кульминацию произведений. Главная героиня неожиданно столкнулась с конкуренцией и коварством «вышедшей из повиновения марионетки – Мозглякова, которого озлобление подвигло на самостоятельные “творческие” действия: им была сочинена и разыграна другая пьеса, разрушившая “поэтический” замысел Марьи Александровны» [Туниманов, 1980, с. 18]. Введение фигуры режиссера-конкурента обнажает условность театральной игры, пародируя традиционные жанровые разновидности «комедии положений», «трагедии незнания» и т.д. Включая в жанровой диапазон «Дядюшкина сна» различные модификации драмы и эпоса, Достоевский показывает сложность и неоднозначность стихии самой жизни, в которой даже талантливому режиссеру невозможно предугадать финал. Спектакль из «камерного» становится «народным» и выливается в «скверный анекдот», «невиданный скандал с неожиданной, нелепой и оттого безобразной развязкой» [Туниманов, 1980, с. 17-18]. Так «незловивый» и «невинный» сюжет из провинциального быта, расцвеченный каскадом *lazzis* – шуток-импровизаций в духе итальянской комедии масок, «наружный, почти бутафорский шутейно-курьезный мир матримониальной игры оказывается на

поверку поистине шекспировским театром, где разыгрываются фатальные страсти-мордасти» [Владимирцев, 2008, с. 65].

В этом смысле показательно обыгрывание семантики заглавия повести «Дядюшкин сон», которое отсылает к двум претекстам: ренессансной комедии В. Шекспира «Сон в летнюю ночь» и знаменитой драме барокко П. Кальдерона «Жизнь есть сон». Заглавие комедии В. Шекспира «Сон в летнюю ночь» указывает на время действия произведения – на необычность, уникальность сна в темпоральном аспекте, задает понимание сна как чудесного события, имеющего колоссальное значение для всей жизни. В пьесе П. Кальдерона «Жизнь есть сон», по сути, уравниваются категории жизни и ее части – сна, ставятся вопросы иллюзорности, сложности, размытости бытия, рассматривается проблема мимолетности человеческого существования. Шекспировское выражение «Весь мир – театр» в драме испанского драматурга усилено в заглавной метафоре «жизнь есть сон», которая звучит рефреном в тексте пьесы. Она может быть интерпретирована не только как осознание краткости земного бытия, но и как необходимость сомнения и переоценки человеческих ценностей власти, свободы, семьи, взаимной любви и т.д. Для пьесы Кальдерона как произведения барокко характерна запутанная интрига, несколько сюжетных линий, переплетение возвышенного и смешного, патетики и грубоватости, высоких духовных, рыцарских ценностей и циничного прагматизма, смешение жанровых форм в виде трагикомедии.

Сохраняя названные аспекты понимания сна в текстах-предшественниках, Достоевский использует притяжательную конструкцию в номинации произведения: «Дядюшкин сон» – указывает на принадлежность сна Дядюшке. Полемизируя с обоими драматургами, Достоевский контрастно изображает сватовство в зимний день престарелого, страдающего амнезией князя К., который в силу возраста уже не нуждается в женитьбе. Это событие интерпретировано Павлом Александровичем Мозгляковым как сладкий послеобеденный сон. Однако князь К. на самом деле не является Мозглякову родственником, что усиливает идею относительности всего происходящего.

При сходстве общей сюжетной парадигмы послуживших претекстами произведений Шекспира и Кальдерона (любственное соперничество, легкая смена партнеров, борьба за власть, антитеза сон / явь, истинная / ложная жизнь), Достоевский вступает в полемику с обоими драматургами. Он изображает зимний пейзаж, метель, противопоставленную силе страстей, начальные эпизоды

сватовства не завершаются, как обычно в комедии, свадьбой ни с одним из претендентов на руку Зины (ни с уездным учителем Васей, ни с петербургским франтом Мозгляковым, ни со старым князем К.). «Заканчивается “водевиль” трагически – вопреки канонам этого жанра: смертью влюбленного в Зину учителя Васи, смертью осмеянного “дядюшки” – князя К. Впрочем, это относится только к интриге вокруг “дядюшкина сна”. В конце концов все устроилось именно так, как того хотела ругавшая “Шекспира” Марья Александровна: “сорвалось” с князем, получилось с генерал-губернатором. Уже через год после мордасовских событий Зина стала “генеральшей” и, по характерному отзыву “робкого молодого чиновника”, “держат себя чрезвычайно гордо, а танцуют только с одними генералами-с” (2, 397)» [Захаров, 2018, с. 67–68].

Таким образом, в новом сочинении Достоевского как произведении глубоко экспериментальном успешно реализованы и синтезированы жанромоделирующие коды летописи, комической повести, трагедии, комедии, фарса и водевиля. «В “Дядюшкином сне”, задумывавшемся как драматическое произведение, воскрешение мужского начала через любовь оформляется при помощи построения сюжета по законам трагедии и комедии одновременно. Трагедия, организующая сюжет Зины и бедного уездного учителя, существует как “длящееся прошлое” текста: оставаясь в основном в пересказе, она, на самом деле, предопределяет поступки и поведение героев в настоящем; комедия же оформляет сюжетную линию Князь – Зина и может быть названа “выгодная женитьба”, режиссером которой является Мария Александровна, мать героини» [Фазиулина, 2005, с. 21-22].

В связи с общей театральностью повести Т.М. Родина в работе «Достоевский. Повествование и драма» ошибочно полагает, что автор был плохо осведомлен о репертуаре русской сцены. Так, она пишет: «Писать комедию, то есть пьесу, рассчитанную на постановку в театре, много лет не видя театра и не зная точно, чем в художественном отношении живет сейчас сцена, ни один любящий и чувствующий театр писатель не стал бы. А Достоевский, глубоко понимавший, что театр есть прежде всего искусство современное, в момент начала работы над повестью не мог хорошо представлять себе положение русской сцены, хотя понимал, что на ней после 1849 года произошли большие перемены, в частности узнал о появлении пьес А.Н. Островского» [Родина, 1984, с. 89-90]. Здесь важно указать, что в Барнауле с 1776 года существовал публичный светский театр. По словам историка театра И.Н. Свободной, театр был «главной

эстетической привязанностью общества» [Свободная, 2003а, с. 4]. Любительский театр горных офицеров в середине XIX века находился в самом расцвете. По замечанию корреспондента томской газеты «Сибирский вестник», «иные здешние господа жили и веселились чуть ли не по-столичному» (цит. по: [Свободная, 2003б, с. 6]). Труппа состояла из горных офицеров, посвящавших свой досуг театральному искусству. Многочисленные командировки чиновников в столицы позволяли привозить новинки репертуара, заметное место в котором занимали комедии, драмы, сцены из городской жизни, картины с натуры, мелодрамы, водевили. У театра был свой оркестр, обеспечивающий музыкальное сопровождение спектакля, традиция высокого вокального искусства (театр также называли «Оперным домом»), сложились актерские династии. Ведущими актерами были Николай Андреевич Давидович-Нащинский и братья Сергей Васильевич (1815-?) и Иван Васильевич Самойловы (1821-?) – отпрыски знаменитой актерской семьи¹.

Еще за год до первого посещения Барнаула весной 1855 года во время поездки со своим другом, стряпчим уголовных дел А.Е. Врангелем, на Локтевский завод Достоевский познакомился с горным начальником Алтайских заводов Андреем Родионовичем Гернгроссом, управляющим Локтевским сереброплавильным заводом Николаем Эрнстовичем Пишке и братьями Самойловыми. Сергей Васильевич² был помощником управляющего, а Иван Васильевич – приставом надворных работ. Далее, пытаясь развеселить страдающего в разлуке с М.Д. Исаевой друга, летом 1855 года А.Е. Врангель предпринимает поездку в г. Змиев, куда на лето перебиралось горное начальство и барнаульский любительский театр.

В первый приезд писателя в Барнаул в письме А.Е. Врангелю от 14 июля 1856 года Достоевский акцентирует, что «с горными я познакомился только с Пишко и Самойловым; хорошие люди; остальных не застал. С Гернгроссом» разъехался на дороге» (28-1; 237).

¹ Оперные артисты Василий Михайлович и Софья Васильевна Самойловы «подарили русской сцене первую актерскую династию: 10 своих детей и 4 внуков, каждый из которых вспыхивал звездой на театральном небосклоне Санкт-Петербурга. В истории русского театра особенно прославлено имя Василия Самойлова (кстати, тоже горного инженера по образованию), который 40 лет прослужил на сцене Императорского Александровского театра в Петербурге» [Свободная, 2003а, с. 5].

² Сергей Васильевич Самойлов – горный инженер, брат Василия и сестер Веры и Надежды, которые служили в Александровском театре в Петербурге. С.А. Самойлов играл в любительском театре Барнаула.

Таким образом, у писателя завязываются дружеские отношения с ведущими актерами барнаульской труппы. По мнению И.Н. Свободной, комедия «Дядюшкин сон», вполне возможно, предназначалась именно для барнаульской сцены. Главную роль в этой комедии мог сыграть именно Сергей Васильевич Самойлов [Свободная, 2003а, с. 6].

Косвенно подтверждают нашу гипотезу о возможной причастности барнаульского театра и его актеров к рождению замысла комедии «Дядюшкин сон» и воспоминания барона А.Е. Врангеля: «Часто, возвращаясь домой со службы, я заставал у себя Достоевского, пришедшего еще ранее меня или с учения или из полковой канцелярии, в которой он исполнял разные канцелярские работы. Расстегнув шинель, с чубоком во рту, он шагал по комнате, часто разговаривая сам с собою, так как в голове у него вечно рождалось нечто новое. Как сейчас вижу его в одну из таких минут; в это время он задумал писать “Дядюшкин сон” и “Село Степанчиково” (смотри письмо Майкову). Он был в заразительно веселом настроении, хохотал и рассказывал мне приключения дядюшки, распевал какие-то отрывки из оперы...» [Врангель, 1912, с. 30-31].

«П.П. Семенов–Тян-Шанский, проживший зиму 1856–1857 года в Барнауле, вспоминал: «Зимний сезон был оживлен любительскими спектаклями в прекрасном здании барнаульского театра, многие из членов барнаульского общества выдавались своими замечательными сценическими дарованиями. Совершенно первоклассным комиком был горный инженер, старший брат знаменитого артиста, даже превосходивший своими природным сценическим талантом своего младшего брата...» (на самом деле Самойлов был на два года моложе своего знаменитого брата) [Самойлов, URL]. «Многие из горных инженеров, постоянно принимая участие в любительских спектаклях, выработали из себя тонких, образованных артистов, между которыми в моей памяти остались горный инженер Самойлов <...>, а в драматических ролях молодой горный инженер Давидович-Нащинский», – вспоминал мемуарист [Свободная, 2003а, с. 5].

«И хотя Ф.М. Достоевский впоследствии изменил свой первоначальный замысел, и переделал начатую им комедию в комическую повесть, “Сибирские Афины” могут гордиться тем, что вдохновили писателя на первую и единственную серьезную попытку написать для театра» [Свободная, 2003а, с. 6]. В связи с этим можно высказать предположение, что замысел и комедийная (театральная) жанровая основа повести Достоевского «Дядюшкин сон» могла быть

обусловлена знакомством с труппой барнаульского любительского театра, и точнее, с С.В. Самойловым. Безусловно, увлечение театром у Достоевского возникло еще в юношеские годы, в 1830–1840 годах в Санкт-Петербурге, где его кумиром стал Василий Васильевич Самойлов. Поэтому знакомство в Сибири с родными братьями знаменитого артиста возобновило увлечение и способствовало активизации творчества автора в драматургическом направлении. Вероятно, что в семье Самойловых были хорошо осведомлены о первоначальном замысле предназначавшейся для барнаульского театра комедии и предполагаемой главной роли в ней С.В. Самойлова. В письме Ф.М. Достоевскому в начале декабря 1879 года знаменитый артист выразил свое глубокое сожаление, что не имел чести сыграть в его пьесе: «И мне, право, грустно, что в протяжении всей моей сценической деятельности мне не удалось воспроизвести ни одного из Ваших личностей, именно потому, что Вы, обладая таким правдивым талантом, не хотели оставить память о себе на сцене, о чем я очень сожалею, как для публики, так и для себя, который мог бы прибавить одну из лучших ролей своего репертуара...» (цит. по: [Свободная, 2003а, с. 6]).

Нужно заметить, что у Ф.М. Достоевского был также омский каторжный и семипалатинский «театральный» опыт, соотносимый с понятием «народный театр» и противоположный барнаульской почти профессиональной сцене. Так, в «Записках из Мертвого дома» арестанты представляют сцены «Филатка и Митрошка», «Кедрил, что-то вроде Дон Жуана». В Семипалатинске, по воспоминаниям Б.Г. Герасимова, «иногда солдаты устраивали у себя в казарме “спектакли”, на которые собирался местный бомонд – публика рада была всякому развлечению. Солдаты-артисты не особенно разборчивы были в выборе репертуара и, случалось, преподносили такие вещи, что дамы турманом вылетали со “спектакля”, а мужчины хохотали до упаду» [Герасимов, 1926, с. 142].

Кроме общей театральной поэтики сибирской повести в «Дядюшкином сне» дважды есть и прямое указание на театр как отличительный барнаульский знак. Князь, хлестаковствуя в доме Москалевой, говорит, что «даже для сцены водевиль написал <...> Там было несколько вос-хи-тительных куплетов! Впрочем его никогда не играли! – <...> И знаешь, Зина, вот теперь бы кстати! У нас же собираются составить театр, – для патриотического пожертвования, князь, в пользу раненых... вот бы ваш водевиль!» (2; 313).

Мотив создания благотворительного театра, сборы от представлений которого пойдут на помощь раненым, отсылает к Крымской войне, тем самым обеспечивая точную временную привязку текста между 1854 и 1856 годами, как отмечается в комментариях к Полному собранию сочинений (2; 516). Жители Мордасова, без приглашения «нагрянувшие» вечером в дом Москалевой, объясняют свой внезапный приход необходимостью обсуждения театральных дел: «ведь надобно же, непременно надобно когда-нибудь кончить все наши сборы с этим театром» (2; 369). На наш взгляд, хронологическую границу создания повести можно еще сузить – это 1856 год, когда Достоевский посещает Барнаул и вынашивает планы переезда в этот город.

Прогрессивно мыслящие жители Мордасова, живо окликающиеся на злободневные события, в этом смысле противоположны жителям Семипалатинска. Из воспоминаний о Б.Г. Герасимове известно, что «даже происходившая в то время Крымская война не особенно-то будировала семипалатинцев. Они жили своей жизнью, ничем не реагируя на большие политические события» [Герасимов, 1926, с. 142].

Таким образом, первое написанное в ссылке произведение Достоевского является глубоко новаторским с точки зрения жанровой природы. Оно сочетает в себе элементы разных литературных родов, наследует различные литературные традиции. Более того, это не просто синтез, а интерференция жанромодулирующих кодов летописи, комической повести, трагедии, комедии, фарса и водевиля. Включая в жанровый диапазон «Дядюшкина сна» различные модификации драмы и эпоса, Достоевский показывает сложность и однозначность стихии самой жизни, в которой даже талантливому автору или режиссеру невозможно предугадать финал.

Литература

Акелькина Е.А., Владимирцев В.П. Петербургская летопись // Достоевский: сочинения, письма, документы. СПб., 2008.

Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX–начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005.

Викторович В.А. Казус Мозглякова (Повесть Достоевского «Дядюшкин сон» в литературном и биографическом аспекте) // Острова любви Борфедя. СПб., 2016.

Владимирцев В.П. Дядюшкин сон // Достоевский: сочинения, письма, документы. СПб., 2008.

Врангель А.Е. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири 1854–56 гг. СПб., 1912.

Герасимов Б.Г. Ф.М. Достоевский в Семипалатинске (Статья вторая) // Сибирские огни. 1926. № 3.

- Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. СПб., 1987.
- Захаров В.Н. Система жанров Достоевского (типология и поэтика). Л., 1985.
- Кибальник С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб., 2013.
- Кирпотин В.Я. Ф.М. Достоевский. Творческий путь (1821-1859). М., 1860.
- Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973.
- Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири. М., 1960.
- Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.
- Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М., 1979.
- Одинокое В.Г. «Сибирская» повесть Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» (Поэтика жанра) // Развитие повествовательных жанров в литературе Сибири. Новосибирск, 1980.
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16-и тт. Л., 1937-1949.
- Родина Т.М. Достоевский. Повествование и драма. М., 1984.
- Самойлов Сергей Васильевич // Достоевский: антология жизни и творчества. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fedordostoevsky.ru/around/Samoilov_S_V/
- Свободная И.Н. Благородный любительский театр горных офицеров (к 175-летию основания любительского театра Алтайского горного округа) (продолжение) // Вестник культуры Алтайского края. Барнаул, 2003б. № 2 (10).
- Свободная И.Н. Благородный любительский театр горных офицеров: (к 175-летию основания любительского театра Алтайского горного округа) // Вестник культуры Алтайского края. Барнаул, 2003а. № 5 (9).
- Тихомиров Б.Н. Грустные и смешные персонажи Достоевского // Достоевский Ф.М. Малая проза. Книга первая: Слабое сердце; Чужая жена и муж под кроватью; Маленький герой; Дядюшкин сон. СПб., 2017.
- Туниманов В.А. Творчество Достоевского 1854-1862 гг. Л., 1980.
- Фазиулина И.В. Сон и сновидение в раннем творчестве Ф.М. Достоевского: поэтика и онтология: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2005.

References

- Akel'kina E.A., Vladimirtsev V.P. *Peterburgskaya letopis'* [Petersburg Chronicle]. Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty [Dostoevsky: Essays, Letters, Documents]. Sankt-Peterburg, 2008.
- Anisimov K.V. *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX–nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the Poetics of Literature of Siberia of the XIX – early XX century: Features of the Formation and Development of the Regional Literary Tradition]. Tomsk, 2005.
- Viktorovich V.A. *Kazus Mozglyakova (Povesť Dostoevskogo «Dyadyushkin son v literaturnom i biograficheskom aspekte)* [Casus Mozglyakov (Dostoevsky's story «Uncle's dream» in the literary and biographical aspect)]. *Ostrova lyubvi Borfeda* [Borfead Islands of Love]. Sankt-Peterburg, 2016.
- Vladimirtsev V.P. *Dyadyushkin son* [Uncle's Dream]. *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty* [Dostoevsky: Writings, Letters, Documents]. Sankt-Peterburg, 2008.
- Vrangel' A.E. *Vospominaniya o F.M. Dostoevskom v Sibiri 1854–56 gg* [Memories of F.M. Dostoevsky in Siberia, 1854–56]. Sankt-Peterburg, 1912.
- Gerasimov B.G. *F.M. Dostoevskiy v Semipalatinske (Stat'ya vtoraya)* [F.M. Dostoevsky in Semipalatinsk (Article Two)]. *Sibirskie ogni* [Siberian Lights]. 1926. № 3.
- Ererin I.P. *Lektsii i stat'i po istorii drevney russkoy literatury* [Lectures and Articles on the History of Ancient Russian Literature]. Sankt-Peterburg, 1987.

Zakharov V.N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo (tipologiya i poetika)* [The System of Dostoevsky's Genres (Typology and Poetics)]. Leningrad, 1985.

Kibaf'nik S.A. *Problemy intertekstual'noy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Intertextual Poetics of Dostoevsky]. Sankt-Peterburg, 2013.

Kirpotin V.Ya. *F.M. Dostoevskiy. Tvorcheskiy put' (1821-1859)* [F.M. Dostoevsky. Creative Way (1821-1859)]. Moskva, 1860.

Likhachev D.S. *Razvitiye russkoy literatury X–XVII vekov: Epokhi i stili* [The Development of Russian Literature X–XVII centuries: Epochs and Styles]. Leningrad, 1973.

Mirzoev V.G. *Prisoedinenie i osvoenie Sibiri* [Joining and Development of Siberia]. Moskva, 1960.

Mochul'skiy K.V. Gogol'. Solov'ev. Dostoevskiy [Gogol. Solovyov. Dostoevsky]. Moskva, 1995.

Nechaeva V.S. *Ranniy Dostoevskiy. 1821–1849.* [Early Dostoevsky. 1821-1849]. Moskva, 1979.

Odinokov V.G. «Sibirskaya» povest' F.M. Dostoevskogo «Dyadyushkin son» (Poetika zhanra) [The «Siberian» Novel by F.M. Dostoevsky Uncle's Dream (Poetics of the Genre)]. *Razvitiye povestvovatel'nykh zhanrov v literature Sibiri* [The Development of Narrative Genres in Siberian Literature]. Novosibirsk, 1980.

Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tt* [Complete Works: in 16 vols]. Leningrad, 1937-1949.

Rodina T.M. *Dostoevskiy. Povestvovanie i drama* [Dostoevsky. Narrative and Drama]. Moskva, 1984.

Samoylov Sergey Vasil'evich [Samoylov Sergey Vasil'evich]. *Dostoevskiy: antologiya zhizni i tvorchestva* [Dostoevsky: an anthology of life and creativity] URL: http://www.fedorostoevsky.ru/around/Samoilov_S_V/

Svobodnaya I.N. *Blagorodnyy lyubitel'skiy teatr gornykh ofitserov (k 175-letiyu osnovaniya lyubitel'skogo teatra Altayskogo gornogo okruga) (prodolzhenie)* [Noble Amateur Theater of Mountain Officers (to the 175th anniversary of the founding of the amateur theater of the Altai Mining District) (continued)]. *Vestnik kul'tury Altayskogo kraya* [Culture Bulletin of the Altai Territory]. Barnaul, 2003b. № 2 (10).

Svobodnaya I.N. *Blagorodnyy lyubitel'skiy teatr gornykh ofitserov: (k 175-letiyu osnovaniya lyubitel'skogo teatra Altayskogo gornogo okruga)* [Noble Amateur Theater of Mountain Officers: (to the 175th anniversary of the founding of the amateur theater of the Altai Mining District)]. *Vestnik kul'tury Altayskogo kraya* [Bulletin of Culture of the Altai Territory]. Barnaul 2003a. № 5 (9).

Tihomirov B.N. *Grustnye i smeshnye personazhi Dostoevskogo* [Sad and funny characters of Dostoyevsky]// *Dostoevskiy F.M. Malaya proza. Kniga pervaya: Slaboe serdce; CHuzhaya zhena i muzh pod krovat'yu; Malen'kiy geroj; Dyadyushkin son.* [Dostoyevsky F.M. Small prose. Book One: Weak Heart; A foreign wife and husband under the bed; A little hero; Uncle Dream]. Sankt-Peterburg, 2017.

Tunimanov V.A. *Tvorchestvo Dostoevskogo 1854-1862 gg.* [Creativity of Dostoevsky 1854-1862] Leningrad, 1980.

Faziulina I.V. *Son i snovidenie v rannem tvorchestve F.M. Dostoevskogo: poetika i ontologiya.* [Dream and Dream in the Early Works of F.M. Dostoevsky: Poetics and Ontology]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Izhevsk, 2005.

ОБРАЗ БАРНАУЛА В ПОЭЗИИ БАРНАУЛЬЦЕВ¹*Т.А. Богумил*

Ключевые слова: городской текст, М.И. Юдаlevич, Н. Николенкова, локус, топос, модель города.

Keywords: urban text, M.I. Yudalevich, N. Nikolenkova, locus, topos, pattern of the city.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-08

Изучение литературных репрезентаций города является одним из актуальных на сегодняшний день подходов в литературоведении. Традиция исследования «городских текстов» начала формироваться в работах о Петербурге Н.П. Анцифорова и представителей тартусско-московской семиотической школы (В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, Т.Г. Цивьян и др.). На сегодняшний день созданы труды не только о столичных Петербурге и Москве, но и о провинциальных русских городах: Архангельске, Петрозаводске, Челябинске, Екатеринбурге, Старой Руссе... Пионерской работой о Барнауле стала написанная в 1990-е годы статья В.В. Десятова и А.И. Куляпина [Десятов, Куляпин, 1998]. Существуют публикации об образе Барнаула в прозе местных авторов [Богумил, 2016a; 2016b]. В настоящей статье в качестве материала изучения была избрана стихотворения барнаульских поэтов.

Образ Барнаула в местной поэзии формировался в русле двух главных векторов: исторического и психологического, общественного и частного. Соответственно, в центре внимания представителя той или иной парадигмы становились разные городские объекты: краеведчески значимые, вызывающие эмоции в диапазоне «патриотическая гордость – историческая вина», и обыкновенные, ничем не примечательные для «большого времени» элементы города, несущие, тем не менее, лично важный смысл. Надо сказать, любой человек моделирует картину мира, в том числе пространства своего обитания, избирательно и антропоцентрично, даже эгоцентрично. Весьма показательны в этом смысле результаты психолингвистического эксперимента по созданию субъективной «карты» Барнаула горожанами. В языковом сознании

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ (№ 18-412-220004) и Министерства образования и науки Алтайского края (договор Н-26) «Алтай в отечественной литературе XX-XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

горожан есть заполненные и незаполненные зоны города. Освоенными, как правило, являются центр города, конкретное место проживания (дом) и жизнедеятельности (место учебы, работы, отдыха) человека [Позднякова, 2014].

Известный на Алтае писатель-краевед М.И. Юдалевич писал о Барнауле разнообразно: и в прозе (художественной и публицистической), и в поэзии. Главный ракурс стихотворений о Барнауле – память города. Знаковые места, например, Демидовская площадь, чередуются с обычными для любого городка старыми кварталами и улицами, но все эти локусы одинаково «пропитаны» историей. Ход времени отмечен сменой имен топонимов. Например, «Площадь для обелиска» становится «Конюшенной», а в советский период – «Пионерской». Официальной номинации противостоит народное название – «Демидова», которое и стало окончательным на сегодняшний день названием площади («Демидовская площадь») (Юдалевич, 2000, с. 79)¹. Своего рода историко-культурным комментарием к названию улиц и возникновению зданий выглядят лиро-эпические произведения другого представителя «общественной» линии, Г.П. Панова: «Сказ откуда есть пошли Олонские да Тобольские улицы» (1730), «Ставленье Знаменского храма» (1748) (Панов, 1980, с. 96–99).

Благодаря знаниям и фантазии лирического субъекта М.И. Юдалевича старые дома начинают жить в двух временных пластах, настоящем и прошлом. Сквозь современность просвечивает горнозаводское начало города: «...в приземистой избушке той / демидовские рудознатцы / зимой вставали на постой» («Старые кварталы») (Юдалевич, 2000, с. 78). Старые кварталы помнят «уличные бои» и штурм домов «колчаковскими вояками», гражданскую войну: «были белые, были красные» («Старый город! Не надо хмуриться...»)². Память о прошлом зачастую сопровождается ощущением вины. Так, в стихотворении «Собор в Барнауле» (Юдалевич, 2000, с. 80) описывается варварское крушение храма, в котором принимал участие авторизованный рассказчик:

*И весь устремлен в поднебесье,
как будто к полету готов,
он символом был мракобесья*

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

² <https://www.amic.ru/news/308195/>

*по меркам тридцатых годов.
За это с размахом немалым,
довольные очень собой,
мы рвали собор аммоналом,
ломали ломами собор.
Мы были не люди, а масса,
и в этот вписались оскал
ребята из нашего класса,
конечно, и я не отстал.*

Возможно, именно ощущение своей причастности к гибели «*летающей его красоты*» и стало импульсом к противоположному, созидательному вектору пути М.И. Юдалевича, собирателя и хранителя «*золотой давности*» края.

Город в его стихах описан как живое существо, пространство последовательно антропоморфизуется: «*Старый город! Не надо хмуриться*», «*вспомни*», «*дома рвались в небеса, / и приземистые, плечистые / заводские росли корпуса*». Из текста в текст переходят «*славные сыны*» города, его гордость: Иван Ползунов («*...творил мужик мастеровой / чертеж невиданной машины, / своей машины огневой...*»), «*генерал Фролов*». Обязательно упоминается «*опальный Достоевский*»¹ («*Старые кварталы*») (Юдалевич, 2000, с. 78).

Другой метафорический ряд связан с представлением города как текста: «*Эти домики, словно томики / в давнем детстве прочитанных книг. / Эта улица книжную полкою...*» («*Улица Анатолия*») (Юдалевич, 2000, с. 81). Маленькая, неприметная улица детства вписывается в традиционный для региональной лирики сюжет о возвращении блудного сына:

*Я не знаю, что с нами стало бы,
если б где-то, пусть далеки,
нас не ждали до самой старости
эти тихие уголки.
Если б наши дороги дальние,
и кривить и прямить устав,
не вели бы в исповедальные,
в изначальные те места
(Юдалевич, 2000, с. 81).*

¹ О роли Барнаула в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского см.: [Сафронова, 2015; 2018].

Тем самым родной город по значимости своей приближается к статусу сакральной Книги Книг, что советским поэтом, конечно же, не имелось в виду, но на уровне подтекста прочитывается.

Обе обозначенные модели: город-человек, город-книга – являются инвариантными матрицами для построения текста о любом городе. Уникальным высказывание о Барнауле делает его исторически и топонимически конкретная «плоть».

В целом, стихотворения указанных авторов носят иллюстративно-краеведческий характер. Поэтому они особенно востребованы в экскурсоводческой деятельности. Возможность кратко и эмоционально соотнести городские объекты с историческим прошлым помимо мнемонической, эвристической и развлекательной функции способствует, вне всяких сомнений, формированию в слушателях и читателях локальной самоидентичности.

Совсем иначе представлен город в лирике Натальи Николенковой, пожалуй, самого «барнаулоцентричного» автора. Элементы локуса также насыщены смыслом, но не общественным историческим и прошедшим, а личным и настоящим. Улицы, переулки города являются пространством любовного сюжета: *«Они созвонились почти случайно / И весь вечер гуляли по городу. <...> / Они целовались очень осторожно»* («В день рождения Ирвина Уэлша...») (Николенкова, 2014, с. 51), *«Давай устроим детский сад: / По подворотням обниматься, / Сюсюкать, гладить все подряд, / Как будто нам опять двенадцать»* («Рахат-лукум») (Николенкова, 2010, с. 87); *«Мы встречаемся в странных местах, / Под дождем, возле дедушки Ленина. / Все свидания – там, сто из ста, / Все мужчины и все поколения»* («Мы встречаемся в странных местах...») (Николенкова, 2010, с. 11); *«Пойдем гулять по Осипенко, / По Пивоварке, по солярке! / Как незаметно, постепенно / Любовь меняет аватарки! <...> Ты где-то рядом, чую носом, / Тебя по запаху узнаю»* («Пойдем гулять по Осипенко...») (Николенкова, 2014, с. 64).

Прогулка по городу носит отчетливо эротический характер:

*Как я люблю по городу гулять
Без видимых причин, спонтанным курсом,
Опустошая вафельный рожок
С бесстыдством подростковой Камасутры.
(«Эротика») (Николенкова, 2010, с. 97).*

Финал любовного романа также связан с перемещением по городу. В стихотворении с рефреном «Прощай моя любовь!» упомянуты магазин «Под шпилем», безымянные кофейня, базар и кинотеатр, площадь Октября («Прощай моя любовь!..») (Николенкова, 1993, с. 14). Город спасает от отчаянья, возможно, потому, что именно он и является подлинным возлюбленным героини:

*Блуждая по вечерним городам,
Рассмотришь даже то, чего не видно,
Забудешь, что бедна и голодна,
Что влюблена безжалостно-постыдно <...>
Как этот город ласково горяч!
Как эта темнота сентиментальна!*
(«Блуждая по вечерним городам...») (Николенкова, 2001, с. 66)

А возможно, потому, что город и есть поэт:

*Сердце залети – и расплети,
Будешь совладельцем артефакта.
Нарисуй мне звезды на груди,
На асфальте Павловского тракта*
(«Сердце залети – и расплети...»), (Николенкова, 2010, с. 66).

Как следствие, тема провинции, неизменно возникающая в связи с маленькими городками, решается у Н. Николенковой весьма своеобразно. Известно, что наиболее важным хронотопом в системе отношений «провинция – столица» является вокзал или аэропорт, предоставляющий возможность вырваться или, наоборот, вернуться. Не случайно предметом особого внимания С.М. Козловой в статье, посвященной провинциальной самоидентичности барнаульских поэтов, становится вокзал. Центробежный вектор имеют строки Тамары Степанской, Елены Вагнер. Возможность вырваться из «этой Богом забытой страны» оказывается иллюзорной для лирического героя Евгения Банникова и оборачивается «внутренней эмиграцией» [Козлова, 2008, с. 68-78]. У Николенковой же вокзал не выделен из ряда типичных городских локусов, тема отъезда / приезда не затронута вовсе: «И городской пейзаж прекрасен / Возле бессонного вокзала» («Мороз») (Николенкова, 2014, с. 31). И вокзал, и другие атрибуты города для лирического субъекта овеяны эмоцией любви, являются предметом любования: «Еще люблю чахоточные дни, / Ртуть октября, разлитую в природе, / Кафешантанов мерзлые огни, / Стук каблучков в подземном переходе, / Слепой пунктир осеннего

дождя, / Последнего в сезоне уходящем («Еще люблю чахоточные дни...») (Николенкова, 2010, с. 27), *«Мне нравятся вечерние бульвары, / Тугие толпы маленьких людей»* («Мне нравятся вечерние бульвары...») (Николенкова, 2014, с. 65), *«Вкусно пахнет от хлебозавода»* (Николенкова, 2014, с. 68).

В то же время Николенкова более чем далека от патриотических установок, тиражирующих лозунг «Барнаул – Столица Мира». Это выражение придумал Сергей Лазорин, барнаульский рок-музыкант, лидер группы «Девять» и прототип персонажа повести С.М. Орехова «Барнаул – столица мира»¹. Одна из песен группы начиналась так: *«Говорит “Радио-Барнаул”. Барнаул – Столица Мира»*. В повести акцентировано географическое положение города в центре Евразийского материка и мессианские чаянья горожан: быть провинциальному Барнаулу Столицей Мира, столицей духа. Давно став расхожим штампом среди барнаульских обывателей, этот концепт проник и в поэзию. Так, Алексей Власов в стихотворении «Барнаулу» восклицает: *«Нет места в мире лучше Барнаула! / Весны столица – город Барнаул!»* (Власов, 2014, с. 29). Елена Гешелина в стихотворении «Родному городу» язвит: *«Ты очень хочешь быть столицей, / но столицей нужно родиться»* (Гешелина, 2010, с. 6). А Юлия Нифонтова вопрошает:

*Почему называют столицей мира
Не веселый Париж, не горячий Стамбул,
Не монгольскую степь, не вершины Памира,
Не какой-нибудь сити – тебя, Барнаул?*
(«Почему называют столицей мира...»)².

Сознательно, или нет, но поэтесса обращается здесь к некоторым опробованным ранее рифмам и контрастам. Так, в ироничном стихотворении В. Нечунаева «Необычайная история, бывшая в городе Барнауле жарким летом 19... года» обыгрывается пара «Барнаул – не Стамбул». Специфика *«орденоносного Барнаула»* по сравнению с восточным Стамбулом обнаруживается в отсутствии малоподвижных соревновательных форм деятельности: *«карт не любят, не играют в домино»*. Стихийная активность барнаульцев направлена на стадион «Локомотив», грозя снести малопоместительное сооружение. Народные массы обуздал водопровод: включили воду и все побежали не на стадион, а домой, запастись ею. Государственной «орденоносности» и агитации спорта противостоит неизбывная

¹ Издавалась в разных редакциях в 1989, 1992, 1998 годах. Последнее, дополненное, издание: (Орехов, 2002).

² <https://www.amic.ru/news/308195/>

провинциальность городка и его бытовые неурядицы (Писатели Алтая, 2000, т. 2, с. 143-144). Частотность рифмы «Барнаул – Стамбул», по замечанию А.И. Куляпина, может быть прочитана в историософском контексте. Как известно, Стамбул – это в прошлом Константинополь, то есть второй Рим. В «Папской булле» А. Вознесенский называет Барнаул четвертым Римом (Вознесенский, 1990, с. 64). Путь Барнаула прямо противоположен Константинополю, который пал и стал столицей Востока. Барнаул же преодолевает свою «азиатчину» и становится мировой столицей – четвертым Римом.

Барнаул и Париж впервые поместил в пределах одной фразы В. Высоцкий в стихотворении «Я верю в нашу общую звезду...» (1979). Е.А. Худенко комментирует это соседство следующим образом: «...во-первых, полнотность заданной системы координат работает как символ западного (Париж) и восточного (окончание «-аул» несведущим людям часто позволяет думать, что город азиатский), и во-вторых, любовная история отношений Высоцкого с Мариной Влади масштабируется не только вертикальным пространством полета, но и «полнотностью» типично западного и типично азиатского миров» [Худенко, 2019]. Оппозиция Запада и Востока в связи с Барнаулом прослеживается и в черновике стихотворения «Москва-Одесса» (1967):

*Затеяли интригу
летящие на Ригу –
Их самолет угнали в Барнаул...
Барнаул – это вам не Бейрут, –
Зря рижане поверили – врут,
Террористы туда не попрут,
Их там живо самих заберут... (цит. по: [Худенко, 2019]).*

Одномоментное противопоставление Барнаула Риге (европейскому городу) и Бейруту (Ближний Восток), по мнению исследователя, проявляет «маргинально-конфликтную и глубоко провинциальную природу этого городского топоса» [Худенко, 2019]. Добавим, что в приведенных примерах пространство аэропорта как бы расширяется, подминая под себя весь город, превращая его в транзитный пункт.

Список городов, которыми *не* является Барнаул, достраивается в стихотворении Н. Николенковой «В кафе»: «*не Петербург, не Прага, не Оттава*» (Николенкова, 2001, с. 63). Столичность города отрицается, но в то же время и утверждается: «*И целеустремленная ходьба / По Ленинскому, словно по Гаване, / По Рио-де-Жанейро, по Москве. / По Питеру, по Бресту, по Парижу!*». Двойственный статус

города объясняется его бытованием в материальном и фантазийном мире: «вижу даже то, чего не вижу» («Меня уволили. Да здравствует судьба...») (Николенкова, 1993, с. 32). То, что в реальности провинция и неуют, в творческом воображении преобразуется в прекрасное зарубежье: «Под ногами – дерьмо и Венеция. / В голове – васильки и Флоренция» («Весна») (Николенкова, 2001, с. 19). Подобного рода бегство от реальности, согласно наблюдениям С.М. Козловой, характерно для женской лирики Барнаула (на материале лирики Т.М. Степанской, Ф.А. Габдрауповой и Е.Н. Вагнер). Провинциальная саморефлексия реализуется либо в форме «имитации столичных стандартов», либо как «вытеснение из сознания реального места обитания и замещение его иллюзорными проектами райских садов, театром, ездой в страну любви» [Козлова, 2008, с. 74]. Вот, к примеру, Елена Гешелина пишет: «я задыхаюсь в четырех стенах / шестисоттысячного города / забери меня к себе в стихи» («Раньше в Сибирь ссылали...») (Гешелина, 2010, с. 45). Эскапические настроения возникают и у Н. Николенковой: «Ну что, душа, заманчиво свернуть / К зеленым побережьям Суринама? / Заходишь в Атлантический по грудь – / И где там Барнаул, и где там мама!..». Но возможность ухода в иные пространства и миры в итоге отклоняется: «Вот штука в чем: ты не свернешь, мой друг, / Так и замерзнешь в северных широтах» («Парамарибо») (Николенкова, 2010, с. 36); «Мы не поедem в Занзибар, / Оставим глупые мечтанья» (Николенкова, 2014, с. 76). Лирический субъект принимает свое существование в этом пространстве без надрыва и истерик, как должное и по-своему прекрасное:

*По социуму, по Соцу¹,
По маленькой жидкой реке,
Сама себе штурман и лоцман,
Со щеткой зубной в рюкзаке...
Не вырваться? Да и не надо!
Невесело? Это вранье:
В любом закоулке ада
Есть очарованье свое²*

(«По социуму, по Соцу...») (Николенкова, 2014, с. 70).

¹ Социалистический проспект.

² Ср. с переживанием невозможности вырваться из замкнутого круга карусели в стихотворении В. Тихонова «Из детства»: «А какой-то мальчик плачет, словно стонет. / Как укор или восхищение горсаду? / Он не верит: как же так – неужто пони / Не сумеют, не ускачут / за оградой?» (Писатели Алтая, 2000, т. 2, с. 266).

Пусть «*Барнаул не стоит мессы*» и представители городской богемы встретятся «*в горниле адовых пекарен*» («Все встретится, в конце концов...») (Николенкова, 2010, с. 80), но именно в этом, неказистом для стороннего взгляда пространстве возможно рождение чуда поэзии:

*И в этих скудных декорациях,
Среди загаженных снегов,
Цветут роскошные акации
И для друзей, и для врагов.
И в этой жалобной провинции,
Где даже дети не смешны,
Идут по улицам провидцы
Благоухающей весны*

(«И в этих скудных декорациях...») (Николенкова, 2001, с. 42).

Вспоминается ахматовское: «*Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда*». Стихотворения Н. Николенковой – своего рода апология провинциального Барнаула, обнаружение его позитивной, любовной и креативной, составляющей.

Необходимость подробного рода оправдательной стратегии становится очевидной на фоне стихотворения В.Н. Токмакова «*Вон там начинается частный сектор...*» (Токмаков, 2017, с. 258-259). В противовес овеянному историей старым кварталам Юдалевича и пропитанным любовью улочкам Николенковой «*дальний квартал*» вмещает в себя маргинальные и уродливые явления провинциального города: «*По трущобам, притонам, гадюшникам, / по цыганским развратным домам*» бродит «*неподкованным Пушкиным*» лирический герой Токмакова, «*чтобы познать свою родину*». Метонимический перенос превращает окраину города в образ провинции как таковой, шире – образ страны. Итог «*хождения в народ*» в 1990-е годы неутешителен: «*Здесь погиб не один ломоносов, / сколько репных сгнуло тут*». Пространство города у Токмакова, с одной стороны, обращено к типовым объектам маленького провинциального города, достоверным и конкретным: «*Трубы, заводы, хрущевки, мосты, / Еду к родителям в спальный район, / Стройки, общаги, пивбар “Без проблем”...*». С другой, как и в вышеупомянутом стихотворении, стремится оказаться большим, чем есть. Весь приведенный перечень вмещается в символическое название «*интерната*» – «*Русь*» («Трубы, заводы, хрущевки, мосты...»)

(Токмаков, 2017, с. 237-238). Другой пример. Поездка на трамвае с реальными названиями остановок оборачивается развернутой метафорой человеческой жизни:

*Остановка Покровский Собор...
Все религии – просто вздор,
Дальше идет – остановка Конечная...
Жизнь моя – простая и вечная,
Не проехать бы, не промахнуться...
Кольцевая – чтоб снова вернуться,
Но уже с другой стороны, –
Где ни Бога, ни этой страны...
(Токмаков, 2017, с. 261).*

Отнюдь не случайно название одного из ранних сборников стихотворений поэта – «Двойное дно». В поэтическом мире Токмакова действительность многомерна, сквозь реалии просвечивают инвариантные структуры. Так, возлюбленная лирического героя «едина в сотне лиц», увидеть ее можно «одновременно и в кино, и в церкви, и за окном идущего трамвая» («Подъезд») (Токмаков, 1997, с. 11). Аллюзия на идею В. Соловьева о Мировой душе, Софии, о чем недвусмысленно написано в ироничных примечаниях к стихотворению, позволяет увидеть в подобном мироустройстве не только неоромантическое двоемирие, сочетающее явный и подлинный миры, но и дополнительный цитатный уровень, своего рода семиосферу. Игра с культурными концептами особенно очевидна в постмодернистском опыте В. Токмакова «Стихотворение с эпиграфами» (Токмаков, 1997, с. 22-23), где «в эту дыру, Барнаул, Богом проклятый угол» сослан Н.В. Гоголь, живущий вечно в разных ликах и пространствах, наказанный за свое «гениальное Слово». Сквозь призму культуры воспринимает пространство города и М. Гундарин. Например, в поэме «Рассвет на Балтийской» в связи с улицей упоминается «охранная грамота» Б. Пастернака (Литературный путеводитель..., 2014, с. 6), многократны отсылки к мировой литературе в прозаических фрагментах о Барнауле, но этот материал выходит за рамки настоящей статьи.

Авторские рефлексии о сути любого города рано или поздно обращаются к его астиониму (названию). Так, например, Л. Мерзликин писал, рифмуя западное с восточным:

*Отгостил ты месяц в Барнеаполе,
Так зову я город Барнаул,
Мало мы деньжат тебе накапали,*

Но пойми: ведь это же аул
(«Борода») (Мерзликин, 1997, с. 102).

Наиболее очевидны смысловые потенции имени города для поэтов, оказавшихся в нем проездом, так сказать, со свежим взглядом и слухом. Видимо, ассоциативный процесс более активен в отношении незнакомого слова. Местным же поэтам приходится предварительно «остраниться» от топонима¹. В песне В. Высоцкого «Летела жизнь» (1977) возникает рифма «Барнаул – караул», характеризующая locus как место конфликтов, криминала и маргинальности [Худенко, 2019]. Позднее эта рифма повторится в стихотворении А. Вознесенского «Барнаульская булла» (Вознесенский, 1990, с. 59-64), которое может считаться своего рода апофеозом параграмматических игр с именем города. Весьма развернутый и показательный реестр ассоциаций подытожен авторами статьи «Барнаульский миф в русской литературе», по мнению которых важнейшими образно-смысловыми аспектами города являются «дикость, агрессивность (“а то б пырнули”), святость (“Афонград?”), аграрность (центр сельскохозяйственного края: “АГРАГРАД”), соотнесенность с фольклорным “тридевятым царством”, на пороге которого сказочный герой встречается с бабой Ягой (“Бабыгад?”), и с рериховскими Гималаями (“В вас проступают Гималаи”, “к вам Рерих /шел по струящемуся плато”))» [Десятов, Куляпин, 1998, с. 196]. Добавим, что звуковой комплекс топонима увязывается поэтом одновременно с синонимом бескультурья – словом «варвар» (= удвоенное «бар»), и культурой – авангардистским Дырбулшиц и символистским Бальмонтом; телесным низом – «кассет порнобаул» и духовной высью – г. Белухой. Создаваемая на основе паронимической аттракции поэтическая реальность мыслится пространством контрастов, благословимым и благословляющим. Рифма «Барнаул – выборы на ул.» в стихотворении Вознесенского не только затрагивает характерную для эпохи перестройки тему политического голосования, но и ситуацию экзистенциального выбора, приуроченную именно к Барнаулу.

Наталья Николенкова подхватывает эстафету: «*Это только Бар на ул., /Прочерк в сводках ВВС*» («Косяки ночных акул...») (Николенкова, 2014, с. 73). Малость городка, не позволяющая ему стать предметом международного интереса, превращает его в бар на

¹ Лингвисты полагают, что концептуальное наполнение топонимов особенно интенсивно происходит в языке людей, относительно недавно закрепившихся на территории, где сохранились географические названия предыдущих культур и языков. Непонимание этимологии слова провоцирует рост фонетических и иных ассоциаций [Калинина, 2008].

карте мирового города. Следует отметить, что кафе или бар – едва ли не самый частотный локус в пределах николенковского Барнаула: «Я – в *Pistols'e*. Бьет рок-н-ролл по ушам» («Мышиный горошек не ведом мышам...») (Николенкова, 2010, с. 4), «На Ленинском поэмка начинается...» (Николенкова, 1993, с. 9), «В кафе» (Николенкова, 2001, с. 63), «Джаз-клуб» (Николенкова, 2001, с. 93). Но главным для города являются улицы, «спрятанные» в его имени. «Мы бродим по Барнаулу, не совпадая, – но рядом», – написано в раннем стихотворении «Если друзья не звонят...» (Николенкова, 1993, с. 25). Отстранившись от конкретной лирической ситуации одиночества, укажем на звуковые переключки топонима и глагола (*бродим – Барнаул*), что делает процесс блуждания, прогулок неотделимым от города. Действительно, лирический субъект Николенковой постоянно перемещается по городу:

Полгорода прошла пешком

Моя разнеженная тушка.

Душа летела мотыльком.

Она должна летать, старушка!

(«Вино не может быть сухим...») (Николенкова, 2014, с. 46).

Ощущение полета и счастья усиливают транспортные средства, притом не всякие, а лишь автобус: «Мы обогнали 57-й / На нашем скоростном 60-м. / Какое упоенье, Боже мой!» («Мы обогнали 57-й...») (Николенкова, 2014, с. 69); «...Словно ангел, подлетит / Мой ночной 48-й» («Косяки ночных акул...») (Николенкова, 2014, с. 73); «А счастья – много <...> / Когда в автобусе трещишь / С подругой, словно гимназистка» («Дмитрова, 66 – АлтГУ») (Литературный путеводитель..., 2014, с. 9). Автомобили, такси и трамваи связаны с агрессией: «Косяки ночных акул – / Плотоядные такси» (Николенкова, 2014, с. 73); концом любви: «Ты будешь яростно ловить такси» («Прощай моя любовь!...») (Николенкова, 1993, с. 14); смертью: «Когда кружится голова, / Откатываясь от трамвая» («Сонет») (Николенкова, 1993, с. 57), «Опять замело Барнаул по самым крышам. / Сто двадцать автомобилей столкнулись, летя. / Я ухом – к снеговика: тихонечко дышит. / А я? Приложите ухо ко мне! Хотя...» («Давно-давно ни с кем не спала в обнимку...») (Николенкова, 2010, с. 81).

Подытоживая вышеизложенное, следует признать, что проведенное нами исследование далеко от исчерпанности. Несомненно, литературная модель Барнаула может и должна быть дополнена как именами авторов, ее создателей, так и мотивами, образами, атрибутами, заполняющими специфически барнаульское семиотическое пространство. Как «знаковая система, состоящая из предметных реалий, сложившихся ценностей,

литературных архетипов, мотивов, имен, устойчивых идеологем» [Голубков, 2010, с. 4], «барнаульский текст» находится на начальной стадии изучения. Тем не менее, можно с определенной долей уверенности утверждать, что основные параметры фрагмента этого текста, сформированного лирикой местных, и не только, поэтов, могут быть дифференцированы на типологические и индивидуальные. Универсальными для любого «городского текста» являются системные аналогии «город-человек» (в том числе сам поэт), «город-книга, текст» (в том числе интертекст), «город-центр мира», «город-ад», «города-двойники (близнецы и антиподы). Типично обращение поэтов к паронимической аттракции при «расшифровке» имени города. Но то, как воплощаются эти общекультурные модели и творческие стратегии в применении к конкретному историко-географическому, психолого-биографическому и топонимическому материалу, является совершенно уникальной поэтической реальностью.

Литература

Богумил Т.А. Голубая Дама: барнаульский текст и миф // Сибирский филологический журнал. 2016а. № 4.

Богумил Т.А. Прогулки по Барнаулу мистическому // Геопозтика писателей Сибири и Алтая. Барнаул, 2016б.

Голубков С.А. Семантика и метафизика города: «городской текст» в русской литературе XX века. Самара, 2010.

Десятов В.В., Куляпин А.И. Барнаульский миф в русской литературе // Культура и текст. Литературоведение. СПб; Барнаул, 1998. Ч. 1.

Калинина Е.Л. Проблема концептуального содержания субстратных географических имен // Филология и человек. 2008. № 3.

Козлова С.М. Провинция в зеркале рефлексии современных поэтов-барнаульцев // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2008.

Позднякова Е.Ю. Проблема восприятия городского пространства и его отражения в языковом сознании горожан // Филология и человек. 2014. № 2.

Сафронова Е.Ю. Ф.М. Достоевский: «Желаю в Барнаул», «именно в Барнаул»: к 160-летию первого визита писателя // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4.

Сафронова Е.Ю. Комическая повесть «Дядюшкин сон»: барнаульские впечатления Ф.М. Достоевского // Филология и человек. 2018. № 3.

Худенко Е.А. «Алтайский текст» в творчестве В. Высоцкого // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4.

Список источников

- Власов А.В. Цветы для мамы. Барнаул, 2014.
 Вознесенский А. Аксиома самоиска. М., 1990.
 Гешелина Е. Антисобытие. Барнаул, 2010.

- Литературный путеводитель по Барнаулу (М. Гундарин, К. Гришин, П. Госсен, Н. Николенкова, Е. Ожич, В. Токмаков) // Ликбез. 2014. № 26.
- Мерзлякин Л.С. Избранное. Барнаул, 1997.
- Николенкова Н.М. Девятое марта. Барнаул, 1993.
- Николенкова Н.М. Завтрак на траве. Барнаул, 2014.
- Николенкова Н.М. Карманная психиатрия. Барнаул, 2001.
- Николенкова Н.М. Малютка жизнь. Барнаул, 2010.
- Орехов С.М. Барнаул – Столица Мира. Человек последнего круга. Барнаул, 2002.
- Панов Г.П. Высокий полдень. Барнаул, 1980.
- Писатели Алтая: в 15-и тт. Барнаул, 2000. Т. 2. Антология алтайской поэзии.
- Токмаков В.Н. Двойное дно. Барнаул, 1997.
- Токмаков В.Н. Стихи из захолустья // Токмаков В.Н. Запретная книга Белого бурхана. Барнаул, 2017.
- Юдалевич М.И. Золотая давность. Стихи о Барнауле // Барнаул. История культуры. Барнаул, 2000.

References

- Bogumil T.A. *Golubaya Dama: barnaul'skiy tekst i mif* [The Blue Lady: The text and myth of Barnaul]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2016a. No 4.
- Bogumil T.A. *Progulki po Barnaulu misticheskomu* [Walks in the Mystical Barnaul]. In: *Geopoetika pisateley Sibiri i Altaya* [Geo-poetics of Siberian and Altai writers]. Barnaul, 2016b.
- Golubkov S.A. *Semantika i metafizika goroda: «gorodskoy tekst» v russkoy literature XX veka* [Semantics and Metaphysics of the City: “urban text” in Russian literature of the twentieth century]. Samara, 2010.
- Desyatov V.V., Kulyapin A.I. *Barnaul'skiy mif v russkoy literature* [Barnaul Myth in Russian Literature]. In: *Kul'tura i tekst: Literaturovedenie. Ch. 1* [Culture and text: literary criticism: Pt. 1]. Sankt-Peterburg, Barnaul, 1998.
- Kalinina E.L. *Problema kontseptual'nogo sodержaniya substratnykh geograficheskikh imen* [The Particularities of Conceptual Filling of Substrative Toponyms]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2008. No 3.
- Kozlova S.M. *Provintsiya v zerkale refleksii sovremennykh poetov-barnaul'tsev* [Province in the Mirror of Reflection of Modern Barnaul Poets]. In: *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [Altai text in Russian culture]. Barnaul, 2008.
- Pozdnyakova E.Yu. *Problema vospriyatiya gorodskogo prostranstva i ego otrazheniya v yazykovom soznanii gorozhan* [The Problem of the City Space Perception and Its Reflection in the Language Consciousness of the Citizens]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2014. No 2.
- Safronova E.Yu. *F.M. Dostoyevskiy: «Zhelayu v Barnaul», «imenno v Barnaul»: k 160-letiyu pervogo vizita pisatelya* [F.M. Dostoyevsky: «I wish to go to Barnaul», «precisely to Barnaul»: in commemoration of the 160th anniversary of the writer's first visit]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2015. No 4.
- Safronova E.Yu. *Komicheskaya povest' «Dyadyushkin son»: barnaul'skiye vpechatleniya F.M. Dostoyevskogo* [Comic story *Uncle's Dream*: Impressions of Barnaul on F.M. Dostoyevsky]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2018. No 3.
- Khudenko E.A. *«Altayskiy tekst» v tvorchestve V. Vysotskogo* [«Altai text» in the works of V. Vysotsky]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education]. 2019. No 4.

List of sources

- Vlasov A.V. *Tsvety dlya mamy* [Flowers for Mom]. Barnaul, 2014.
- Voznesenskiy A. *Aksioma samoiska* [Axiom of Self-Search]. Moskva, 1990.
- Geshelina E. *Antisobytie* [Anti-Event]. Barnaul, 2010.
- Literaturnyy putevoditel' po Barnaulu* (M. Gundarin, K. Grishin, P. Gossen, N. Nikolenkova, E. Ozhich, V. Tokmakov) [Literary guide to Barnaul (M. Gundarin, K. Grishin, P. Gossen, N. Nikolenkova, E. Ozhich, V. Tokmakov)]. In: *Likbez* [Likbez]. 2014. No. 26.
- Merzlikin L.S. *Izbrannoe* [Selected Poems]. Barnaul, 1997.
- Nikolenkova N.M. *Devyatoe marta* [March 9]. Barnaul, 1993.
- Nikolenkova N.M. *Zavtrak na trave* [Breakfast on the Grass]. Barnaul, 2014.
- Nikolenkova N.M. *Karmannaya psikhatriya* [Pocket Psychiatry]. Barnaul, 2001.
- Nikolenkova N.M. *Malyutka zhizn'* [Baby Life]. Barnaul, 2010.
- Orekhov S.M. *Barnaul – Stolitsa Mira. Chelovek poslednego kruga* [Barnaul – the Capital of the World. The man of the last round]. Barnaul, 2002.
- Panov G.P. *Vysokiy polden'* [High Noon]. Barnaul, 1980.
- Pisateli Altaya: v 15 t.* [Altai Writers: in 15 vols] T. 2. *Antologiya altayskoy poezii* [Vol. 2. Anthology of Altai poetry]. Barnaul, 2000.
- Tokmakov V.N. *Dvoynoe dno* [Double Bottom]. Barnaul, 1997.
- Tokmakov V.N. *Stikhi iz zakhlost'ya* [Outback Poems]. In: Tokmakov V.N. *Zapretnaya kniga Belogo burkhana* [The forbidden book of the White Burkhan]. Barnaul, 2017.
- Yudalevich M.I. *Zolotaya davnost'. Stikhi o Barnaule* [Golden Prescription. Poems about Barnaul]. In: *Barnaul. Istoriya kul'tury* [Barnaul. Cultural history]. Barnaul, 2000.

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ГЕНЕРАЛЬНЫЙ
СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ ТЕКСТОВЫЙ ПРИЗНАК
(НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Э. ДИКИНСОН «PARTING»)**

И.В. Сергодеев

Ключевые слова: интертекстуальность, поэтический текст, текстовый признак, смысловой комплекс, контекст, интерпретация.

Keywords: intertextuality, poetic text, text feature, semantic complex, context, interpretation.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-09

Изучение текста как продукта речемыслительной деятельности человека является актуальным и перспективным направлением языкознания. План содержания и план выражения (как два формальных текстовых аспекта) представляют собой интегративные

базовые характеристики текстовой системности, которые сегодня не изучены в полной мере. Актуальность этого вопроса, его «неисчерпаемость» обоснованы тем, что работа с текстом представляет собой исследования качественного характера, в результате которых ученым удастся частично описать феномен «текст», подсчитать лексемы и ключевые слова для решения твоей или иной задачи, сформировать типологии или модели анализа, сделать выводы о некоторых особенностях функционирования текстовой системы и пр.

Объектом исследования являются текстовые признаки. Предметом настоящей статьи выступает признак интертекстуальности (как генеральный смыслообразующий признак), рассматривающийся на примере анализа текстовой единицы «Immortality» поэтического текста (далее – ПТ) «Parting» Э. Дикинсон. Исследование выполнено в рамках таксономической и антропоцентрической парадигм, в частности – с позиций семиотической системности текста и антропологических основ литературной деятельности.

Задачей статьи является исследование признака интертекстуальности, вычленение и характеристика его особенностей в ходе анализа ПТ.

Анализ текстовых единиц ПТ включает в себя следующие этапы:

1. Фрагментация анализируемого ПТ (разделение общего объема текста, множественности тем, предметов рассматриваемого произведения на логические и тематические сегменты).
2. Контекстуальный анализ текстовых единиц (определение базового контекстного значения).
3. Поиск и определение интертекстуальных отношений между анализируемой единицей и единицами адресных текстов.
4. Контекстуальный анализ единиц интертекстуальности в адресных текстах.
5. Семантический синтез (обобщение полученных в ходе анализа контекстных значений).

Феномен «интертекстуальность» принято рассматривать с позиций структурного, интерпретативного и лингвокультурологического подходов. В сущности, лингвокультурологический подход строится на оппозиции «текст – мир культуры» [Барт, 1994; Деррида, 2000], которая гармонично и закономерно развилась из структурной оппозиции «текст – фрагмент текста» [Женетт, 1998; Тименчик, 1981; Chandler, 2007] и интерпретативной «текст – контекст» [Forster, 1927; Элиот, 1987]. Феномен интертекстуальности строится на совокупности указанных подходов. Текстовая единица, являющаяся отсылкой или

реминисценцией к другой текстовой единице, обогащает смысловой комплекс рассматриваемого текста, так как связывает его не только с фрагментом другого текста (прототекста – начального текста, текста-донора), но и с его уникальным контекстом, а также с культурой, в рамках которой был создан прототекст. Таким образом, интертекстуальность трактуется в широком и узком смысле. В широком смысле она представляет собой соединение текстового пространства посредством разного рода реминисценций со всеми другими пространствами: социально-бытовым, культурным, историческим и пр., в результате чего возможно говорить о всеобъемлющем интертексте, куда погружается человеческое сознание. В узком смысле под интертекстуальностью понимаются тематические текстовые ссылки, свойственные отдельным видам текстов – художественным, поэтическим, научным и пр. Интертекстуальность делится на автотекстуальность (реминисценция одного текста к другому в рамках корпуса анализируемого автора), интекстуальность (текстовое включение, ссылающееся на произведения, не входящие в корпус текстов анализируемого автора), паратекстуальность (семиотическое отношение текста к своему заглавию, подзаголовку, эпиграфу и примечаниям) и архитектстуальность (отсылка к культурологическим феноменам – «не текстам»). К единицам интертекстуальности относятся цитата, самоцитата (автор цитирует сам себя), квазичитата (видоизмененная, но узнаваемая цитата), аллюзия, самоаллюзия, аллюзивные антропонимы, аллюзивные сюжеты, аллюзивные реалии.

Корпус отечественных исследований, посвященных вопросам интертекстуальности и текстовым признакам в целом, не насчитывает работ, в которых интертекстуальность рассматривается как отдельный текстовый признак. Кратко рассмотрим типологии крупнейших исследователей в области текстологии. И.Р. Гальперин выделяет основные содержательные и формально-структурные признаки текста, а именно – информативность, членимость, когезия, континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция, проспекция, модальность, интеграция и завершенность [Гальперин, 1981]. А.И. Новиков рассматривает текст не только как результат языковой деятельности, но и как постоянно изменяющуюся систему в процессе ее порождения и восприятия. К текстовым признакам ученый относит развернутость, последовательность, связность, законченность, глубинную, текстовую статику и динамику [Новиков, 2007]. И.Я. Чернухина вычленяет так называемые универсальные смыслы текста: время,

пространство, героя и событие [Чернухина, 1987]. Т.В. Матвеева выделяет тематическую определенность, тональность, оценочность, темпоральность и локальность [Матвеева, 1990]. А.Ф. Папина к глобальным признакам текста относит участников коммуникативного акта, события, процессы, факты, время, пространство и место объектов, аксиологические и логические оценки [Папина, 2002]. Н.С. Болотнова выделяет такие текстовые признаки, как коммуникативность, концептуальность, прагматичность, информативность, структурность, диалогичность (понятие М.М. Бахтина, близкое понятию интертекстуальности), регулятивность, смысловую завершенность, модальность, эмотивность, проспективность и ретроспективность. Также она отмечает, что основополагающими текстовыми признаками являются цельность и связность [Болотнова, 2009]. Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарин также акцентируют внимание на признаках целостности, связности и дополняют их текстовой завершенностью, абсолютной антропоцентричностью, социологичностью, развернутостью, последовательностью, статичностью, динамичностью, напряженностью, эстетичностью и образностью. Особое внимание ученые уделяют интерпретируемости текста [Бабенко, 2005].

Понятие интертекстуальности – многоаспектно, поэтому может являться предметом исследования на всех уровнях текстовых признаков (генеральных, категориальных, дифференциальных и пр.). Наиболее полно интертекстуальность проявляет себя как генеральный (то есть свойственный всем типам текстов) признак, участвующий в процессах становления смыслового комплекса текстовых единиц или текста в целом. Признак интертекстуальности играет роль семиотического механизма, обеспечивающего взаимодействие текстовой системы с внешними источниками информации, в результате которого наблюдается становление и эволюция смыслового комплекса произведения. Такую важную при интерпретации текста роль признак интертекстуальности играет в совокупности с другими текстовыми признаками (системностью, завершенностью связности, цельностью, модальностью, антропоцентричностью и пр.) благодаря их интегративности – взаимной вовлеченности друг в друга.

Рассмотрим признак интертекстуальности как генеральный смыслообразующий текстовый признак на примере анализа текстовой единицы «Immortality» ПТ (ПТ – ритмически организованная, обычно рифмованная речь, имеющая соответствующее стихам графическое выражение) «Parting» американского поэта Э. Дикинсон.

Анализ текстовой единицы «Immortality» поэтического текста «Parting»

1. Фрагментация ПТ «Parting»

Рассматриваемый ПТ «My life closed twice before its close (Parting)» (год создания – неизвестен; в дальнейшем будем называть данный ПТ – «Parting»). Стихотворение представлено двумя строфами по четыре строки каждая, написанными ямбом (первая и третья строка каждой строфы выполнена тетраметром, вторая и четвертая – триметром). Структура ПТ «Parting» не обнаруживает повторяющихся элементов текстовых единиц и являет собой продуманно выстроенное графически сбалансированное стихотворение. Пунктуация данного ПТ несвойственна стилю Э. Дикинсон, так как тире встречается всего один раз за все стихотворение (поэт часто использует тире в своем творчестве). В рамках настоящего анализа рассматривается только первая строфа ПТ «Parting».

My life closed twice before its close –
It yet remains to see
If Immortality unveil
A third event to me <...> (Dickinson, 1955, p. 702)¹

Дважды жизнь моя кончилась – раньше конца –
Остается теперь открыть –
Вместит ли Вечность сама
Третье такое событие <...> (Маркова, URL).

2. Контекстуальный анализ единицы «Immortality»

Интересующее нас существительное «Immortality» является единственной текстовой единицей анализируемого ПТ, которая написана Э. Дикинсон с прописной буквы. Полиинтерпретативность обозначенной единицы обусловлена ее архитектуральной природой: понятие «бессмертие, вечная жизнь» является отсылкой к общекультурным понятиям. Базовое значение единицы «Immortality» в данном случае сводится к прямым словарным значениям существительного «бессмертие»: «<...> 1. The ability to live forever; eternal life. <...> 1.1. The quality of deserving to be remembered for a long time; timelessness <...>» [English Oxford Living Dictionaries, URL].

3. Поиск и определение интертекстуальных ссылок

Лексема «Immortality» встречается в корпусе ПТ Э. Дикинсон 36 раз: «Ambition cannot find him»(1859), «The Soul's Superior instants»

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

(1862), «Some – Work for Immortality» (1862), «I live with Him – I see His face» (1862), «I am alive – I guess» (1862), «It's thoughts-and just One Heart (1862)», «That I did always love» (1862), «An ignorance a Sunset» (1862), «Conscious am I in my Chamber» (1863), «Suspense – is Hostiler than Death» (1863), «Because I could not stop for Death» (1863), «Behind Me – dips Eternity» (1863), «We thirst at first – 'tis Nature's Act» (1863), «By my Window have I for Scenery» (1863), «The Only News I know» (1864), «The Soul's distinct connection» (1864), «So large my Will» (1865), «That Such have died enable Us» (1865), «Satisfaction – Is the Agent» (1865), «A Spider sewed at Night» (1869), «Lest any doubt that we are glad that they were horn Today» (1870), «To disappear enhance» (1872), «If my Bark sink» (1872), «Because that you are going» (1873), «Take all away» (1876), «Such are the inlets of the mind» (1877), «With Pinions of Disdain» (1877), «He lived the Life of Ambush» (1881), «No Brigadier throughout the Year» (1883), «Who abdicated Ambush» (1884), «Extol thee – could I? Then I will» (1885), «Why should we hurry – why indeed?» (1885), «The immortality she gave» (1886), «Summer begins to have the look» (?), «The butterfly obtains» (?), «Is Immortality a bane» (?), «The reticent volcano keeps» (?) [Dickinson, 1955]. Во всех указанных ПТ существительное «Immortality» написано с прописной буквы. Результаты предварительного контекстуального анализа указанных произведений показывают, что смысловой комплекс лексемы «Immortality» наиболее явно дополняется новыми несловарными аспектами в трех стихотворениях: «Behind Me – dips Eternity» (1863), «The Only News I know» (1864) и «The reticent volcano keeps» (?).

4. Контекстуальный анализ единицы «Immortality» в адресных поэтических текстах «Behind Me – dips Eternity», «The Only News I know» и «The reticent volcano keeps»

В ходе автотекстуального взаимодействия базовой единицы анализа «Immortality» с адресными текстами поэтического пространства Э. Дикинсон наблюдается идентичность единиц анализа. Обозначенные стихотворения связаны автотекстуально посредством существительного «Immortality», план содержания и выражения которого формально тождественен во всех выделенных ПТ, однако в каждом из анализируемых произведений находятся контекстные значения, освещающие новые грани смыслового комплекса лексемы «Immortality».

4.1. Рассмотрим текстовые единицы фрагмента ПТ «Behind Me – dips Eternity»:

Behind Me – dips Eternity –
Before Me – Immortality –

Myself – the Term between –
 Death but the Drift of Eastern Gray,
 Dissolving into Dawn away,
 Before the West begin –
 'Tis Kingdoms – afterward – they say –
 In perfect – pauseless Monarchy –
 Whose Prince – is Son of None –
 Himself – His Dateless Dynasty –
 Himself – Himself diversify –
 In Duplicate divine – <...> (Dickinson, 1955, p. 253)

За мною – распростерлась Вечность –
 Передо мною – Бесконечность –
 Я – между ними – Интервал –
 Смерть – только смена умершего дня,
 Сбежала от лучей Востока
 На Запад, на исходе дня –
 Потом – по слухам – будут Царства –
 Монархия – без края и конца –
 Чей Царь – ничейный Сын династий –
 Чья Родословная пуста –
 Кто сам себе – Разнообразье –
 Божественная сирота – <...> (Постников, URL)

В первой и второй строке приведенного произведения Э. Дикинсон разграничивает образы вечности («Eternity») и бессмертия («Immortality»). Согласно поэту, вечность находится «позади», бессмертие – «вперед» лирического героя ПТ. Исследователь творчества Э. Дикинсон Д. Вандерслийс в статье «Dickinson's BEHIND ME – DIPS ETERNITY» пишет о том, что образы вечности и бессмертия служат средством передачи чувственного восприятия онтологического понятия времени и роли, места человека в нем: «<...> Myself – the Term between <...>» [Vanderslice, 2000, p. 195].

Продолжая рассматривать единицу «Immortality», убеждаемся в контекстуальной имплицитности ключевых образов ПТ «Behind Me – dips Eternity». Во второй строфе данного произведения читаем строки: «<...> 'Tis Kingdoms – afterward – they say – / In perfect – pauseless Monarchy – / Whose Prince – is Son of None <...>». Оксюморон «Son of None» является интекстуальным аллюзивным сюжетом, отсылающим к евангелическому образу непорочного зачатия, рождению Иисуса Христа, шире – к царствию Божьему (Евангелие, URL). В этом случае, согласно христианской догматике, лексема «Immortality» выражает

бессмертие души после смерти тела, воскрешение из мертвых, вечную жизнь.

Указанные варианты интерпретации единицы «Immortality» являются несколькими аспектами общего смыслового комплекса этой единицы. Поэзия Э. Дикинсон уникальна не только внешними атрибутами: краткостью, знаками препинания, в большинстве случаев строгой рифмой и пр., но в большей степени – предметом поэзии. Она пишет о вещах неизвестных и непознаваемых, делится с читателем своими ощущениями, образами, ассоциациями, касающимися тем жизни, смерти, любви, Бога и т.д. В связи с этим необходимо обратить внимание на тему поэзии как познавательной деятельности в творчестве Э. Дикинсон – выйти за рамки автотекстуальности.

Э. Дикинсон была человеком замкнутым. Она общалась с людьми преимущественно посредством переписки. Паратекстуальные связи в ее творческом наследии развиты до такой степени сильно, что способны влиять на смысловой комплекс текстовых единиц ее стихов. В письме 1862 года к Б.Ф. Ньютону (написано после его смерти) мы встречаем следующие строки:

<...> When a little Girl, I had a friend, who taught me Immortality – but venturing too near, himself – he never returned <...> (Dickinson, URL).

<...> Когда я была маленькой, у меня был друг, который научил меня Бессмертию, но сам он подошел слишком близко к краю, и никогда не вернулся <...> (Перевод наш. – И.С.).

Выделенный фрагмент существенно обогащает смысловой комплекс единицы «Immortality». По мнению А. Хэббегер, именно Б.Ф. Ньютон открыл юной Э. Дикинсон дверь в поэзию, познакомив ее с работами У. Вордсворта и Р.У. Эмерсона [Habegger, 2002]. Таким образом, учитывая данный биографический факт, бессмертие отождествляется Э. Дикинсон с поэзией, уже – с бессмертием стихов поэта. Сравнивая текст письма (1862) с ПТ «Behind Me – dips Eternity» (1863) по году создания, становится ясно, что письмо играет роль прототекста, следовательно, аспект смыслового комплекса лексемы «Immortality» (бессмертие – поэзия) может учитываться нами в том числе и по временному признаку.

4.2. Рассмотрим отрывок адресного ПТ «The Only News I know»:

The Only News I know
Is bulletins all day
From Immortality.

The only shows I see,
 Tomorrow and Today,
 Perchance Eternity <...> (Dickinson, 1955, p. 401).

Единственная Новость -
 Каждый день
 Из Вечности приходит
 Бюллетень.

Единственное Шоу –
 Бесконечность –
 Случайно выходящая
 Навстречу <...> (Постников, URL).

Э. Дикинсон разграничивает образы «Immortality» и «Eternity». Метафора «bulletins from Immortality» на лексико-семантическом уровне связывает бессмертие с бюллетенем, текстом, печатным изданием, языком и пр. Данный пример метафорической сочетаемости текстовых единиц подкрепляет указанный выше смысловой аспект текстовой единицы «Immortality»: бессмертие – поэзия. В контексте данного ПТ улавливается тема одиночества: единственное, что происходит с Э. Дикинсон – написание, чтение, корректировка стихов или переписка с узким кругом друзей (тоже работа с текстом).

Вторая строфа повествует о вечности как единственном объекте наблюдения поэта. Вечность в этом случае может быть рассмотрена как человеческая личность, сознание, душа, скрытые неуловимые аспекты человеческого существа, которые способна описать, исследовать, определить поэзия. На примере интертекстуального взаимодействия лексем «Immortality» и «Eternity» наблюдается семантическое взаимообогащение смысловых комплексов данных единиц. Бессмертие и вечность выступают в данном случае как предмет и объект одного процесса исследования, общей задачи – человеческого существования.

4.3. Завершает обозначенный выше список адресных текстов отрывок ПТ «The reticent volcano keeps»:

<...> If nature will not tell the tale
 Jehovah told to her
Can human nature not survive
Without a listener?
 Admonished by her buckled lips
 Let every babbler be
The only secret people keep
Is Immortality (Dickinson, 1955, p. 708).

<...> Но если б мы таили все,
Что нашептал нам Бог,
Как мог бы выжить Человек –
Как не погибнуть мог?
И мы болтаем тыщи лет,
Переступив запрет.
Одну лишь Тайну мы храним –
Бессмертия секрет (Гаврилов, URL).

В данном ПТ поднимается тема одиночества и смерти. Выделенные строки первой строфы обозначают очень важную для Э. Дикинсон проблему читателя и собеседника. Она задает вопрос, может ли остаться, сохраниться, выжить человеческая природа без собеседника. Из истории литературы и биографии Э. Дикинсон известно, что не существует прижизненных изданий поэта (при жизни было опубликовано только 11 ее стихотворений). Первое полное собрание сочинений с оригинальным авторским текстом (без изменений редактора Т.У. Хиггинсона) вышло в 1955 году, а первое полное собрание текстов писем вышло в 1958 году.

Вторая из приведенных строф содержит лексему «Immortality». Образ бессмертия – все, что, по мнению Э. Дикинсон, хранит человек; все, что останется от него. Данная противоречивая идея кажется логичной, если понимать под бессмертием – творческое наследие поэта, шире – память о человеке. После смерти Э. Дикинсон в ее комнате нашли около 900 страниц чистовых вариантов стихов, подшитых в 60 тетрадей. Никто кроме малочисленных друзей по переписке не знал о том, что она пишет стихи.

В результате интертекстуальных связей формируется сложный многоаспектный смысловой комплекс лексемы «Immortality», который включает в себя базовые словарные значения данного существительного, христианскую тематику бессмертия души, обозначенную в ПТ «Behind Me – dips Eternity», а также новый семантический ряд: бессмертие – поэзия – память.

5. Семантический синтез

Идея семантического синтеза сводится к обобщению базового значения и определенных в ходе анализа контекстуальных значений текстовой единицы «Immortality». Видение рассматриваемой проблемы с такой точки зрения позволяет представить, исследовать и описать глобальную интертекстуальную пересеканность текстов и культурных явлений.

5.1. Контекстуальные значения текстовой единицы (далее – ТЕ) «Immortality».

1. Базовый ПТ «Parting» (?) – бессмертие (ТЕ1).

Автотекстуальный тип связи:

2. ПТ «Behind Me – dips Eternity» (1863) – бессмертие в христианском смысле (ТЕ2).

3. ПТ «The Only News I know» (1864) – общение посредством письма / чтения (ТЕ3).

4. ПТ «The reticent volcano keeps» (?) – память о человеке (ТЕ4).

Паратекстуальный тип связи:

5. Письмо Э. Дикинсон к Б.Ф. Ньютону (1862) – поэзия (ТЕ5).

Рассмотрим изменения смыслового комплекса лексемы «Immortality» на примере таблицы 1.

ТЕ «Immortality»	Базовый ПТ «Parting»	контекстные значения адресных текстов / тип интертекстуальной связи			
		автотекстуальность			паратекстуальность
		ПТ «Behind Me – dips Eternity»	ПТ «The Only News I know»	ПТ «The reticent volcano keeps»	Письмо Э. Дикинсон к Б.Ф. Ньютону
ТЕ ₁	бессмертие				
ТЕ ₂		бессмертие в христианском смысле			
ТЕ ₃			общение посредством письма / чтения		
ТЕ ₄				память о человеке	
ТЕ ₅					поэзия

Табл. 1. Формализация смыслового комплекса текстовой единицы «Immortality»

Следует отметить, что расстановка значений лексемы «Immortality» в хронологическом порядке носит номинальный характер и предпринята нами для достижения большей наглядности и формализации. Иерархичность контекстуального обмена присутствует в процессе становления смыслового комплекса текстовой единицы, вне

зависимости от того, в каком порядке рассматриваются адресные тексты. Так лексема «Immortality», стоящая в контексте базового ПТ, может быть определена не только словарными лексическими значениями данного существительного, но и контекстными значениями адресных текстов. Таким образом, рассматриваются не только словарные значения, но и новые «импровизационные» смыслы: лексема «Immortality» предстает не только как бессмертие (вечная жизнь), но и как поэзия в широком и узком смысле. Текстовая единица «Immortality» базового ПТ «Parting» становится некой субстанцией, силой, энергией, которая позволяет поэту творить – идти к бессмертию в памяти людей. На данном этапе анализа мы вступаем в фазу субъективной интерпретации, основанной на процессе апперцепции (восприятия на основе наших прежних представлений).

Результаты проведенного анализа показывают, что многозначность текстовой единицы формируется благодаря ее интертекстуальной природе. Разные типы интертекстуальности порождают отсылки к разным видам и формам информации. В ходе анализа и семантического синтеза текстовой единицы «Immortality» ПТ Э. Дикинсон «Parting» были установлены следующие типы отсылок: культурологические реминисценции к христианской традиции (архитекстуальность / автотекстуальность), автобиографические пересечения с письмами поэта (паратекстуальность), параллельные места в других стихах Э. Дикинсон (автотекстуальность). Основным типом используемых Э. Дикинсон интертекстуальных отношений выступает автотекстуальность, реже – паратекстуальность и архитекстуальность.

Признак интертекстуальности играет роль семиотического механизма, формирующего и обогащающего смысловой комплекс текстовой единицы «Immortality»: словарное значение «бессмертие» расширяется до функционально-семиотического ряда «бессмертие – бессмертие во Христе – письменное общение – память о человеке – поэзия».

Интертекстуальность играет ключевую роль в процессах формирования смыслового комплекса текстовых единиц, поскольку связывает план их содержания с внешними источниками информации: другими художественными произведениями, культурологическими феноменами, историческими или автобиографическими фактами и пр. Признак интертекстуальности в том или ином виде обнаруживается во всех типах текстов: художественных, поэтических, публицистических, научных и пр. При наличии соответствующих компетенций реципиент

способен декодировать единицы интертекстуальности, «разворачивая» их в полноценный адресный текст или тексты.

Дальнейшая проработка интертекстуального механизма анализа и синтеза смыслового комплекса текстовых единиц представляется перспективным направлением исследования, поскольку позволяет приблизиться к решению важной для текстоведения задачи – формализации плана содержания художественного и поэтического текста.

Литература

- Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М., 2005.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб, 2000.
- Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М., 2009.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.
- Женетт Ж. Фигуры. М., 1998.
- Казарин Ю.В. Мастерская текста. Книга о текстотворчестве. Екатеринбург, 2008.
- Кротова Д.В. Суждения о поэзии в мемуарном и эпистолярном наследии В. Шаламова // Филология и человек. 2019. № 2. DOI: 10.14258/filichel(2019)2-05
- Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург, 1999.
- Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: структура стиха. Л., 1972.
- Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999.
- Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.
- Новиков А.И. Текст и смысловые доминанты. М., 2007.
- Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М., 2002.
- Тименчик Р.Д. Текст в тексте у акмеистов. // Труды по знаковым системам. Тарту, 1981.
- Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста. Воронеж, 1987.
- Чибисова О.В., Шунейко А.А. Буддистские реминисценции в поэзии И.Ф. Анненского // Филология и человек. 2019. № 2. DOI: 10.14258/filichel(2019)2-02
- Элиот Т.С. Традиция и индивидуальный талант. М., 1987.
- Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
- Chandler D. Semiotics: the Basics. New York, 2007.
- Forster E.M. Aspects of the Novel. New York, 1927.
- Habbeger A. My Wars Are Laid Away in Books: The Life of Emily Dickinson. New York, 2002.
- Vanderslice J. Dickinson's 'Behind Me-Dips Eternity'. Explicator. 2000. No. 4.

Список источников

Гаврилов А.Г. Переводы Эмили Дикинсон (из дневников). [Электронный ресурс]. URL: <https://biography.wikireading.ru/36617>

- Евангелие от Матфея, от Луки, от Марка, от Иоанна. [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliya-online.ru/chitat-evangelie-ot-marka-onlayn/>
- Маркова В. Эмили Дикинсон. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uspoetry.ru/poets/7/poems>
- Постников В. Emily Dickinson – Эмили Дикинсон. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stihi.ru/avtor/transpoetry>
- Dickinson E. The Complete Poems of Emily Dickinson. Boston, 1955.
- Dickinson E. The Complete Poems. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bartleby.com/113>
- English Oxford Living Dictionaries. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexico.com/en/definition/ability>

References

- Babenko L.G. *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktik*. [Linguistic Analysis of Literary Text. Theory and Practice]. Moskva, 2005.
- Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moskva, 1994.
- Bakhtin M.M. *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and Character: to philosophic basis of human sciences]. Sankt-Peterburg, 2000.
- Bolotnova N.S. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological Analysis of Text]. Moskva, 2009.
- Galperin I.R. *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Study]. Moskva, 1981.
- Derrida Zh. *Pis'mo i razlichie* [Writing and Differences]. Moskva, 2000.
- Zhenett Zh. *Figury* [Figures]. Moskva, 1998.
- Kazarin Yu.V. *Masterskaya teksta. Kniga o tekstotvorchestve* [Text's Workshop. Book about Textual Creativity]. Ekaterinburg, 2008.
- Krotova D.V. *Suzhdeniya o poezii v memuarnom i epistolyarnom nasledii V. Shalamova* [Judgments about Poetry in V. Shalamov's Memoirs and Epistolary Heritage]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. No. 2. DOI: 10.14258/filichel(2019)2-05
- Kuzmina N.A. *Intertekst i ego rol v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and Its Role in Processes of Evolution of the Poetic Language]. Ekaterinburg, 1999.
- Lotman Yu.M. *Analiz poeticheskogo teksta: struktura stikha* [Analysis of Poetic Text: Poem's Structure]. Leningrad, 1972.
- Lukin V.A. *Khudozhestvennyy tekst: Osnovy lingvisticheskoy teorii i elementy analiza* [Literary Text: Basis of Linguistic Theory and Elements of Analysis]. Moskva, 1999.
- Matveeva T.V. *Funktsionalnye stili v aspekte tekstovykh kategoriy* [Functional Styles in the Aspect of Textual Categories]. Sverdlovsk, 1990.
- Novikov A.I. *Tekst i smyslovye dominanty* [Text and Semantic Dominants]. Moskva, 2007.
- Papina A.F. *Tekst: yego edinitsy i globalniye kategorii* [Text: Its Units and Global Categories]. Moskva, 2002.
- Timenchik R.D. *Tekst v tekste u akmeistov*. [Text in Text of Acmeists]. *Trudy po znakovym sistemam* [Works on Semiotic Systems]. Tartu, 1981.
- Chernukhina I.Ya. *Obshchyye osobennosti poeticheskogo teksta* [General Peculiarities of Poetic Text]. Voronezh, 1987.
- Chibisova O.V., Shuneiko A.A. *Buddistskie reminiscencii v poezii I.Ph. Annenskogo* [Buddhist Reminiscences in I.Ph. Annensky's Poetry]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. No. 2. DOI: 10.14258/filichel(2019)2-02
- Eliot T.S. *Tradiciya i individual'nyy talant* [Tradition and individual talent]. M., 1987.

- Yakobson R.O. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. *Strukturalizm : «za» i «protiv»* [Structuralism: «For» and «Against»]. Moskva, 1975.
Chandler D. *Semiotics: the Basics*. New York, 2007.
Forster E.M. *Aspects of the Novel*. New York, 1927.
Habbeger A. *My Wars Are Laid Away in Books: The Life of Emily Dickinson*. New York, 2002.
Vanderslice J. *Dickinson's 'Behind Me-Dips Eternity'*. *Explicator*. 2000. No. 4.

List of sources

- Gavrilov A.G. *Perevodya Emili Dikinson (iz dnevnikov)* [Translations of Emily Dickinson (from diaries)]. URL: <https://biography.wikireading.ru/36617>
Evangelie ot Matfeya, ot Luki, ot Marka, ot Ioanna [Gospel from Mathew, Luke, Mark, John]. URL: <http://bibliya-online.ru/chitat-evangelie-ot-marka-onlayn/>
Markova V. *Emili Dikinson* [Emily Dickinson]. URL: <http://www.uspoetry.ru/poets/7/poems>
Postnikov V. *Emily Dickinson – Emili Dikinson* [Emily Dickinson – Emily Dickinson]. URL: <https://www.stihi.ru/avtor/transpoetry>
Dickinson E. *The Complete Poems of Emily Dickinson*. Boston, 1955.
Dickinson, E. *The Complete Poems*. URL: <https://www.bartleby.com/113/>
English Oxford Living Dictionaries. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexico.com/en/definition/ability>

ДИСКУРС ЛЮБВИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЭРИКА ШМИТТА «ПОПУГАИ С ПЛОЩАДИ АРЕЦО»)

Е.А. Вдовиченко, Г.И. Лушникова

Ключевые слова: дискурс, текст, художественная литература, любовный дискурс, Эрих Шмитт.

Keywords: discourse, text, fiction text, discourse of love, E.-E. Schmitt.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-10

Существует достаточно много работ, посвященных изучению различных видов дискурса (политического, медицинского, педагогического, экологического, художественного, интернет-дискурса и других). В каждой работе понятие «дискурс» трактуется по-разному в зависимости от теоретических установок того или иного автора.

У. Чейф писал, что «дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование,

сведя дискурс к одному или двум измерениям» [цит. по Асратян, 2015, с. 31]. Дискурс определяют как вид речевой коммуникации (Ю. Хабермас, Г. Почепцов) и как текст (В. Борботько, В. Карасик, А. Кибрик).

По мнению Т.Ф. ван Дейка, дискурс – это существенная составляющая социокультурного взаимодействия, характерные черты которого – интересы, цели и стили [Дейк, 1989, с. 53].

М. Фуко считал, что дискурс – сложный и относительно устойчивый способ структурирования, который обладает значимостью для определенного коллектива; то есть тексты, которые содержат разделяемые убеждения, вызываемые или усиливаемые ими, иными словами, тексты, которые предполагают позицию в дискурсном поле. Корпус текстов при этом рассматривается не сам по себе, а как одна из частей признанного социального института, который определяет для данной социальной, экономической, географической или лингвистической сферы условия действия актов высказывания [Серио, 2001, с. 551]. То есть под дискурсом понимается любой текст с учетом его коммуникативных и экстралингвистических характеристик [Асратян, 2015, с. 31]. Данную идею подтверждает и Е.В. Гаврилова, подчеркивая, что «художественный текст удовлетворяет всем признакам: он отражает менталитет и культуру общества, в рамках которого создавалось литературное произведение, и обусловлен ситуацией и контекстом своего функционирования; он интерактивен и внешне (взаимодействие автора и читателя), и внутренне (взаимодействие персонажей); он преследует определенную цель (эстетического воздействия, убеждения, развлечения)» [Гаврилова, 2007, с. 113].

Следовательно, правомерно говорить, что художественный дискурс как разновидность бытийного общения представляет собой развернутый, предельно насыщенный смыслами полилог автора, читателя и текста, выявляющий взаимодействие авторских интенций, сложного комплекса возможных реакций читателя и текста [Олизько, 2011, с. 165-166]. Художественный дискурс неоднороден, он состоит из поддискурсов, которые создают этот причудливый многоцветный ковер всего произведения [Асратян, 2015, с. 32].

В данной работе представлен анализ дискурса любви в романе Эрика Шмитта «Попугай с площади Ареццо». Под дискурсом любви вслед за О.А. Велого мы понимаем «художественное произведение целиком либо совокупность художественных произведений, в которых любовный дискурс персонажей и / или автора значим для понимания идейного содержания. Дискурс любви – речь

влюбленного от лица персонажа, рассказчика или автора, понимаемая в аспекте диалога с другими в связи с экстралингвистическим контекстом» [Велуго, 2016, с. 10].

Следовательно, в ходе изучения дискурса любви в романе Эрика Шмитта мы должны учесть, что события происходят в XXI веке в Бельгии, в коммуне Усть. Эрик Шмитт является современным французским философом, писателем и кинорежиссером, а также одним из самых успешных европейских драматургов. В своем новом романе «Попугаи с площади Ареццо» он задает вопрос самому себе и, соответственно, читателям: что есть любовь? – но не дает однозначного ответа. Это вопрос о сущности любви в браке, о природе взаимоотношений между мужчиной и женщиной, о моральных ценностях, верности и ревности, о межличностных и внутренних конфликтах. Эти проблемы рассмотрены в плюралистическом ключе.

В данном произведении показаны любовные отношения 37 героев, живущих по соседству на площади Ареццо. Они связаны между собой любовными, семейными, дружескими отношениями. Описание их отношений, речевые акты, выражающие чувство любви, и авторская интерпретация представляют собой дискурс любви.

Поражает не только количество персонажей в одном романе, но и их разнообразие, они отличаются по социальному статусу, возрасту, темпераменту, психологическим характеристикам. Такое разнообразие дает возможность выделить разноаспектные черты современного дискурса любви на материале данного произведения Эрика Шмитта. Многообразие является главной особенностью этого романа, что также является неотъемлемой чертой постмодернистского направления. В романе противопоставляется дискурс романтической любви любовному дискурсу постмодернизма.

Все представленные пары в произведении можно поделить на две большие группы: те, которые состоят в браке, и те, которые не состоят. Рассмотрим каждую из групп.

В первую группу входят семьи, которые отличаются между собой возрастом и социальным статусом. Первая пара, с описания которой начинается роман, это образованная состоятельная семья без общих детей. Захарий Бидерман свой брак характеризует как жизнеспособный союз, в котором партнеры не мешают друг другу жить: *«C'est mon troisième mariage. Aussi le troisième de Rose. Autant dire que ni elle ni moi n'avions l'intention de nous fourvoyer <...> On n'apprend que ses erreurs. Cette fois, il s'agit d'une saine et bonne alliance»* (Schmitt, 2013,

с. 13)¹. ‘Это мой третий брак. И третий брак Розы. Понятно, что ни она, ни я не хотим морочить друг другу голову. <...> Он хлопнул себя по ляжке. <...> Учимся мы только на своих ошибках. На сей раз заключен жизнеспособный союз’ (Кончаловская, URL). Бидерман является хозяином дома, у него вся жизнь проходит согласно расписанию: «*Si personne, même Rose, ne pénétrait dans le bureau de Zachary Bidermannsana l’appeler au préalable, lui débarquait partout sitôt qu’il le souhaitait. Rose s’en accomodait, estimant que la disponibilité appartenait à son rôle d’épouse aimante, alertée que, de toute façon, le “n’importe quelle heure” tombait toujours à onze heures*» (Schmitt, 2013, с. 16-17). ‘Если никому, и даже Розе, не позволялось входить в кабинет Захария Бидермана без вызова, сам он имел право, не спрашивая открывать любую дверь своего дома. Роза смирилась, полагая, что доступность является неотъемлемым признаком ампула любящей супруги, и ее приятно возбуждало, что «неурочный час» всегда приходился на одно и то же время – одиннадцать часов утра’ (Кончаловская, URL). Разговоры между Бидерманом и его женой, Розой, были всегда на общеполитические темы и никогда не касались бывшей и настоящей личной совместной жизни: «*Jamais ils ne nourrissaient leurs échanges de sujets particuliers, ils s’en tenaient aux sujets généraux: des enfants de Rose avec ses maris précédents, ils ne parlaient pas; des enfants de Zachary avec ses épouses antérieures, ils ne parlaient pas non plus, préférant deviser comme deux étudiants de sciences politiques, délestés des tourments familiaux, des avanies domestiques. La santé de ce jeune couple de sexagénaires tenait à l’amnésie sur leurs mariages et sur leurs conséquences*» (Schmitt, 2013, с. 17). ‘Они никогда не заговаривали о личном, ни о детях Розы и ее предыдущих мужьях, ни о детях Захария и его бывших женах, предпочитая по-студенчески беседовать на общеполитические темы, свободные от семейных забот и домашних дрязг. Счастье этой четы шестидесятилетних молодоженов поколось на забвении прошлых браков и их последствий’ (Кончаловская, URL).

Согласно сказанному выше, данную супружескую пару можно охарактеризовать следующим образом:

- спокойная уравновешенная жизнь согласно расписанию;
- мужчина – хозяин дома;
- общение, не касающееся предыдущей личной жизни супругов.

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

Вторая пара – Франсуа-Максим и Северина – молодая состоятельная семья с тремя детьми. Окружающим людям кажется, что это жизнерадостная, счастливая семья, в которой мать следит за домом, ухаживает за детьми и мужем, отец отвозит их в школу, вечером все собираются за столом, и перед сном с каждым ребенком отец обсуждает, как прошел день. Но, с другой стороны, Северина очень несчастна, ее никто не понимает, и она не испытывает никаких чувств по отношению к своему мужу и детям: *«Parce qu'elle ne ressentait rien. Ou pas grand-chose. Elle s'estimait incapable d'un geste décisif envers quiconque et demeurait stupéfaite que personne n'en eût pris conscience. Si François-Maxime était devenu son mari, c'était parce qu'il l'avait proposé: elle n'avait fait qu'y consentir <...> Son rôle de mère, elle se contentait de l'assumer, elle accomplissait son devoir et délivrait avec minutie les signes de l'amour. Il ne s'agissait pas seulement de passivité, mais de vide intérieur»* (Schmitt, 2013, с. 197-198). *‘Потому что она ничего не чувствовала. Или почти ничего. Неспособная на решительное действие в отношении кого бы то ни было, она удивилась, что другим это непонятно. Если Франсуа-Максим стал ее мужем, то лишь потому, что он это предложил, и она согласилась... Что касается роли матери, она лишь примирилась со своим долгом и тщательно исполняла ритуалы материнской любви. И дело было не в пассивности, а во внутренней пустоте’* (Кончаловская, URL). Даже ее муж, Франсуа-Максим, не замечает ее безразличия к жизни. Например, когда он сделал ей подарок – дорогую сумку, он был так счастлив от своего поступка, что не увидел безразличия жены: *«après avoir offert son orésent, François-Maxime s'était montré d'une humeur plus allègre et plus enjouée que d'ordinaire. Bien qu'elle ne fût pas heureuse, elle les rendait heureux»* (Schmitt, 2013, с. 198). *‘Вручив свой подарок, Франсуа-Максим развеселился и был игривее обычного. Хоть она и не была счастлива, она делала их счастливыми’* (Кончаловская, URL). Также следует отметить, что Франсуа-Максим любит свою жену, пытается ее радовать, делает ей разные сюрпризы.

В представленном дискурсе любви данная супружеская пара имеет такие характерные черты:

- молодая пара с детьми;
- кажущееся взаимопонимание супругов;
- жизнь по шаблону счастливой семьи.

Следующая пара, которую мы рассмотрим, это семейная пара средних лет, в которой один из супругов является известной творческой личностью, писателем. Батист верен своей жене, Жозефине: *«Maintenant, devenu un parfait époux, il ne touchait pas d'autre*

femme que Joséphine» (Schmitt, 2013, с. 33). ‘Теперь он стал безупречным супругом и не прикасался ни к одной женщине, кроме Жозефины’ (Кончаловская, URL). С первого дня их встречи он сильно увлекся своей женой, которая являлась полной его противоположностью: *«Dès le premier jour, il s’était entice de cette personnalité forte, fougueuse, au caractère abrupt. En une seconde, Joséphine diagnostiquait un problème ou un comportement quand Batiste devait délibérer afin d’arriver à un résultat identique. Elle avançait par intuition, lui par réflexion. Alors qu’il multipliait les raisonnements et les références avant de produire un jugement critique, il la voyait atteindre au but en un éclair, come ilome par la grâce. Tandis qu’il représentait l’intellectuel tête de classe, bête à concours, bardé de diplômes, Joséphine, laquelle avait évité de passer le bac, lui semblait plus intelligente que lui»* (Schmitt, 2013, с. 189). ‘С первого дня их знакомства он увлекся этой сильной личностью с порывистым, резким характером. Жозефина в одну секунду диагностировала ситуацию или чье-то поведение, когда Батисту требовалось размышление, чтобы прийти к сходному выводу. Она действовала интуитивно, он – рассудочно. Если он множил размышления и объяснения, прежде чем сделать вывод, он видел, что она достигает цели молниеносно, будто озарением. Если он был зубрилой, отличником, дипломированным интеллектуалом, то Жозефина, не удосужившаяся сдать и школьных выпускных экзаменов, казалась ему умнее его’ (Кончаловская, URL). Как отмечает сам Батист, его жена была необыкновенной женщиной, она в любой момент могла сделать то, что от нее совсем не ожидали окружающие ее люди: *«Si elle s’avérait unique, elle ne le devait à aucune stratégie, aucune culture; consciente de sa difference, elle était elle, rien qu’elle, intense, incapable de faire autrement <...> Avec Joséphine, Baptiste ne s’ennuyait jamais car il ignorait toujours comment elle allait se comporter, son ascendant tenant à son imprévisibilité»* (Schmitt, 2013, с. 189-190). ‘Своей уникальностью она не была обязана никакой методике, никакому образованию; сознавая свою особость, она была самой собой, только собой, яркая, неспособная поступать иначе <...> С Жозефиной Батисту не бывало скучно, поскольку он никогда не знал, как она поступит; ее привлекательность обуславливалась непредсказуемостью’ (Кончаловская, URL). Жозефина для него не просто женщина, а все типы женщин объединенные в одну: *«Tu n’es pas une femme, plutôt un catalogue de femmes»* (Schmitt, 2013, с. 190). ‘Ты не женщина, а каталог женщин’ (Кончаловская, URL). Что касается Жозефины, то она тоже очень сильно любит своего мужа, о чем ярко свидетельствует следующее высказывание: *«ilom l’homme de ma vie*

parce que je veux vieillir avec toi <...> ilom l'homme de ma vie parce que tu les dépasses et les templates tous» (Schmitt, 2013, с. 185). ‘Ты мужчина моей жизни, потому что я хочу стареть с тобой <...> Ты мужчина моей жизни, потому что ты превосходишь и заменяешь всех остальных’ (Кончаловская, URL).

Согласно дискурсу любви Батиста и Жозефины выделяются следующие особенности семейной пары средних лет, не имеющей детей, когда один из супругов является известным человеком:

- противопоставление характеров супругов;
- увлечение супругов друг другом;
- взаимопонимание супругов.

Выше были рассмотрены три обеспеченных семьи, в которых складываются разные любовные отношения. Теперь изучим дискурс любви менее обеспеченной семейной пары, не имеющей детей, которая является единственной в данном романе. Орион и Ксавьера – обычные владельцы маленького цветочного магазина. Орион имеет заболевание Альцгеймера, поэтому за магазином и за ним следит его жена, Ксавьера. Она не любит готовить, следовательно, муж плохо питается. В целом, все домашние дела выполняет Орион, как домашний раб, взамен на затраченные силы и заботу своей жены: *«elle détestait cuisine et Orion mangeait aussi peu qu'un alcoolique <...> dont elle avait la charge, une sorte d'esclave familial qui devait travailler beaucoup pour justifier les efforts qu'il lui coûtait»* (Schmitt, 2013, с. 137). ‘Она ненавидела кухарить, и Орион жил на голодном пайке <...> о котором ей приходилось заботиться, и домашним рабом, который должен был много трудиться, чтобы оправдать затраченные на него усилия’ (Кончаловская, URL). Ксавьера никогда не слушает своего мужа Ориона. Она считает, что он не может сказать что-либо стоящего внимания. Его разговоры для нее как фон на заднем плане во время дел по дому: *«Elle n'écoutait jamais ce qu'il disait; convaincue que la plupart du temps ce babil ne véhiculait aucune idée intéressante, elle y accordait moins d'attention qu'à un jappement»* (Schmitt, 2013, с. 138). ‘Она никогда не обращала внимания на его болтовню, полагая, что в ней не может содержаться ничего достойного внимания, и прислушивалась к ней не больше, чем к птичьему щебету’ (Кончаловская, URL). Следует отметить, что они являются противоположностями друг другу: чтобы Ксавьера ни делала, Орион делает все по-другому: *«<...> plus elle se montrait méfiante, plus il se montrait intrépide; plus elle critiquait les gens, plus il les louait»* (Schmitt, 2013, с. 307). ‘<...> чем осмотрительнее она становилась, тем он был бесстрашнее, чем больше она критиковала людей, тем больше он их расхваливал’

(Кончаловская, URL). Ксавьера очень устала от такой совместной жизни, ей ничего в ней не нравится, но, несмотря на это, она пытается сохранить союз: «*Elle n'aimait donc plus rien de son couple, ni elle ni lui, et cependant elle s'efforçait de le maintenir en survie*» (Schmitt, 2013, с. 307-308). «*И ей теперь уже ничего не нравилось в их совместной жизни: ни она сама, ни муж, но все же она пыталась ее сохранить*» (Кончаловская, URL).

В представленном описании пары мы видим, что в менее обеспеченной семье без общих детей, в которой один из супругов имеет сильное заболевание, прослеживаются следующие черты:

- женщина – руководитель всех финансовых дел;
- мужчина, прислуживающий по дому;
- супруга, уставшая от жизни;
- супруги меняются общепринятыми ролями: жена делает все за мужа, а муж – за жену.

При изучении четырех семейных пар мы нигде не упомянули такую тему, как измена. Теперь подробно остановимся на этом. В каждой из представленных семей есть хоть один из супругов, который *изменяет партнеру и считает это нормой*, что является второй особенностью проявления современного дискурса любви в романе Эрика Шмитта и противопоставляется романтическому дискурсу любви.

Например, в пожилой семейной паре политиков муж, хозяин дома, изменяет своей жене Розе, обращаясь к услугам девушек по вызову, и при этом еще восхваляет их: «*Vive les épouses et vive les putes! Ce sont les seules femmes qui se contrôlent*» (Schmitt, 2013, с. 21). «*Да здравствуют жены и шлюхи! Только эти женщины держат себя в руках*» (Кончаловская, URL). Во время измены он ощущает власть над девушкой, управляет ею, держит под контролем.

Во второй семейной паре, которая кажется всем счастливой, к измене прибегают оба супруга, жена Северина и ее муж Франсуа-Максим. Следует отметить, что в предыдущей паре Захарий Бидерман изменял с многочисленными представительницами противоположного пола, в то время как Северина изменяет с постоянной партнершей, а Франсуа-Максим с разными неизвестными для него партнерами. Франсуа-Максим отзывается об измене как о каком-то экстремальном, рискованном деле, которое поднимает ему настроение на весь день: «*il adorait la tension qu'adjoignait le danger: non seulement il se livrait à des amours interdites, mais il s'y adonnait en plein air, ce qui ajoutait le ilomet de la transgression <...> François-Maxime jubila: il allait passer une bonne journée*» (Schmitt, 2013, с. 69-70). «*Он обожал напряжение от*

опасности: он не только предавался запретной любви, но делал это с риском быть застигнутым <...> Франсуа-Максим блаженствовал: день выдался удачный' (Кончаловская, URL).

Северина, его жена, изменяет с Ксавьерой, которая тоже изменяет своему больному мужу, Ориону. Они обе прибегают к измене, потому что хотят дарить и принимать любовь: «<...> *ils avaient besoin d'amour – de l'offrir et de le recevoir*» (Schmitt, 2013, с. 305). «<...> *им хотелось не заниматься любовью, им хотелось самой любви – дарить ее и получать в ответ*' (Кончаловская, URL), так как им не хватает нежности и ласки со стороны своих мужей. Северина рада таким отношениям, потому что Ксавьера для нее – идеальная партнерша: «*elle avait la conviction d'avoir reconstruit sa partenaire*» (Schmitt, 2013, с. 307). Ксавьера тоже ощущает себя счастливой рядом с Севериной, она меняется рядом с ней, становится смешливой, ласковой, внимательной: «*Lovée contre son amante, elle fuyait une partie d'elle-même pour en rejoindre une nouvelle. Exquise, attentionnée, rieuse, serviable, elle avait déserté son personnage de ronchon*» (Schmitt, 2013, с. 307). «*Прижавшись к своей возлюбленной, она как бы освобождалась от части самой себя и становилась другим человеком. С Севериной она была очаровательной, смешливой, ласковой и внимательной, сбросив шкурку вечно недовольной брюзги*' (Кончаловская, URL).

В следующей семейной паре измена совершается по обоюдному согласию супругов – Жозефины и Батиста; ее даже нельзя назвать изменой, потому что в их паре появляется третий человек, Изабель, которая в дальнейшем становится членом их семьи. В предыдущих парах была однополая и разнополая измена, тут представлен тройной любовный союз. Жозефина, жена Батиста, подвигла его к этому союзу. Сначала Батист переживал, как это все будет выглядеть, а после знакомства с Изабель успокоился и принял идею жены. В то время как Жозефина, наоборот, с каждым днем стала все больше волноваться и раздражаться, так как начала осознавать, что Батист и Изабель отдаляются от нее, и она может потерять их обоих: «*Au fur et à mesure qu'ils se familiarisaient, Joséphine s'inquiétait. Celle qui avait voulu ce trio peinait à l'accepter, percevant d'abord ce que cette expérience lui retirait, l'exclusivité de Baptiste, l'exclusivité d'Isabelle. A tout mettre en commun, elle craignait de tout perdre*» (Schmitt, 2013, с. 349). «*Когда они стали сходить ближе, Жозефина заволновалась. Именно она так хотела этого тройственного союза, но теперь ей было трудно с ним смириться; она осознала, что теряет в результате этого опыта: теперь ни Батист, ни Изабель не принадлежали ей полностью. И она*

боялась, что теперь, когда каждый из них принадлежал сразу всем, она потеряет все, что у нее было’ (Кончаловская, URL).

В романе Эрика Шмитта к измене прибегают все супружеские пары, так как в измене они находят то, чего им не хватает в спокойной семейной жизни: экстрима, заботы, внимания, иногда и власти.

В произведении Эрика Шмитта есть еще одна молодая семейная пара, которая не имеет детей, Диана и Жан-Ноэль. Данная пара характеризуется следующими отличительными признаками:

- супруги ведут развратный образ жизни;
- для них слова «измена» не существует, супруг спокойно относится к тому, что супругу ласкают другие мужчины.

Анализ описаний первой группы пар в произведении Эрика Шмитта «Попугай с площади Арещо» показал, что автор выстраивает дискурс любви следующим образом: он показывает семейные пары, которые отличаются возрастом, социальным статусом, наличием или отсутствием детей, взаимопониманием или отсутствием взаимопонимания между супругами, обязанностями по дому, отношением к совместной жизни, а также мнением по поводу измены.

Во второй группе представлены пары, отношения которых развиваются до заключения брака. Рассмотрим первую пару – Альбану и Квентина, молодых людей, которые сильно любят друг друга. Альбана считает, что любовь – это такое чувство, о котором все знают: *«Ça veut dire que nous on le sait et que les autres le savent»* (Schmitt, 2013, с. 93). Для Квентина любовь означает быть вместе навсегда: *«Selon moi, “être ensemble” ça veut dire plus. Ça veut dire qu’on est amoureux jusqu’au bout»* (Schmitt, 2013, с. 93). *‘По мне, так «быть вместе» значит гораздо больше. Это значит, что мы любим друг друга до конца’* (Кончаловская, URL). Он из-за любви к Альбане поступает учиться в другой город, чтобы она не ревновала его к другим, но по завершению учебы он твердо намерен вернуться к ней. По его словам, детская любовь вечна, хотя взрослые в это не верят: *«chez cette race, le male et la femelle fondent dès leur jeunesse un couple qui dure jusqu’à la fin de leur vie <...> Chez les humains, on minimize l’amour des enfants et des adilescents. A chaque fois, les adultes affichent un petit air malin, supérieur, ils entendent sans écouter et regardent sans voir. “Ça ne dure pas”»* (Schmitt, 2013, с. 691-692). *‘У попугаев этой породы пары складываются в юности, и они остаются вместе до конца жизни <...> Люди недооценивают детскую и подростковую любовь. Взрослые, говоря о ней, делают снисходительный вид, точно они слышат, не слушая, и глядят, не видя’* (Кончаловская, URL). Он приводит в сравнение жизнь попугаев неразлучников. Квентин их

сравнивает их отношения со своим отношением к Альбане. В данном случае дискурс любви представлен с помощью речевых актов героев произведения.

Следующая пара – это люди среднего возраста, им около 35-40 лет. Оба партнера имеют детей от предыдущих отношений. Ипполит – обычный садовник с очень привлекательным внешним видом. Патрисия – полная, неухоженная женщина, являющаяся противоположностью Ипполита. Но благодаря смелости Ипполита, который решился признаться в своей любви к ней, Патрисия занялась собой, стала обращать внимание на свою внешность: *«elle occupait les heures restantes à maigrir. Comme elle savait qu'elle ne résisterait pas longtemps aux avances d'Hippolyte, sa métamorphose physique virait à l'obsession: elle devait effacer a vache obese aperçue dans la glace. Alors qu'un homme superbe la désirait, elle détestait sn corps; si on lui avait ouvert les portes d'une sale de chirurgie, elle s'y serait précipitée pour qu'on pompe sa graisse, qu'on lui rabote les os du bassin, qu'on réduise son estomac à un oeuf de caille, qu'on lui enlève plusieurs mètre d'intestin sous un ventre retendu par le ilomete. Faute de cette solution radical, elle se maltraitait. Au lieu d'entamer un régime, elle s'affamait, se contentant de deux pommes vertes et de trois litres d'eau minérale par jour. Plutôt que de reprendre lentement une activité sportive, elle s'infligeait de marcher des ilometers et avait ressorti de sous son sommier les gadgets sportifs commandés par telephone, envahissant sans vergofne l'appartement avec ses appareils d'abdos-fessiers, ses poids, ses kits de musculation et divers engins de torture»* (Schmitt, 2013, с. 162-163). *‘А оставшееся время она тратила на борьбу с лишним весом. Зная, что не сможет долго противостоять обаянию Ипполита, она маниакально боролась за свое физическое преобразование: нет, она больше не потерпит в своем зеркале тучную корову. С той минуты, как ее полюбил этот красавец, она возненавидела свое тело; она мечтала о ножсе хирурга, который откачает ее жир, обстругает тазовые кости, убавит желудок до размеров перепелиного яйца, удалит лишние метры кишечника и заправит оставшиеся в аккуратно ушитый животик. Но, понимая иллюзорность этих мыслей, она стала измываться над собой. Вместо того, чтобы наладить режим питания и подобрать подходящий комплекс упражнений, она голодала, довольствуясь двумя зелеными яблоками и тремя литрами минеральной воды, изнуряла себя многокилометровой ходьбой и тратила кучу денег на спортивные гаджеты, которые заказывала по телефону и которые теперь бесстыдно наводняли ее квартиру: тут были и тренажеры*

для ягодичных и брюшных мышц, и гантели, и прочие орудия пыток' (Кончаловская, URL).

Дискурс любви данной пары представлен в романе с помощью описания поведения, поступков героев, на которые они были готовы ради любви.

Выше были рассмотрены две пары разнополюх партнеров. В романе Эрика Шмитта также присутствует пара однополюх партнеров – Том и Натан. Эти двое мужчин любят друг друга. Их отношения складываются не так, как у обычных пар. Том одобряет дерзости со стороны Натана: *«Tom sourit. Il n'aurait autorisé personne à lui déverser tant d'insolences; à Nathan, non seulement il pardonnait ses vacheries permanents, mais il les exigeait, comme prévue de sa tendresse»* (Schmitt, 2013, с. 143). *'Том улыбнулся. Он никому не позволил бы так ему дерзить, а Натану не только прощал постоянные дерзости, но даже нуждался в них как в доказательстве нежной привязанности'* (Кончаловская, URL). Том отличается от Натана, и эти его отличия то раздражают, то привлекают: *«Ce qui, en Nathan, agaçait Tom l'attirait tout autant. Il adorait et condamnait ses intonations flûtées, son vocabulaire coloré aisément ordurier»* (Schmitt, 2013, с. 143-144). *'Черты Натана и раздражали Тома, и одновременно привлекали. Он любил и ненавидел нежные переливы его голоса, его цветистые выражения, подчас непристойные, его рабское следование моде, постоянные изменения прически, пристрастие к модным заведениям и гей-клубам'* (Кончаловская, URL). Эрик Шмитт описывает следующим образом их дискурс любви: *«La monquerie constituait leur madrigal. Parce qu'ils craignaient l'expression traditionnelle de l'amour – sans doute parce qu'ils craignaient l'amour traditionnel –, mimeer le mépris, la raillerie ou la haine les épanouissait, toute roserie représentant un cadeau. Plus ils se moquaient, plus ils s'avouaient leur affection. Leur sincérité avait besoin de s'habiller de dérision pour rester authentique»* (Schmitt, 2013, с. 314). *'Подтрунивать друг над другом был их способ объясняться в любви. Они побаивались привычных традиционных признаний, возможно, потому, что побаивались самой традиционной любви, а вот разыгрывать презрение, пренебрежение, даже ненависть – это их освежало, то, что для других гадости, для них было словно подарок. И чем злей они высмеивали друг друга, тем сильнее ощущали, как они близки. Их чувства, чтобы сохранить искренность, должны были облечься в злословие'* (Кончаловская, URL).

Социальное, возрастное, гендерное разнообразие пар является особенностью дискурса любви в романе Эрика Шмитта. Автор показывает, что партнеры готовы совершить неожиданные поступки, чтобы доказать свою любовь. Данный признак является признаком романтического дискурса любви.

Итак, согласно анализу представленных пар в произведении Эрика Шмитта «Попугаи с площади Ареццо», мы выделили основные принципы построения дискурса любви в данном романе:

- многочисленность семейных пар;
- разнообразие семейных пар (отличаются возрастным и социальным статусом, наличием детей, обязанностями по дому, взаимопониманием между супругами и отношением к совместной жизни);
- разнообразие причин и форм измены среди семейных пар (отношение к измене и тип партнера по измене);
- разнообразие любовных отношений до заключения брака (пары отличаются возрастом, разнообразием проявления чувств).

Также следует отметить, что дискурс любви каждой семейной пары противопоставляется дискурсу романтической любви. Каждая пара имеет изъяны в отношениях, от отсутствия взаимопонимания до измены. В семьях имеют место не только межличностные конфликты, но и личностные, которые решаются при помощи измен. Семейные отношения только кажутся благополучными для окружающих. Что касается пар, отношения которых складываются до брака, то данный любовный дискурс содержит признак дискурса романтического: партнеры страдают, идут на жертвы ради любви. Таким образом, роман Эрика Шмитта демонстрирует современный дискурс любви с элементами романтического.

Литература

Асратян З.Д. Дискурс художественного произведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 45.

Боротько В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.

Велюго О.А. Дискурс любви или любовный дискурс? Комментарий к терминологическому аппарату // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2016. № 1.

Гаврилова Е.В. Разговорный дискурс в художественном тексте и проблема его перевода (на материале современной французской литературы) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2007. № 1.

- Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. М., 2003.
- Олизько Н.С. Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33.
- Почепцов Г. Теория коммуникации. М., 2001.
- Серио П. Анализ дискурса во Французской школе (дискурс и интердискурс) // Семиотика: антология. М., 2001.
- Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1993. № 4.

Список источников

- Кончаловская Н. Попугай с площади Ареццо [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=232160&p=1>
- Schmitt E.-E. Les perroquets de la place d'Arezzo. Paris, 2013.

References

- Asratian Z.D. *Diskurs hudojstvennogo proizvedenia* [Discourse of Fiction]. *Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki* [Philological Science. Theory and Practice Issues]. 2015. No. 4.
- Borot'ko V.I. *Yazikovoi krug: lichnost', konsepti, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moskva, 2004.
- Velugo O.A. *Diskurs lubvi ili ljubovnyy diskurs? Kommentariy k termenologicheskomu apparatu* [The Discourse of Love or a Love Discourse? Comment to the Terminological Apparatus]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvenogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Belarus State Economical University]. 2016. No. 1.
- Gavrilova E.V. *Razgovornyy diskurs v hudojstvenom texte i problema ego perevoda (na materiale sovremennoy francuzkoy literaturi)*. [Colloquial Discourse in a Literary Text and the Problem of Its Translation (by the material of modern French literature)]. *Vestnik Nijnegorodskogo gosudarstvenogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolubova* [Bulletin of Nizhny Novgorod State Linguistic University]. 2007. No. 1.
- Deyk T.A. van *Yazik. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Knowledge. Communication]. Moskva, 1989.
- Kibrik A.A. *Analiz diskursa v kognitivnoy perspektive* [Discourse Analysis in Cognitive Perspective]. Moskva, 2003.
- Oliz'ko N.S. *Hudojstvennyy diskurs kak polilog avtora, chitatelay i teksta* [Artistic Discourse as a Polylogue of the Author, Reader and Text]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvenogo universiteta* [Bulletin of Cheljabinsk State University]. 2001. No. 33.
- Pochepcov G. *Teoria kommunikacii* [Communication Theory]. Moskva, 2001.
- Serio P. *Analiz diskursa vo Phrancuzskoy shkole (diskurs I interdiskurs)* [Analysis of Discourse in the French School (discourse and interdiscourse)]. *Semiotika: antologia* [Semiotics: an anthology]. Moskva, 2001.
- Habermas U. *Teoria kommunikativnogo deystvia* [Theory of Communicative Action]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Iss.7: Philosophy. 1993. No. 4.

List of sources

Kolchalovskaya N. *Popugai s ploshadi Areco* [Parrots from the Square of Arezzo]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=232160&p=1>
Schmitt E.-E. *Les perroquets de la place d'Arezzo*. Paris, 2013.

АНАЛОГИИ В СЮЖЕТНЫХ МОТИВАХ ЯКУТСКОГО ОЛОНХО И ХАКАССКОГО АЛЫПТЫХ НЫМАХ ¹

А.Ф. Корякина

Ключевые слова: эпос, олонхо, алыптых нымах, сравнительный анализ, сюжетные мотивы, девушки-богатырки.
Keywords: epic, olonkho, alyptykh nymah, comparative analysis, plot motifs, girl-heroes.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-11

Сравнительное изучение эпических традиций тюрко-монгольских народов с давних времен привлекало внимание фольклористов, фундаментальные исследования которых доказывают присутствие взаимосвязей в жанре, тематике, сюжетно-композиционной и образной системе, стиле изложения, в поэтическом языке эпосов генетически родственных народов.

В статье ведется сравнительно-типологическое исследование древних сюжетных мотивов якутского олонхо и хакасского алыптых нымах. Актуальность сравнительно-типологического сравнения была указана Б.Н. Путиловым: «<...> историческое изучение фольклора <...> невозможно без самого широкого и систематического сравнительного анализа, <...> без выявления и изучения фактов повторяемости, в конечном счете – без установления общих закономерностей и общих особенностей» [Путилов, 1976, с. 3]. Принимая утверждение крупного ученого за основу своего исследования, мы ставим цель – выявление сходств и особенностей мотивов якутского олонхо и хакасского алыптых нымах.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке НИП СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения» (2018-2021).

Сравнительное изучение эпических традиций разных народов, как обязательная и важная часть историко-фольклорного анализа в современной фольклористике, может привести к выявлению родственных истоков эпических традиций и в дальнейших исследованиях – к раскрытию приобретенных в территориально самостоятельном развитии особенностей эпического творчества каждого отдельно взятого народа. В этом мы видим актуальность нашего исследования.

В анализе использованы сравнительно-сопоставительный и структуральный методы. Сравнительным материалом взяты тексты героических эпосов «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» (Ядрихинский-Бэдьээлэ, 2011)¹, записанного П.Н. Дмитриевым в 1970 году со слов сказителя П.П. Ядрихинского, и «Ай-Хуучин» (Хакасский героический эпос..., 1997) по записи В.Е. Майногашевой со слов П.В. Курбижекова в 1964 году. Основной единицей исследования выбран мотив как сюжетобразующий элемент. Для нас важно было определение Б.Н. Путилова: «Современное исследование фольклорных сюжетов (в особенности эпических) основывается, как правило, на признании того, что путь к пониманию сюжета, произведения в целом лежит через самое детальное рассмотрение составляющих его мотивов» [Путилов, 1997]. В эпосах сопоставлены древнейшие мотивы из составленного Е.Н. Кузьминой указателя типических мест эпосов тюрко-монгольских народов Сибири [Кузьмина, 2005].

Теоретической основой исследования послужили фундаментальные труды В.Я. Проппа о природе фольклорной общности [Пропп, 1946], В.М. Жирмунского по сравнительно-историческому изучению народного героического эпоса [Жирмунский, 1974], Е.М. Мелетинского о древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири [Мелетинский, 1963], Б.Н. Путилова по типологии и этнической специфике эпического сказительства [Путилов, 1997] и др., работы хакасских фольклористов В.Е. Майногашевой [Майногашева, 1997, 2015], Н.С. Чистобаевой [Чистобаева, 2015], Ю.И. Чаптыковой [Чаптыкова, 2015] по сравнительному изучению хакасского национального эпоса с другими эпосами; якутских ученых И.В. Пухова [Пухов, 2004], А.П. Окладникова [Окладников, 2013], Г.У. Эргиса [Эргис, 1974], Н.В. Емельянова [Емельянов, 1980], В.В. Илларионова [Орто Халыма

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

олонхоло, 2016], А.Н. Даниловой [Данилова, 2016], Н.В. Павловой, [Павлова, 2012] М.Т. Гоголевой [Гоголева, 2015], Ю.П. Борисова [Борисов, 2015], С.Д. Львовой, Л.Н. Герасимовой [Gerasimova, Lvova, 2018], в которых рассматривались вопросы сравнительного изучения якутского эпоса.

Крупный якутский фольклорист И.В. Пухов первым из якутских фольклористов обнаружил сходство героических эпосов якутского и алтае-саянских народов. Он рассматривает типологическое сходство отдельных деталей, эпизодов, сюжетов древних эпосов как результат сходного творческого поиска в сходных жизненных условиях. Воспроизводя сравнение якутского олонхо с хакасскими эпосами, ученый выявил сходство в мотиве героического сватовства богатырей, в их защитительных функциях, в мотиве свадебного пира [Пухов, 1975].

Н.В. Емельянов, осуществивший систематизированный свод изложений сюжетов якутских олонхо, классифицировал олонхо о женщинах-богатырках как ранний тип сюжетосложения [Емельянов, 1980].

А.П. Окладников сходство олонхо с наиболее древними мотивами эпоса степных племен южной Сибири, Средней и Центральной Азии объяснил его сравнительно малой подверженностью изменениям [Окладников, 2013].

Исследования по сравнительному изучению типологического сходства якутского и хакасского эпосов корифеями-исследователями продолжают фольклористы современного эпосоведения.

А.Н. Данилова находит общность в якутском и хакасском эпосах в мотиве оборотничества девок-богатырок [Данилова, 2016]. Н.В. Павлова считает схожими тематику, мотив поэтизированного родства богатырей с лошадьми, мотива культа коня [Павлова, 2012]. М.Т. Гоголева отметила совпадения в ономастике и в наиболее древних общетюркских пластах некоторых лексических единиц [Гоголева, 2015].

Ю.П. Борисов в текстах эпосов «Могучий Эр Соготох» и «Ай-Хуучин» обнаружил совпадения в способах образования ритмико-синтаксических параллелизмов (дословное повторение, подбор вариантных и контекстных синонимов, аналитического противопоставления), в структурном оформлении и семантической нагрузке параллелизмов [Борисов, 2015]. Сопоставив языковые особенности текстов «Кыыс Дэбиллийэ» и «Ай Хуучин», С.Д. Львова и Л.Н. Герасимова выявили сходства и различия в выражении сравнений, образов и объектов сравнений [Gerasimova, Lvova, 2018].

Известный хакасский ученый-фольклорист В.Е. Майногашева нашла общность в таких мотивах алыпных ныхмах и олонхо, как похищение врагом сестры, жены, коня; измена старшей сестры богатыря; способность оборотничества. Она утверждает, что данные мотивы уходят «в общую древнюю традицию тюркоязычных племен, о которой свидетельствует наличие в эпосе тюркоязычных народов Сибири мотива происхождения героя от лошади» [Майногашева, 1997, с. 10].

Хакасские исследователи Н.С. Чистобаева [Чистобаева, 2015], Ю.И. Чаптыкова [Чаптыкова, 2015] в своих работах рассмотрели традиционные эпические мотивы в хакасском национальном героическом эпосе.

Как видно из краткого изложения литературы по сравнительному изучению эпических традиций якутского и хакасского народов, проблема больше изучена якутскими специалистами. Основу изучения олонхо в контексте эпосов тюркоязычных народов Сибири: алтайцев, шорцев, хакасов и бурят заложил И.В. Пухов. Проведенные в дальнейшем исследования касаются только отдельных вопросов по сравнительному изучению древних мотивов. В данной статье впервые предпринимается попытка более целостного изучения аналогий древних мотивов, что является новизной исследования.

По объему, охвату жизненных коллизий, культурно-эстетической значимости олонхо и алыпных ныхмах являются самыми крупными жанрами устного народного творчества. Сказания о защитницах своих сородичей от иноземных завоевателей и чудовищ были широко распространены среди тюрко-монгольских народов. Большинство из них считаются исследователями наиболее ранними эпосами.

В героических сказаниях «Джырыбына Джырылыатта» и «Ай-Хуучин» воспеваются могучие, непобедимые защитницы-воительницы. По объему эти сказания почти равны: олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» П.П. Ядрихинского состоит из 8210 поэтических строк, «Ай-Хуучин» – из 8059 стихотворных строк.

В сюжетах наблюдается разница. Олонхо содержит две сюжетные линии. В первой сюжетной линии Джырыбына Джырылыатта в сражении с представителем племени абаасы – чудовищем спасает родного брата – богатыря Тойон Джёллююта. В данной сюжетной линии Джырыбына Джырылыатта – защитник племени айыы. Вторая сюжетная линия следует за героическим сватовством богатырей трех миров олонхо к Джырыбына Джырылыатта. Здесь ее назначение – *«род саха продолжить, с очагом священным, мир живой плодить»* (Ядрихинский-Бэдьээлэ, 2011, с. 434).

В отличие от якутского эпоса в хакасском эпосе ведется повествование о трех поколениях богатырей-воинов наследственного чурта-владений. Хакасские исследователи считают, что в основу данного эпоса легли ранее самостоятельно бытовавшие и бытующие мифологические и легендарно-эпические сюжеты: о деве-богатырке Алып-Хыс-Хан; о богатыре Хан-Миргене и о деве-богатырке дочери коней-скакунов Ай-Хуучин, у которой брат-близнец становится ей верным конем.

Время первотворения мира. В 40-строчном зачине якутского эпоса описывается время первотворения Среднего мира, формульными словами указывается «эпическое» время, идентичное с пространственно-временным фоном эпических сказаний тюрко-монгольских народов Сибири: *«Далеко за вершинами / Древних лет тревожных, / Давно за хребтами / Стародавних дней бранных <...> Когда три саха еще не появились / Пять саха еще не расселились <...> Красивая – нарядная, / Изначальная мать земля / Назначена-сотворена была, говорят»* (Ядрихинский-Бэдьээлэ, 2011, с. 13).

Зачин «Ай-Хуучин» состоит всего из восьми стихотворных строк, и события относятся к древности — эпохе, «когда находили медь»: *«После того как впервые земля сотворилась, / Было время, когда находили куски красной меди, / А быстрые реки, рукавами разлившись, / По камням попрыгивая, текли»* (Хакасский героический эпос..., 1997, с. 15).

Как в эпосах тюрко-монгольских народов, в зачине сопоставляемых эпосов время первотворения мира описано как мифическая эпоха первотворения, как заря мироздания.

Владения богатырей. В олонхо предстают три мира, из них Средний мир – место обитания человеческого племени. Это прекраснейшая картина мира с изобильными пастбищами для скота и охотничьими угольями, пронизанная мотивами древней мифической космогонии: *«Почвой плодородной покрытая, / Дерном красным позолоченная / С пастбищами из трав зеленых, / С узорами причудливыми / Из цветов прекрасных, / Бесконечно многоцветная, / Животными и людьми / Безмерно много заселенная / Создана-сотворена стоит»* (Ядрихинский-Бэдьээлэ, 2011, с. 15). В этой чудесной земле: *«Скота рогатого / Уйма завелась, / Скакунов быстроногих / Множество родилось, / С богатством несметным, / Живности множеством, / Богатых людей житье, оказалось»* (Ядрихинский-Бэдьээлэ, 2011, с. 55).

Земля богатырей в «Ай-Хуучине» также красива и богата, как в якутском эпосе: *«На берегу [великой реки] Ханым-талай / Люд-народ живет / С передней стороны красивого аала / Ханым-сын, высочайший из хребтов, [стоит.] / В быстрюю [великую реку] Ханым-талай / Он, раздвоившись, уткнулся / Там, где он подступает к великой реке, / Есть девятигранная [скала] Хызыл-хайа, / С другой стороны [хребта] Ханым-сын / Песчаная степь раскинулась, / По широкой песчаной степи / Выпасной скот разбрелся. / Обильно расплодившийся многочисленный скот / В большой степи, похоже, не умещается»* [Хакасский героический эпос..., 1997, с. 63]. Для героев алыптых ныхмах родина – это чурт, что воспроизводится как центр мироздания. Через этот чурт герой связан со всем миром солнечной земли, под которой подразумевается древняя, средневековая и нового времени Хакасия с населявшими ее народами и племенами.

В этом мотиве перекликается представление якутского и хакасского народов об идеальном мире: идеальная жизнь на солнечной земле – это непременно вольготно пасущиеся на земле богатырей несметные стада скота и табунов лошадей. В этом заключается понятие о счастливой жизни народов-скотоводов.

Чудесное рождение героинь. По В.М. Жирмунскому «мотив чудесного зачатия и рождения будущего героя имеет широкое распространение в мифе, сказке и эпосе» [Жирмунский, 1974, с. 223].

В олонхо «Джырыбына Джырылыатта» у восьмидесятилетнего старика Арылы Тойон и старухи Кэрэмэс Хотун родились мальчик Тойон Джеллюют, будущий богатырь, и девочка, о которой роды принимавшая Айыы Нуоралджын сказала: *«Приветливая Иэйиэхсит хотун из девочек отборную-остистую, / В улусе солнечном / Самую сильную / Тебе сотворила-подарила»* (Ядрихинский-Бэдьээлэ, 2011, с. 87). Дети вырастают необыкновенно быстро: *«На третий день / Как трехлетние стали, / На пятый день / Как пятилетние / Довольно окрепли»* (Ядрихинский-Бэдьээлэ, 2011, с. 89).

В хакасском эпосе будущая богатырка Ай-Хуучин появляется на свет в конском табуне от породистых скакунов *аран чула ат*, принадлежащих ханше-правительнице народа этого *чурта* – деве-богатырке по имени Хыс Хан. Вместе с будущей девой-богатыркой рождается и ее будущий конь – брат-близнец (Хакасский героический эпос..., 1997).

Эпосы сближает мотив чудесного рождения героинь-богатырок.

Мотив наречения богатырок. Героиню олонхо нарекли именем *«С желто-белого неба наяву спущенным, Словами говорящим с молочно-белым конем Джырыбына Джырылыатта»* (Ядрихинский-

Бэдьээлэ, 2011, с. 89). Девочку Ай Хуучин нарекает страшноликая Хыс-Хан: *«Конями рожденная Ай-Хуучин, Которая ездит на девятисажженном Треухом Пего-саврасом коне – твоё имя-прозвище»* (Хакасский героический эпос..., 1997).

Имена обеих богатырок отражают их происхождение, назначение. Они – воины-защитники соплеменников, с предназначенными свыше конями.

Главная функция богатырок. Стержневой идеей олонхо «Богатырка Джырыбына Джырылыатта» является защита племен айыы, жителей Среднего мира, от нападений чудовищ, племен Нижнего мира, а в конце олонхо она становится верной женой, видящей свое назначение в продолжении рода айыы. В сказании «Ай-Хуучин» отказываются от семейной жизни и обеспечивают благополучную жизнь соплеменников в чурте.

Внешний облик богатырок. Главным достоинством эпического богатыря является внешняя красота и физическая мощь. Богатыри отличаются не только атлетическим видом, непомерной силой и притким нравом, но и необыкновенной красотой. В описании величавой красоты богатыря не отходит от традиции и П.П. Ядрихинский. Описывая божественную красоту богатырки, олонхосут создает образ сказочно красивой девушки айыы: *«Подобно лучам / Летней зари / С лицом светлым, / Словно девять светил сошлись / С видом лучезарным, / Словно три солнца соединились»* (Ядрихинский-Бэдьээлэ, 2011, с. 153).

В хакасском эпосе отсутствует развернутый портрет богатырки Ай-Хуучин: ее внешняя красота передается прилагательными «могучая», «прекрасная», «достойнейшая».

В описании красоты девушек-богатырок кроется мечта народов об идеальном герое-защитнике.

Мотив выезда богатыря. Типическое место, характеризующее мотив выезда богатыря из дома, является важным в сюжетном строе в архаическом эпосе, оно является завязкой конфликта олонхо. Поводом к выезду богатыря из дома в тюрко-монгольских эпосах становятся осмотр владений, пересчет скота, выезд на охоту, весть о похищении соплеменников богатыря представителями других племен и т.д. [Кузьмина, 2005]. В якутских олонхо часто с такими вестями приезжают посыльный Сорук Боллур, богатырский конь, богатырь в облике птицы и т.д. В первой сюжетной линии олонхо «Джырыбына Джырылыатта» прибывает посыльный Сорук Боллур, который передает богатырю Тойон Джёллююту просьбу родителей красавицы Сыралыма Куо спасти их дочь от плена богатыря абаасы Тимир

Чохчордоона. Во второй линии весточка приходит с конем богатыря Тойон Джеллююта. Прибытие коня без хозяина свидетельствует о случившейся беде, которая постигла Тойон Джеллююта. Джырыбына Джырылыатта немедля собирается в героический поход.

В «Ай-Хуучин» обнаруживаются мотив похищения: только что родившихся в отсутствие Хан Миргена его детей – близнецов похищают демонические женщины и увозят в подземный мир. Хан Мирген едет по их следам и проникает в подземный мир. Здесь злодей превращает Хан Миргена в черную собаку. Ай-Хуучин, спеша на помощь, спускается в подземное царство. Она уничтожает демонических врагов, спасает Хан Миргена и его детей, и с ними возвращается на родину.

В обоих эпосах присутствуют древние мотивы выезда богатыря в поход.

Борьба богатырок с чудовищами. Кульминацией якутского олонхо является сражение богатыря айыы с чудовищем-абаасы. Ход схватки между богатырями айыы и чудовищами описывается с особым пристрастием. Здесь художественно рисуются: место действия (это могут быть средний, нижний миры, склон горы и т.д.); продолжительность сражения, которое может длиться годами; физические увечья, которые богатыри наносят друг другу во время схватки; последствия их схватки для окружающей среды; степень накала борьбы; зов на помощь; прибытие и помощь шаманок, братьев богатырей, поражение и гибель одного из богатырей, окончательная расправа с противником и т.д. В олонхо: *«Землю талую / До бедренного сустава / В прах истоптали, / Землю мерзлую / До чашек коленных / Насквозь продавили»*. Страшными для жителей среднего мира оказались последствия борьбы: *«Звезда-сындыыс (быстрая) загорелась, / Гром страшный загремел. / Землю с поперечными пятнами / Словно воду в сосуде-тордуйа расплескали, / Мир срединный / Как воду в лукошке-атыйах / Берестяном всколыхнули»* (Ядрихинский-Бэдьээлэ, 2011).

В «Ай-Хуучин» наблюдается присутствие подобного описания продолжительности боя: *«Семь дней борясь [противники] / Победить друг друга не могут. / Когда девять дней миновало, / Могучая Ай Хуучин / Ребром ребро придавила / Алып Хусхуну»* (Хакасский героический эпос..., 1997, с. 271). Также передается накал сражения: *«Гористое место растапывая, / Два богатыря бьются, / Холмистые места два богатыря, / Разрушая, топчут. / Будто бы не расходившийся белый туман / Стал клубиться, / Не поднимавшийся*

синий туман / Во все стороны стал расплзаться» [Хакасский героический эпос..., 1997, с. 271].

В мотивах жестоких сражений богатырок с чудовищами наблюдается схожесть.

Сила богатырок. Как богатырь девушка-воительница в якутском олонхо не имеет равных. В борьбе с богатырями абаасы раскрываются ее подлинные богатырские черты – физическая сила, ловкость в движениях, меткость глаз: *«У девушки-богатыря / Джырыбына Джырылыатта / Удары сильнее стали, / Пинки вернее стали / Противника мерзкого / Семислойный толстый, / Тяжелый панцирь железный / Ударами-пинками / Долбить-крошить стала»* (Ядрихинский-Бэдьээлэ, 2011, с. 235).

По физической силе Ай-Хуучин не уступает богатырям-мужчинам: *«Под ясным небом / Не родится богатырь, / Равный Ай-Хуучин»* (Хакасский героический эпос..., 1997, с. 175). *«Могучая достойнейшая из дев, / Побороть себя не давая, с ним схватилась. / Хватающие руки Ай-Хуучин / Крепкому капкану были подобны, / Две руки, ее хватающие / Железным клещам, были подобны»* [Хакасский героический эпос..., 1997, с. 271].

В способах описания физической силы богатырей присутствует очевидное соответствие.

Мотив оборотничества. Богатыри способны создавать чудеса, Джырыбына Джырылыатта – не исключение. Она использует свою способность к оборотничеству, чтобы попасть в Нижний мир: *«Громко вскрикнув / С восемью гранями / В жердь серебряную – ютюмэх / Сразу оборотившись / В дыру узкую / Птицей-бекас заголосив, / Промелькнула исчезла»* (Ядрихинский-Бэдьээлэ, 2011, с. 249).

Ай-Хуучин еще девочкой имеет способность превратиться в сокола, в образе которого она помогает Хан-Миргену в героическом сватовстве к Алып-Хан-Хыс и уничтожает всех, кто входит в демоническое царство.

Мотив оборотничества в эпосах связан с древними мотивами.

Мотив расправы над трупом побежденного врага. Одним из древних мотивов является мотив жестокой расправы богатыря над трупом побежденного врага: *«Девушка-богатырь / Сына абаасы / Ногой в подошвах золотых / На аорту – сис ёся / с силою наступив / Шею вместе с головой / Сердце-глыбу твердую, / С придатком печень черную / Вместе все вырвав / На пику грозную насадив / Высоко над головой подняла»* (Ядрихинский-Бэдьээлэ, 2011, с. 239). *«Могучая Ай-Хуучин / Тело достойного богатыря*

схватив, / Труп Красно-каурого коня схватив, / Вместе-вкупе их схватив, / Шесть-семь раз раскачав, / На плечи свои подняла, / И через скалу бросила, / В реку Ханым-талай / В самую глубь низвергла» (Хакасский героический эпос..., 1997, с. 176).

В данном мотиве оба сказителя придерживаются древних канонов.

Конь-вестник. По традиции эпоса, кони – верные друзья своим хозяевам. Происхождение богатырского коня – разное: кони бывают ниспосланными свыше, дарованными, выкованными кузнецами и т.д. Часто они становятся спасателями. В якутском олонхо Джырыбына Джырылыатта узнает о беде, случившейся с братом Тойон Джёллюютом, по тому, что его конь возвращается без седока, и немедленно собирается в боевой поход для его спасения. И кони Ай-Хуучин и Алтын-Арыг прибегают в *чурт* и оповещают о беде своих богатырок-хозяек. В описании происхождения, внешнего вида, снаряжения, езды, чудес богатырского коня, способствующих созданию образа главного героя, выражается искренняя любовь коневодческих народов к этому животному. По словесному портрету они – необыкновенно красивы, сильны, обладают чудесными способностями. А богатырский бег коня – неисчерпаемый источник для поэтических художественных приемов в олонхо: метафор, эпитетов, сравнений, гипербол. В якутском олонхо и хакасском алыптах-нымахе в описании красоты, силы, ловкости коня представлены такие чувства народа, как любовь, восхищение, благодарность.

Мотив помощи родственников. Связывает якутский эпос с хакасским эпосом отражаемый в них обоим мотив семьи, родственных связей. «В эпосе показаны близкородственные взаимоотношения, забота друг о друге семьи и рода», – пишет о хакасском эпосе Н.С. Чистобаева [Чистобаева, 2015, с. 130]. Так же можно сказать и о якутском олонхо. Богатырка Джырыбына Джырылыатта спасает брата, попавшего в злодейские чары девушки абаасы. Когда Ай-Хуучин терпит поражение в сражении с чудовищами, на помощь к богатырке едут племянники – Алтын-Теек и Алтын-Иргек. В другом сюжете иссякшие силы Ай-Хуучин возрождает Ай-Чарых-Хыс, дочь Хан-Миргена, прилетевшая в образе ласточки.

Описание чудовищ-врагов. Обязательным элементом в развитии действия олонхо является характеристика чудовищ, абаасы, образующая контраст с портретом людей айыы. Враждебный мир Джырыбына Джырылыатта составляют представители Нижнего мира – богатыри абаасы Тимир Чохчордоон, Хахсаат Буурай. Описание

внешности абаасы Тимир Чохчордоон в «Джырыбына Джырылыатта» не отличается от описаний в текстах дошедших до нас древних олонхо: с ногой *«подобно пню гнилому»*, с одной рукой *«как клещи кузничные»*, а лицо *«с губами вывернутыми / Подобно проруби промерзшей / Со злыми глазами красными, / Подобно кочке травяной, / С сопящим носом мясистым, / Подобно горке с трещиной, / С открытым как рытвина ротом, / С щеками со ржавчиной»* (Ядрихинский-Бэдьээлэ, 2011, с. 219). Также страшны, уродливы в эпосе хакасов айна – злые демонические существа подземного мира: *«Жутко страшное существо: / Между глазами три вершка, / С толстым носом / С безобразным корявым лицом»* (Хакасский героический эпос..., 1997, с. 251).

Описания противников богатырей в эпосах разных народов в зависимости исторического времени создания эпического произведения различны. В древних эпических текстах это могут быть однорукие и одноногие чудовища с одним глазом посередине лба, парни-оборотни, железноклювые вороны, комары-великаны, огромные змеи, бешеные волки или же страшные существа с несколькими головами, обладающие огромной силой и живучестью. В рассматриваемых эпосах наблюдается идентичность данного мотива.

Возвращение мирной, счастливой жизни. В развязке обоих эпосов в солнечной стране устанавливается мирная, счастливая жизнь. В олонхо богатыри айыы Джырыбына Джырылыатта и Ала Дуурай *«к алаасу своему по дороге благословенной направились»*. Они стали жить счастливо, *«род уранхайцев продлевая, рождаясь-умножаясь»* (Ядрихинский-Бэдьээлэ, 2011, с. 435). В алыптых-нымахе родственники Ай-Хуучин *«нескончаемую еду они имели, / Держали дом с высоким тюнюком, / Неиссякаемую силу они имели, / Родных и близких признавая, жили»* (Хакасский героический эпос..., 1997, с. 423).

Таким образом, сравнительное изучение сюжетных мотивов якутского и хакасского эпосов на материале олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» и алыптых нымах «Ай-Хуучин» показало присутствие аналогий в сюжетных мотивах времени первотворения мира, владений богатырей, чудесного рождения героинь, наречения богатырок, главной функции богатырок, красоты богатырки, выезда богатыря, описания борьбы богатырок с чудовищами, физической силы богатырок, оборотничества, жестокой расправы над трупом побежденного врага, коня-вестника, помощи родственников, описания чудовищ-врагов, установления мирной жизни. Эти мотивы являются общими, каноническими для архаических

эпосов тюрко-монгольских народов о воинствующих девушках-богатырках. Зародившись когда-то в эпическом творчестве древних предков тюрко-монгольских народов, эти древние сказания передавались и распространялись с соблюдением исконных эпических канонов. Так они получили продолжение у якутских олонхосутов и хакасских хайджи-нымахчи. П.П. Ядрихинский-Бэдьээлэ и П.В. Курбижеков являются продолжателями эпической традиции тюрко-монгольского сказительства.

Анализ показывает, что сходство якутского и хакасского эпосов больше наблюдается в мотивах, эпизодах, а не в целом, объяснение чему мы находим у И.В. Пухова: «Со времени совместной жизни якутов с алтае-саянскими народами миновало много времени, эпическое творчество их прошло большой путь, развиваясь самостоятельно» [Пухов, 2004, с. 160].

При присутствии аналогий наблюдаются и отличия в сюжетных мотивах: к примеру, в хакасском эпосе отсутствуют обязательные для якутского эпоса архаичные мифологические образы духов-покровительниц семьи и детей Иэйиэхсит хотун и Айыысыт хотун, духа-хозяйки Среднего мира Аан Алахчын Хотун, духа огня Хатан Тэмерийэ, священного дерева Аал Кудук Мас. В отличиях мотивов мы видим подтверждение вывода хакасского исследователя В.Е. Майногашевой: «Отдалившись территориально друг от друга, они [тюрко-монгольские народы] прервали и тесные фольклорные связи. В результате эпическая культура каждого народа стала развиваться по-своему» [Майногашева, 1997, с. 20].

Сравнительно-типологическое изучение сходств и отличий эпосов тюрко-монгольских народов требует дальнейших обширных исследований специалистов.

Литература

Борисов Ю.П. Особенности параллелизма в якутском олонхо «Модун Эр Соҕотох» В.О. Каратаева и хакасском эпосе «Ай-Хуучин» П.В. Курбижекова. // Сравнительное изучение тюрко-монгольских эпосов. Якутск, 2015.

Гоголева М.Т. Олонхо и хакасский героический эпос «Ай-Хуучин» // Филологические науки: вопросы теории и практики. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. II. 2015.

Данилова А.Н. Чудесное рождение богатырки как архаический мотив в якутских олонхо о женщинах-богатырках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65). Ч. 3.

Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. М., 1980.

Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.

Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Новосибирск, 2005.

Майногашева В.Е. О хакасском героическом эпосе и алыптых ныхмах «Ай-Хуучин» // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1997. Т. 16.

Майногашева В.Е. Хакасский героический эпос Алыптых ныхмах: поиски исторических реалий и периодизация (избранные труды). Абакан, 2015.

Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М., 1963.

Окладников А.П. Якутский эпос (олонхо) и его связь с югом. Якутск, 2013.

Орто Халыма олонхолоро / В.В. Илларионов, Т.В. Илларионова. Дьокуускай, 2016. (Саха боотурдара: в 21 тт.; Т. 18) (на якут. языке).

Павлова Н.В. Сюжетно-тематическое содержание олонхо и алыптых ныхмах (сравнительный анализ якутского и хакасского героических эпосов) // Якутский героический эпос олонхо: вопросы научного изучения. Якутск, 2012.

Пропп В.Я. Специфика фольклора // Труды юбилейной научной сессии Ленингр. ун-та. Секция филол. наук. Л., 1946.

Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.

Путилов Б.Н. Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. М., 1997.

Пухов И.В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири: общность, сходства, различия // Типология народного эпоса. М., 1975.

Пухов И.В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутское олонхо. Якутск, 2004.

Саввинова Г.Е. Фольклорно-этнографические экспедиции по исследованию эпического наследия Республики Саха (Якутия). Филология и человек. 2018. № 2. DOI: 10.14258/filichel(2018)2-17

Чаптыкова Ю.И. Древнейшие мотивы в героическом эпосе «Белый жеребенок и сивый жеребенок» // Сравнительное изучение тюрко-монгольских эпосов. Якутск, 2015.

Чистобаева Н.С. Традиционные эпические мотивы в героическом эпосе хакасов // Сравнительное изучение тюрко-монгольских эпосов. Якутск, 2015.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974.

Gerasimova L.N., Lvova S.D. Structural and Functional Features of Comparison Methods in the Yakut and Khakass Epics // Journal of History Culture and Art Research. 2018. Vol. 7. No. 3. DOI: 10.7596/taksad.v7i3.1721

Список источников

Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин» // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1997. Т. 16.

Ядрихинский-Бэдьээл П.П. Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта / запись со слов олонхосута П.Н. Дмитриева-Туутук. Якутск, 2011.

References

Borisov Iu.P. *Osobennosti parallelizma v iakutskom olonkho «Modun Er Soḡotokh» V.O. Karataeva i khakasskom epose «Ai- Khuuchin» P.V. Kurbizhekova* [The Specifics of Parallism in V.O. Karataev's Yakut Olonkho «Modun Er Soghotokh» and P.V Kurbizhekova's Khakass epos «Ai-Khuuchin»]. *Sravnitel'noe izučenie tiurko-mongol'skikh eposov* [Comparative Study of Turko-Mongolian Eposes]. Iakutsk, 2015.

Gogoleva M.T. *Olonkho i khakasskii geroticheskii epos «Ai-Khuuchin»*[Olonkho and the Khakass Heroic Epic «Ai-Khuuchin»]. *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki*

[Philological Science: Questions of Theory and Practice]. No. 1 (43): in 2 pt. Pt. II. Tambov, 2015.

Danilova A.N. *Chudesnoe rozhdenie bogatyrki kak arkhaiskii motiv v iakutskikh olonkho o zhenshchinakh-bogatyrkakh* [The Miraculous Birth of Female Warriors as an Archaic Motif in Yakut Olonkho about Women-Warriors]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Science: Questions of Theory and Practice]. Tambov, 2016. No. 11 (65). Pt. 3.

Emel'ianov N.V. *Siuzhety iakutskikh olonkho* [Plots of Yakut Olonkho]. Moskva, 1980.

Zhirninskii V.M. *Tiurkskii geroicheskii epos* [The Turkic Heroic Epos]. Leningrad, 1974.

Kuz'mina E.N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaitsev, buriat, tuvintsev, khakasov, shortsev, iakutov)* [Index of Typical Locations in the Heroic Epics of Siberian Peoples (Altai, Buryat, Khakass, Short, Yakut)]. Novosibirsk, 2005.

Mainogasheva V.E. *O khakasskom geroicheskome epose i alyptykh nymakh «Ai-Khuuchin»* [The Khakass Heroic Epic and Alyptykh Nymakh]. *Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folkloric Monuments of the Peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, 1997. Vol. 16.

Mainogasheva V.E. *Khakasskii geroicheskii epos Alyptykh nymakh: poiski istoricheskikh realii i periodizatsiia (izbrannye trudy)* [The Khakass Heroic Epic Alyptykh Nymakh: Search for Historic Realia and Periodization (selected works)]. Abakan, 2015.

Meletinskii E.M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: rannie formy i arkhaiskie pamiatniki* [Origin in the Heroic Epos, Early Forms and Archaic Monuments]. Moskva, 1963.

Okladnikov A.P. *Iakutskii epos (olonkho) i ego sviaz' s iugom* [The Yakut Epos (olonkho) and Its Connection with the South]. Iakutsk, 2013.

Orto Khalyma olorkholoro / V.V. Illarionov, T.V. Illarionova. D'okuuskai, 2016. (Sakha booturdara: in 21 vols. Vol. 18. (na iakut. iazyke).

Pavlova N.V. *Siuzheto-tematicheskoe sodержanie olonkho i alyptykh nymakha (sravnitel'nyi analiz iakutskogo i khakasskogo geroicheskikh eposov)* [The Plot-Based Thematic Contents of Olonkho and Alyptykh Nymakh (a comparative analysis of Yakut and Khakass heroic epics)]. *Iakutskii geroicheskii epos olonkho: voprosy nauchnogo izucheniia* [Yakut Heroic Epos Olonkho: Questions of Scientific Study]. Iakutsk, 2012.

Propp V.Ia. *Spetsifika fol'klora* [The Specifics of Folklore]. *Trudi iubileinoi nauchnoi sessii Leningr. un-t. Sektsiia filol. nauk* [Proceedings of the Anniversary Scientific Session of Leningrad University. Section of Philological Science]. Leningrad, 1946.

Putilov B.N. *Metodologiya sravnitel'no-istoricheskogo izucheniia fol'klora* [Methodology of the Comparative-Historic Study of Folklore]. Leningrad, 1976.

Putilov B.N. *Epicheskoe skazitel'stvo: Tipologiya i etnicheskaiia spetsifika* [Epic Storytelling: Typology and Ethnic Specificity]. Moskva, 1997.

Pukhov I.V. *Geroicheskii epos tiurko-mongol'skikh narodov Sibiri: obshchnost', skhodstva, razlichiiia* [The Heroic Epos of the Turkic-Mongolian Peoples of Siberia: Commonalities, Similarities, Differences]. *Tipologiya narodnogo eposa* [Typology of the National Epic]. Moskva, 1975.

Pukhov I.V. *Geroicheskii epos altae-saianskikh narodov i iakutskoe olonkho* [The Heroic Epos of the Altaic-Saian Peoples and Yakut Olonkho]. Iakutsk, 2004.

Savvinova G.E. *Phol'klorno-etnographicheskie ekspeditsii po issledovaniyu epicheskogo naslediya Respubliki Saha (Yakutia)* [Folklore-Etnographic Expeditions to Study the Epic Heritage of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Filologiya I chelovek* [Philology & Human]. 2018. No. 2. DOI: 10.14258/filichel(2018)2-17

Chaptykova Iu.I. *Drevneishie motivy v geroicheskome epose «Belyi zherebenok i sivyi zherebenok»* [Ancient Motifs in the Heroic Epic «Belyi Zherebenok I Sivyi Zherebenok»]. *Sravnitel'noe izuchenie tiurko-mongol'skikh eposov* [Comparative Study of Turko-Mongolian Epics]. Iakutsk, 2015.

Chistobaeva N.S. *Traditsionnye epicheskie motivy v geroicheskom epose khakasov* [Traditional Epic Motifs in Khakass Heroic Epics]. *Sravnitel'noe izuchenie tiurko-mongol'skikh eposov* [Comparative Study of Turko-Mongolian Epose]. Iakutsk, 2015.

Ergis G.U. *Ocherki po iakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut Folklore]. Moskva, 1974.

Gerasimova L.N., Lvova S.D. Structural and Functional Features of Comparison Methods in the Yakut and Khakass Epics. *Journal of History Culture and Art Research*, 2018. Vol. 7. No. 3. DOI: 10.7596/taksad.v7i3.1721

List of sources

Khakasskii geroicheskii epos «Ai-Khuuchin» [The Khakass Heroic Epic «Ai-Khuuchin»]. *Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folkloric Monuments of the Peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, 1997. Vol. 16.

Iadrikhinskii-Bed'eele P.P. *Devushka-bogatyry' Dzhyrybyna Dzhyrylyatta. Zapis' so slov olonkhosuta P.N. Dmitrieva-Tuutuk* [Girl-Warrior Dzhyrybyna Dzhyrylyatta. Recording of an olonkhosut's words P.N. Dmitriev-Tuutuk]. Iakutsk, 2011.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

СПЕЦИФИКА МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ ПО НЕЙРОХИРУРГИИ)

И.С. Пахомова

Ключевые слова: научный медицинский дискурс; научно-популярный медицинский дискурс; аутентичные тексты; медицинские термины по нейрохирургии.

Keywords: scientific medical discourse; popular science medical discourse; medical journals; authentic texts; medical terms of neurosurgery.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-12

Бурное развитие науки и техники в различных отраслях промышленности, культуры, быта, изменение стиля жизни и питания привело к тому, что «в настоящее время каждые 30 секунд в мире рождается открытие или изобретение» [Тюрников, 2018, с. 11]. Медицина и биология занимают одно из ведущих мест в процессе познания мира, они наиболее тесно связаны с жизнью современного человека.

Стоит отметить, что на сегодняшний день нейрохирургия является одной из активно развивающихся областей медицины. Нейрохирургия – раздел хирургии, занимающийся диагностикой и оперативным лечением заболеваний и повреждений нервной системы (включая головной и спинной мозг), и данная отрасль стала отдельной медицинской специальностью лишь в последние сто с небольшим лет [Тюрников, 2018, с. 12].

Распространение медицинских знаний становится одной из ключевых стратегий медицинского дискурса. Термин «дискурс» в настоящий момент представляет собой многозначное понятие

большого числа гуманитарных наук, таких как лингвистика, социология, антропология. Предметом данных наук является изучение функционирования языка. В современных исследованиях определение дискурса выходит за рамки текста и содержит в себе условия, в которых этот текст обновляется.

Следовательно, под дискурсом понимается текст в прочной связи с контекстом, возникающий в определенных условиях, с учетом психологических, социальных, культурных факторов, системы когнитивных и прагматических целей автора текста, который активно сотрудничает с реципиентом, предусматривающих своеобразие языковых единиц при выражении в тексте. В этой связи расширение медицинской терминологии наблюдается в настоящее время в разных языках, включая и современный немецкий язык.

Необходимо отметить, что медицинский дискурс – это, прежде всего, сфера профессионально-коммуникативного взаимодействия медицинских работников, поэтому он обладает такими признаками, как ориентированность на долг и мораль, толерантность, персуазивность (от англ. *persuade* – убедить, склонить, уговорить). По базовым характеристикам медицинский дискурс относят к институциональным, или статусно-ориентированным типам общественного взаимодействия. Цель медицинского дискурса – помочь больному человеку, а именно поставить диагноз, провести курс лечения и рассказать пациенту, что он должен делать для того, чтобы выздороветь. Цель реализуется с помощью стратегий, которые устанавливаются основными намерениями. В связи с этим, выделяют диагностирующую, лечащую и рекомендуемую стратегии. Стратегии медицинского дискурса осуществляются благодаря ряду специализированных и неспециализированных тактик, которые влияют на эмоциональное состояние пациента. Подбор той или иной тактики и ее результативности основываются на профессиональных целях и ситуациях общения [Барсукова, 2007, с. 14].

Исходя из этого, актуальной сегодня становится тенденция, направленная на поиск способов повышения уровня взаимопонимания и коммуникативного сотрудничества, как между представителями профессионального медицинского сообщества, так и между специалистом-медиком и пациентом, что отражается в аутентичных текстах научных и научно-популярных медицинских журналов. Аутентичный текст определяют как любой текст, который не был специально создан в учебных целях, то есть текст, порожденный носителями языка в естественной обстановке, адресованный конкретной аудитории и предназначенный для

передачи конкретной информации, выполняющий коммуникативную функцию [Михайлова, 2013, с. 130]. Выбор для анализа аутентичных научных и научно-популярных текстов из иностранных периодических изданий обусловлен фактором международного профессионального сотрудничества между представителями медицинского сообщества, а также интересом со стороны читателей и пациентов. Анализируемые издания имеют четкую научную направленность и предназначены в первую очередь для представителей профессионального медицинского сообщества: ученых, практикующих врачей, студентов-медиков. Научные и научно-популярные тексты можно найти на страницах таких немецких медицинских журналов как: 1) «Gehirn und Geist. Psychologie. Hirnforschung. Medizin» – научный журнал, в котором содержится актуальная информация о достижениях в сферах нейробиологии, нейрохирургии, медтехники; 2) «Hörzu. Gesundheit. Das Magazin für ein besseres Leben» – научно-популярный журнал на немецком языке, посвященный медицинской практике; 3) «Spektrum der Wissenschaft» – научный журнал о новейших открытиях в науке на немецком языке.

Письменный медицинский дискурс делится на: 1) непосредственно научный медицинский дискурс, где адресатами являются специалисты, практикующие врачи, медицинские работники, студенты-медики, и 2) научно-популярный медицинский дискурс, где адресатами являются пациенты. В научном медицинском дискурсе можно выделить следующие речевые жанры: научная статья, монография, обзор, доклад, лекция [Гринев, 1993, с. 43]. Целью научного медицинского дискурса является оказание профессиональной медицинской помощи пациенту. В научно-популярном медицинском дискурсе выделяют следующие жанры: медицинские буклеты, статьи, обзоры, интервью с практикующими врачами в журналах по медицине, рассчитанных на широкую читательскую аудиторию. Основная цель научно-популярного медицинского дискурса – информирование и / или консультирование пациента – потребителя медицинских услуг.

Рассмотрим специфику научного и научно-популярного медицинских дискурсов на материале аутентичных письменных текстов из немецких журналов.

Характерными чертами аутентичных текстов научного медицинского дискурса являются: 1) строгое соблюдение научного стиля, логичность и завершенность изложенной мысли, наличие определенного числа специальных терминов и терминологических

сочетаний; 2) преобладание сложных предложений с формально-структурными синтаксическими конструкциями.

Рассмотрим пример, взятый из немецкого научного журнала «Spektrum der Wissenschaft»:

Die unbekannte Seite des Gehirns. Wie Gliazellen im Kopf mitreden (von R. Douglas Fields (Дуглас Филдс)):

<...> Peter Fromherz vom Max-Planck-Institut für Biochemie in Martinsried bei München gelang es schon Anfang der 1990er Jahre, Nervenzellen einer Schnecke gezielt mit Transistoren von Halbleiterchips zu koppeln und Informationen aus den Neuronen in die Chips sowie zurück zu übertragen.

In Deutschland ist man vorsichtiger und setzt vorerst auf nichtinvasive Methoden. So verwendet Gabriel Curio von der neurologischen Klinik der Berliner Charité und Klaus-Robert Müller vom Fraunhofer-Institut für Rechnerarchitektur und Softwaretechnik (FIRST) aus Berlin-Adlershof eine jederzeit wieder abnehmbare Haube (Spektrum der Wissenschaft, 09.09.2004, p. 46).

В данном примере используются следующие специальные термины по нейрохирургии: *abnehmbare Haube* (съёмный резиновый чепчик, съёмная резиновая «упряжка», чтобы крепить электроды), *der Halbleiterchip* (полупроводниковый кристалл), *die Nervenzelle* (нервная клетка), *nichtinvasive Methode* (неинвазивный метод).

Далее хотелось бы привести еще один пример из научного журнала «Spektrum der Wissenschaft»:

Vorurteile. Bremse im Kopf (von Adrian Moser (Адриан Мозер)):

<...> Die Teilnehmer mussten am Computer per Klick ausschließlich positive Begriffe entweder ihrer favorisierten Gruppe oder einer Fremdgruppe zuordnen. Dabei erfassten die Forscher einerseits die Reaktionszeit, andererseits mittels Elektroenzephalografie (EEG) die Hirnaktivität der Probanden. <...> Aber einige Prozesse brauchten mehr Zeit, wenn die Zuordnung den Vorurteilen zuwiderlief. Das galt vor allem für die Wahrnehmungsverarbeitung zu Beginn der Entscheidung sowie für die motorischen Prozesse, die nötig waren, um die Klickbewegung des Fingers einzuleiten. Die Wissenschaftler widerlegten damit eine gängige Hypothese, der zufolge das Gehirn in solchen Fällen zusätzliche Denkprozesse einschieben muss (Spektrum der Wissenschaft, 09.09.2004, p. 10).

Как видим, статьи посвящены проблеме клинического исследования головного мозга. Целью данных статей является обнародование результатов научного исследования. Тексты предоставляют ученому / практикующему врачу краткую справку о

результатах проведенного нейрохирургического обследования пациента.

Стиль изложения логичен и лишен экспрессивности, в отличие от статей научно-популярных медицинских журналов. Для научного медицинского дискурса характерен научный стиль речи. Черты такого стиля проявляются в использовании медицинских клише: *die Wissenschaftler widerlegten eine Hypothese; die Forscher erfassten die Reaktionszeit; den Vorurteilen zuwiderlief*. Медицинский дискурс изобилует медицинской терминологией, что делает его понятным только для профессионалов: *die Hirnaktivität* (активность мозга), *der motorische Prozess* (двигательный процесс), *die Wahrnehmungsverarbeitung* (обработка восприятия), *der zusätzliche Denkprozess* (дополнительный процесс мышления). Синтаксис научного изложения характеризуется наличием большого числа сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Во втором примере главное и условно-временное предложения соединены с помощью подчинительного союза **wenn**: *Aber einige Prozesse brauchten mehr Zeit, wenn die Zuordnung den Vorurteilen zuwiderlief*; определительное придаточное с главным соединены с помощью относительных местоимений: **die, der**: *Das galt vor allem für die Wahrnehmungsverarbeitung zu Beginn der Entscheidung sowie für die motorischen Prozesse, die nötig waren, um die Klickbewegung des Fingers einzuleiten. Die Wissenschaftler widerlegten damit eine gängige Hypothese, der zufolge das Gehirn in solchen Fällen zusätzliche Denkprozesse einschleichen muss*.

Приведем следующий пример, который выбран нами из немецкого медицинского журнала «Gehirn und Geist»:

Selbst ist das Hirn (von Lutz Jäncke (Лутц Энке))

<...> In den aktuellen Plastizitätsarbeiten werden vor allem bildgebende Verfahren wie funktionelle und strukturelle Magnetresonanztomografie (fMRT und sMRT), moderne Varianten der Elektroenzephalografie (EEG) und die Magnetenzephalografie (MEG) eingesetzt. Hinzu kommen nichtinvasive Methoden wie die transkranielle Magnetstimulation (TMS), mit denen man quasi von außen das Hirngewebe beeinflussen kann. <...> Eine wichtige Rolle bei der Entstehung der Demenzerkrankungen spielen nach aktuellem Stand Ablagerungen kleiner entarteter Eiweißmoleküle, der Beta-Amyloid-Peptide, im Gehirn (Gehirn und Geist, 04.04.2017, p. 52).

В данном примере присутствуют термины и сокращения: *Abeta – der Beta-Amyloid-Peptide* (бета-амилоиды), *das Eiweißmolekül* (белковая молекула), *EEG – die Elektroenzephalografie* (электроэнцефалограмма),

FIRST – Fraunhofer-Institut für Rechnerarchitektur und Softwaretechnik (Институт Франгофера по архитектуре компьютера и программной инженерии), *fMRT und sMRT – die funktionelle und strukturelle Magnetresonanztomografie* (функциональная магнитно-резонансная и структурная томография), *TMS – die transkranielle Magnetstimulation* (транскраниальная магнитная стимуляция).

Аутентичные статьи научно-популярного медицинского дискурса не обладают строгой научной направленностью, так как они нацелены не на профессиональную аудиторию, а на пациентов. Научно-популярный дискурс преследует прагматическую цель – воздействовать на читателя. Изменяются форма и стиль изложения. Тексты научно-популярных медицинских статей, рассчитанные на широкую читательскую аудиторию, содержат непосредственное обращение к читателю.

Следующий текст «Kräuter gegen das Vergessen» взят из популярного медицинского журнала «Hörzu Gesundheit» (von Bettina Koch (Беттина Кох)):

<...> Diese Mini-Work-outs halten das Gehirn auf Trab und verlangsamen Alterungsprozesse. Geniale Gedächtnistricks. Das Auge als Trainer: Einen Text kopfüber zu lesen trainiert das Gehirn <...> Ob Einkaufszettel oder der Text des Lieblingsliedes. <...> Bewegung hält den Kopf fit, beim Tanzen lassen Konzentration und Koordination neue Verknüpfungen entstehen. Aber auch kleine Balanceübungen sind gut fürs geistige Potenzial. Das Gedächtnis bildet sich während des Schlafs, Ruhephasen sind also wichtig fürs Gehirn (Hörzu Gesundheit, 01.01.2017, p. 49-50).

Цель данного примера – создать благоприятный психологический фон для процесса лечения. Стиль данной научно-популярной статьи отличается от строгого научного стиля тем, что изложение носит информативный характер. Текст становится эмоционально окрашенным, обретает форму диалога с пациентом, в котором врач доступным языком объясняет ту или иную проблему. В числе лексических средств можно выделить сленгизмы (*auf Trab halten* – не давать расслабиться, поставить на уши; *den Kopf fit halten* – держать голову в хорошей физической форме). Синтаксис предложений является более упрощенным, так как рекомендациям свойственны более простые синтаксические конструкции. Для большей выразительности используются заимствования из английского языка: *die Balanceübung* (упражнение для равновесия), *fit* (в хорошей физической форме), *das Mini-Work-out* (тренировка в течение небольшого времени).

Синтаксические и лексические средства, используемые в написании научно-популярных медицинских текстов, позволяют сделать читателя не пассивным, а активным участником медицинского дискурса. В этом случае наличие специальных медицинских терминов подчеркивает, что медицинский дискурс обладает таким признаком как персуазивность (убедительность). Под персуазивным текстом мы понимаем текст, доминирующей коммуникативной функцией которого является воздействие на ментальную сферу реципиента (его мнение) с целью изменения его поведения (побуждения к совершению / отказу от совершения определенных действий) [Голоднов, 2003, с. 10]. Читатель, извлекая необходимую информацию из текста научного медицинского журнала, должен быть убежден: во благо своего здоровья нужно делать именно так, а не иначе. Например, данный совет взят из журнала «Hörzu Gesundheit», в котором швейцарский профессор Иоганн Каспар Рюег (Johann Caspar Rüegg) рассказывает, как избежать заболеваний головного мозга: *Wenig Stress, nicht rauchen, wenig Alkohol, reichlich Bewegung – mindestens eine halbe Stunde pro Tag. Wie gesagt: ein gesundes Stressmanagement* (Hörzu Gesundheit, 01.01.2017, p. 70). Данный пример научно-популярного дискурса является рекомендацией, а для рекомендации характерен побудительный стиль. При создании предложений употребляется побудительное наклонение.

Подводя итог, можно сказать, что специфика письменного научного медицинского дискурса отличается от научно-популярного медицинского дискурса тем, что первый предназначен для узкого круга специалистов в области медицины. Он характеризуется строгим, лишенным какой-либо экспрессивности стилем научного изложения с использованием терминологии и сокращений. Научный дискурс служит для обнародования научных данных исследования и для обмена опытом. Научно-популярный письменный дискурс рассчитан на большую читательскую аудиторию, характеризуется простотой изложения, персуазивностью. Среди языковых особенностей научно-популярных текстов можно выделить: намерение не включать большое количество научных фактов; употребление разных речевых приемов для привлечения внимания читателя (фразеологические обороты, сленг). Научно-популярный дискурс служит для информирования и просвещения читателей по вопросам профилактики, сохранения здоровья и лечения.

Литература

- Барсукова М.И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: дис. ... канд. филол. наук, Саратов, 2007.
- Гринеv С.В. Введение в терминоведение. М., 1993.
- Гринеv С.В. Терминологические заимствования (краткий обзор современного состояния вопроса) // Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и термиеlementов. М., 2012.
- Голоднов А.В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук, СПб., 2003.
- Михайлова О.В. Особенности обучения профессионально-ориентированному аудированию слушателей курсов повышения квалификации в технических вузах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 9 (27). Ч. II.
- Тюрников В.М. Перспективы психиатрической нейрохирургии // Новые технологии. М., 2018. № 3.
- Fields R.D. Die unbekannte Seite des Gehirns. Wie Gliazellen im Kopf mitreden // Spektrum der Wissenschaft. 2004. № 9.
- Jäncke L. Selbst ist das Hirn // Gehirn und Geist. 2017. № 4.
- Koch B. Kräuter gegen das Vergessen // Hörzu Gesundheit. 2017. № 1.
- Moser A. Vorurteile. Bremse im Kopf // Gehirn und Geist. 2016. № 5.

References

- Barsukova M.I. *Medicinskij diskurs: strategii i taktiki rechevogo povedeniya vracha* [Medical Discourse: Strategies and Tactics of Medical Staff Verbal Behavior]. Cand. of Philol. Diss. Saratov, 2007.
- Grinev S.V. *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction into Terminology Science] Moskva, 1993.
- Grinev S.V. *Terminologicheskie zaïmstvovaniya (kratkij obzor sovremennogo sostoyaniya voprosa)* [Terminological Borrowings (a brief overview of the current state of the issue)]. *Voprosy zaïmstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnyh terminov i termielementov* [The Issues of Borrowing and Streamlining of Foreign Terms and Term Elements] Moskva, 2012.
- Golodnov A.V. *Lingvopragmaticheskie osobennosti persuzivnoj kommunikacii* [Linguopragmatic Features of Persuasive Communication]. Cand. of Philol. Diss, Sankt-Peterburg, 2003.
- Mihajlova O.V. *Osobennosti obucheniya professional'no-orientirovannomu audirovaniyu slushatelej kursov povysheniya kvalifikacii v tehnikeskikh vuzah* [Features of Training in Professionally-Oriented Listening of Students of Raising the Level of Their Skill in Technical Universities]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktik* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, 2013. № 9 (27). Pt. II.
- Tyurnikov V.M. *Perspektivy psihiatricheskoj nejrohirurgii* [The Prospects of Psychiatric Neurosurgery]. *Novye tekhnologii* [New technologies]. Moskva, 2018. No. 3.
- Fields R.D. Die unbekannte Seite des Gehirns. Wie Gliazellen im Kopf mitreden. *Spektrum der Wissenschaft*, 2004. No. 9.
- Jäncke L. Selbst ist das Hirn. *Gehirn und Geist*, 2017. No. 4.
- Koch B. Kräuter gegen das Vergessen. *Hörzu Gesundheit*, 2017. No. 1.
- Moser A. Vorurteile. Bremse im Kopf. *Gehirn und Geist*, 2016. No. 5.

**ОБРАЗНОСТЬ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ ЭРИКА БЕРНА
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГ «GAMES PEOPLE PLAY» И
«WHAT DO YOU SAY AFTER YOU SAY “HELLO”?»)**

М.И. Абдыжапарова, Т.В. Федосова

Ключевые слова: научный дискурс, научный стиль, метафора, паремии, идиостиль, языковая личность, научная картина мира.

Keywords: scientific discourse, functional scientific style, metaphor, paroemia, individual author's style, linguistic persona, scientific worldview.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-13

Данная работа посвящена исследованию научных трудов американского психолога Эрика Берна («Games People Play», «What Do You Say After You Say “Hello”?»), которые ранее не были предметом изучения филологов и лингвистов. Она имеет значимость на современном этапе в связи с тем, что языковые явления исследуются с точки зрения антропоцентризма, а также в связи с важностью исследования девиаций, которыми в данной работе являются образные средства в научном дискурсе. Научность всегда ассоциируется с точностью, лаконичностью, логичностью, но, как показывает практика, она не может обойтись и без творческой составляющей, без привлечения образности. Образные средства играют особую роль и в описании психологических теорий. Авторский стиль Э. Берна не является исключением. Авторский стиль – отличительная писательская манера при составлении письменных работ, печатных изданий или публичных выступлений [Sampaio de Alencar, 2017]. Э. Берн широко использует такие образные средства, как метафора, паремия, гипербола, сравнение, метонимия, аллюзия, олицетворение, что делает язык его произведений эмоциональным, а теории доступными и понятными широкой аудитории.

Для научного стиля характерны следующие черты: научная точность, логичность, обобщенность, терминологичность, выразительность, ясность, научная польза исследования. Образность и оценочность не входят в список главных характеристик научного дискурса, однако именно они способствуют наиболее полному и выразительному описанию сложных научных концепций. Использование образных средств зависит от личности автора, его мировидения, ассоциативного мышления и способности

метафоризировать действительность. В научном исследовании выделяют следующие составляющие части: название, ключевые слова, введение, методология, результаты, дискуссия, заключения, выводы, ссылки, приложения. Вся работа подчинена одной цели, и ее составляющие части взаимосвязаны. Вводная, основная и заключительная части составляют смысловые блоки научной работы. Вводная часть – это заголовок, авторы, структура и содержание работы, учреждения, таблицы, предисловие, список аббревиатур и символов. В основную часть включены аннотация, вступление, текст, заключение, рекомендации, пояснения. В заключительной части расположены приложения, ссылки, библиография, глоссарий, алфавитный указатель. Данные характеристики относятся к классическим требованиям, предъявляемым к научным работам [A Guide for Scientific Writing, 2015].

Под научным дискурсом понимается совокупность научных текстов, связанных содержательно-тематическими или функциональными отношениями. В широком понимании дискурс представляет собой образ мышления, реализуемый словесно. В рамках лингвистического знания за рабочее определение дискурса мы берем классическое определение Т.А. ван Дейка: «<...> дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [Дейк, 1989, с. 7]. Другими словами текст, как результат языковой деятельности, а также авторское мировидение являются ключевыми компонентами дискурса. Специфика научного дискурса определяется особой интеллектуальной деятельностью, подчиняется законам логики и прагматики и выполняет основополагающую функцию – информировать аудиторию о новом знании.

В нашем случае мы имеем дело с текстами по психологии, которые отличаются как от текстов точных наук, так и от текстов гуманитарных наук, объединяя в себе гуманитарный и естественно-научный подходы. Е.В. Шелестюк, анализируя особенности текстов популярной психологии, пришла к выводу о том, что в них пересекаются научный, публицистический, художественный и разговорный стили [Шелестюк, 2008, с. 169]. Элементы публицистического стиля проявляются в том, что в данных текстах встречаются специфические средства речевого воздействия, а также их содержательная наполняемость выходит за рамки личности, помещается в контекст социума. Художественный стиль представлен художественными образами для аллегорического иносказания или

оказания эмоционально-оценочного воздействия. Компоненты разговорного стиля создают эффект диалога, живого общения с читателем.

Как отмечают исследователи, использование метафорического языка в научных текстах не только способствует экспрессии, нагляднее разъясняет информацию, но и облегчает восприятие содержания и помогает автору расставить акценты при выражении собственного мнения [Муранова, 2009, с. 243]. Таким образом, использование метафорического языка помогает автору изложить свои идеи более доступно для широкого круга читателей. Это связано с тем, что концептуальная картина мира автора богаче языковой, поскольку в ее образовании «участвуют различные типы мышления» [Серебренников, 1983, с. 30], а опыт и знания психологов нужно донести как можно точнее и ярче.

В данном процессе задействован такой когнитивный механизм как языковая концептуализация, под которой понимается такая процессуальность, при которой с помощью языковых единиц различных уровней осуществляется вербализация, «“оязычивание” аккумулированных человеческим сознанием и мышлением <...> квантов опыта – ассоциаций, смыслов, образов, представлений, категорий, понятий, идей» [Буянова, 2011, с. 145]. Концептуализация есть также живой процесс порождения новых смыслов, который связан с категоризацией. Концептуализация, в свою очередь, направлена на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта, а категоризация объединяет единицы, проявляющие определенное сходство друг с другом [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина, 1997, с. 443]. В данной статье анализируемые языковые единицы, участвующие в создании образности, репрезентируют особенности концептуальной картины исследователя, а также выступают в качестве механизма познания и инструмента, обеспечивающего понимание описываемого предмета.

Рассмотрим особенности научного дискурса Эрика Берна, обозначив сначала черты научного стиля, а далее перейдем к образности в текстах данного психолога. Ученый в своих работах следует вышеупомянутым общепринятым правилам оформления научных работ:

1) В его работах присутствуют логичность и нумерация, характерные для научного стиля:

1. *Colloquially: 'Everyone carries his parents around inside of him.'*
2. *Colloquially: 'Everyone has an Adult.'*

3. *Colloquially: 'Everyone carries a little boy or girl around inside of him' (Berne, 1962, p. 7)¹.*

2) Также встречаются классификации и объяснение понятий, когда автор излагает основы своих теорий:

1. *'That is your Parent' means <...> 'That is your Adult 'means' (Berne, 1962, p. 7);*

2. *It should be noted that the Parent is exhibited in two forms, **direct and indirect** (Berne, 1962, p. 8);*

***Pastimes may be classified** in different ways <...>*

***Thus the <...> is represented in** (Berne, 1962, p. 16);*

*'**Stroking**' may be used as a general term for intimate physical contact;*

*An exchange of strokes constitutes a **transaction**, which is the unit of social intercourse.*

*After stimulus-hunger and **recognition hunger** comes **structure-hunger** (Berne, 1962, p. 2);*

***Parent-Parent paradigm** (Berne, 1962, p. 16).*

3) Тексты содержат определения, различного рода философские выводы и комментарии:

Each type of ego state has its own vital value for the human organism (Berne, 1962, p. 8);

If the answer is negative, in my experience this probably means that the diagnostician is not competent, or else that in the particular case some personal consideration has interfered with his intuition (Berne, 1973, p. 414);

A script is an ongoing program, developed in early childhood under parental influence, which directs the individual's behavior in the most important aspects of life (Berne, 1973, p. 418).

4) Используются однородные члены предложения при описании человеческих эмоций, состояний, форм поведения, а также присутствуют параллельные конструкции:

In the Child reside intuition, creativity and spontaneous drive and enjoyment (Berne, 1962, p. 8);

***Programming** may come from one of three sources: Parent, Adult or Child, or more generally, from society, material or idiosyncrasy (Berne, 1962, p. 12);*

Crossed Transaction Type I, Crossed Transaction Type II (Berne, 1962, p. 10);

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

Thus efficiency is a psychological criterion and effectiveness is a material one (Berne, 1962, p. 13);

The unit of social intercourse is called a transaction.

This is called the transactional stimulus.

That is called the transactional response (Berne, 1962, p. 9).

5) Автором часто дается описание правил, процедур:

The converse rule is that communication is broken off when a crossed transaction occurs (Berne, 1962, p. 10);

<...> that transactions tend to proceed in chains (Berne, 1962, p. 9).

Помимо того, что в работах Берна наблюдаются классические черты научного стиля, можно также говорить о проявлении языковой личности автора, которая отражает духовные основания человека, поскольку язык отражает ментальность и особенности мировоззрения говорящего [Ишкова 2008, с. 5]. Путем использования различных образных средств Берн передает отношение к тем или иным типам поведения человека. Он пытается в своих книгах перевоспитать человека, чтобы он был более свободным и естественным, а не следовал играм и ритуалам, навязываемым обществом или группой людей.

Прагматический компонент лексико-семантической информации, содержащий информацию об отношении автора к обозначаемому словом объекту или адресату, где также наблюдается проявление языковой личности автора, реализуется в следующих контекстах:

1) Чрезмерная зависимость детей от родителей при выборе жизненного пути, по мнению Берна, губительна как плен, и пассивное поведение людей, как результат гиперопеки родителей, оборачивается для них тем, что на закате своих лет они уподобляются растениям (овощам). В этих условиях нет возможности для развития сильных черт характера человека и совершения им неординарных поступков, его жизненный потенциал истощается из-за подобного стиля поведения, что описывается автором с помощью компаративного тропа: *Old people who have carried out their Parental instructions don't know what to do next after it is all over, and spend the rest of their lives like vegetables <...>* (Berne, 1973, p. 207);

2) Описывая женщину, финансово зависящую от мужа и его компаньонов, а также от ее собственных родителей, ученый использует метафорический образ концлагеря, атмосфера которого подавляет ее и вызывает депрессию: *Here the concentration camp was her world picture <...>* (Berne, 1973, p. 173).

Исследователи научного мышления выделяют ряд эпистемологических стилей (индивидуально-своеобразных форм

познавательного отношения к окружающему миру и самому себе как субъекту познания), на основе которых строятся «образы мира». Выделено три ключевых стиля: эмпиризм, рационализм, метафоризм. Эмпиризм тесно связан с экспериментальными данными, наблюдениями, рационализм основан на логичности и лежит в основе теорий, метафоризм же отличается комбинированием отдаленных областей знания, и проверка его надежности осуществляется в терминах интуиции [Пикорская, 2007, с. 161].

Научный стиль Берна можно охарактеризовать как смешанный, поскольку в нем присутствуют рационализм, эмпиризм и метафоризм. Во время его исследований многие понятия психологии были еще на стадии разработки, и у него было много противников еще и потому, что в работах преобладали метафоризм и обращение к интуиции читателя. Например: *Meanwhile, in the jargon of transactional analysis, A and B have improved each other's health slightly; for the moment, at least, 'their spinal cords won't shrivel up', and each is accordingly grateful* (Berne, 1962, p. 14).

Как отмечают лингвисты-когнитологи, когнитивная метафора – одна из форм концептуализации, которая выражает и формирует новые понятия, и без которой невозможно получение нового знания [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина, 1997, с. 431]. Э. Берн обращается к творческому потенциалу читателей и, выдвигая новые теории, иллюстрируя свои взгляды, широко использует метафору. Рассмотрим разные виды метафор (антропоморфная, натуроморфная, социоморфная, артефактная), используемые ученым и не рассмотренные нами ранее. Источником следующей метафоры является **физиологическое состояние голода**. Берн сравнивает физиологический голод с голодом психическим, эмоциональным: *Indeed, not only biologically but also psychologically and socially, stimulus-hunger in many ways parallels the hunger for food* (Berne, 1962, p. 1).

В своих размышлениях он более тонко вычленяет грани соприкосновения понятий эмоционального и психологического насыщения, ощущений и проявлений разных чувств. Скудное питание, насыщение, знаток, гурман, чудаковатость, подвижник, кулинарное искусство – все это, по мнению автора, разные степени ощущений не только в еде, но и в эмоциональной жизни: *Such terms as malnutrition, satiation, gourmet, gourmand, faddist, ascetic, culinary arts, and good cook are easily transferred from the field of nutrition to the field of sensation. Overstuffing has its parallel in overstimulation. In both spheres, under ordinary conditions where ample supplies are available and a*

diversified menu is possible, choices will be heavily influenced by an individual's idiosyncrasies (Berne, 1962, p. 1).

Данная метафора заимствована из **сферы математической науки**: *The most gratifying forms of social contact, whether or not they are embedded in a matrix of activity, are games and intimacy* (Berne, 1962, p. 5). Понятие «матрица» применимо к понятию деятельности в психологии, так как деятельность, подобно ей, имеет составляющие элементы.

Следующая метафора «**Жизнь-игра**» – социоморфная и является базовой для трудов Э. Берна, она вплетается в канву его размышлений и встречается во всех текстах:

1) его герои в своей жизни могут быть на сцене и сходить со сцены *On stage and off stage* (Berne, 1973, p. 35);

2) по его мнению, человек в юности строит свой сценарий и ищет тех, кто будет ему «подыгрывать» *He seeks out those who will play the roles his script requires* (Berne, 1973, p. 36);

3) человек может переписывать сценарий жизни и играть «последнюю сцену» жизни – *he rewrites his script... the farewell performance, the final payoff on the script* (Berne, 1973, p. 37);

4) человек выбирает свой сюжет – *<...> the child is always free to select his own plot* (Berne, 1973, p. 39);

5) все психологические игры несут в себе элемент обмана, но обман состоится, если есть какая-то слабость – *All games involve a con. But a con only works if there is a weakness it can hook to <...>* (Berne, 1973, p. 23).

В содержании исследованных нами трудов («Games People Play», «What do you say after you say “Hello”? The Psychology of Human Destiny») также встречаются случаи употребления паремий. Паремии представляют собой речевые клише, близкие по образности и афористичности крылатым словам. Сюда также относят пословицы и поговорки. Паремии – это особый класс языковых единиц, который в полной мере отражает принцип антропоцентричности: человек есть мера всех вещей [Путова, 2009, с. 3-5].

Л.В. Кацюба отмечает, что зарубежные энциклопедические источники выделяют только один термин – *proverb*, в русских же изданиях говорят о поговорках и паремиях, что диктует необходимость формирования более точного взгляда на эти понятия. Исследователь считает, что оба эти термина практически равнозначны и в качестве основного предлагает термин «паремия». Под паремией, по ее мнению, подразумевается 1) пословица; высказывание, изречение, суждение, относящееся к пословице; 2) краткое образное устойчивое

высказывание (часто употребляемое в переносном значении), синтаксически оформленное как простое или сложное предложение, отражающее обобщенную формально закрепленную ситуацию, возведенную в формулу, излагающее важную истину, наставление, правила и принципы поведения, нравственные законы, сформулированные на основе жизненного опыта [Кацюба, 2013, с. 66-67]. Е.Ю. Никтовенко добавляет, что в структуру паремий также входят фразеологизмы, афоризмы, крылатые слова и выражения [Никтовенко, 2013, с. 1].

Рассмотрим ряд паремий, используемых Э. Берном, которые передают разные образы и выполняют экспланаторную и экспрессивную функции:

1. Паремия «течь сквозь пальцы» употребляется в данном контексте для того, чтобы показать, как победы и завоевания не приносят удовлетворения и человек перестает удерживать свой успех: *But this ...does not bring happiness and many people let their winnings slip through their fingers and return to their former state* (Berne, 1973, p. 150).

2. Паремия «ожидать Санта Клауса» (*For example, most people are waiting for Santa Claus <...>* (Berne, 1973, p. 262)) используется автором для иллюстрации того, как люди могут верить в иллюзорного героя, который должен появиться и что-то совершить для них в соответствии с неким жизненным сюжетом.

3. Паремия «подвергать танталовым мукам» передает психологическое состояние ребенка, который вынужден отказаться от того, что он очень хочет в пользу того, что «запрограммировано» родителем: *They go along with the Parental curse because the Child in them is afraid of the things they want the most, so they are really tantalizing themselves* (Berne, 1973, p. 20).

4. Паремия «встретиться лоб в лоб» используется для описания жизненной стратегии человека, которая может иметь место при выборе способа решения проблемы. Автор в данном случае отмечает, что люди, выбирающие способ типа «хождения вокруг проблемы» или «переключения» на что-то другое, могут оказаться более успешными, чем те, кто пытаются столкнуться с проблемой: *This was accomplished by leaving alternatives open so that they could go around the opposition instead of meeting it head on* (Berne, 1973, p. 227).

Автор также наделяет речь своих героев и собственные комментарии иными образными средствами. В его научных трудах мы встречаем гиперболу, сравнение, метонимию, олицетворение,

иронию, аллюзии, которые могут выполнять иллюстративно-описательную, оценочную, экспрессивно-номинативную и мотивационно-дидактическую функции. Рассмотрим данные средства:

1) Гипербола несет оценочную функцию. Оценка может быть отрицательной: 1) *You always blame me for everything* (Berne, 1962, p. 11); 2) *You are always criticizing me, just like my father did* (Berne, 1962, p. 18); 3) *The most complex game that ever existed, that of «Courtier» <...> was deadly serious* (Berne, 1962, p. 20); 4) *<...> she had always maintained that all men were mean and tyrannical* (Berne, 1962, p. 20). Оценка также может передавать положительное отношение: 5) *<...> it is too disconcerting to have a newcomer declare that her husband is just marvelous, in fact perfect <...>* (Berne, 1962, p. 18).

2) Сравнение носит иллюстративно-описательный характер. Например: 1) *You are now in the same state of mind as one of your parents <...>* (Berne, 1962, p. 8); 2) *The manner and intent of your reaction is the same as it would have been when you were a very little boy* (Berne, 1962, p. 23); 3) *And the wife's response is smth like a petulant kick in the shins* (Berne, 1962, p. 23); 4) *Adult is to regulate the activities of the parent and the child and to mediate objectively between them* (Berne, 1962, p. 10); 5) *A questioning intervention by the therapist may be strongly resented, as though he were some clumsy-fingered clod mauling the fragile petals of an exotic century plant* (Berne, 1962, p. 63); 6) *Life-script scenes have to be set up and motivated ahead of time, just like theatrical scenes* (Berne, 1973, p. 38); 7) *Fan may treat him as she did her Raggedy Ann doll* (Berne, 1973, p. 74); 8) *The script is like a piece of decorated, frosted glass which Jeder's parents place between him and the world* (Berne, 1973, p. 213).

3) Метонимия может выполнять номинативную функцию: 1) *But careful scrutiny reveals that they tend to follow definite patterns* (Berne, 1962, p. 5); 2) *The «Cops and Robbers» burglar leaves his calling card in gratuitous of vandalism <...>* (Berne, 1962, p. 58).

4) В произведениях Берна также можно встретить олицетворение: *If the silence is not masked, it may persist for several minutes* (Berne, 1962, p. 51).

5) Автор выражает иронию в отношении того, как люди «заигрываются» в определенные психологические игры; ирония Берна в данном случае носит оценочный характер: 1) *With a few originals in the group it can become quite amusing (This writer's preference is «I see National Parapraxis Week is here again»)* (Berne,

1962, p. 63) – *O, я вижу у вас в разгаре месячник фрейдистских ошибок;* 2) *«Indigence» is a game rather than a condition <...> «Clinic» is played by a certain percentage of those who attend the out-patient departments of large hospitals* (Berne, 1962, p. 66-67); 3) *All the people who were playing «I am only trying to help you» <...>* (Berne, 1962, p. 71).

Отказ поддерживать развитие некоей игры, и попытка сказать о том, что герой в действительности хотел сказать, также может иметь ироничный характер: *The other day I was standing in the art gallery looking at a picture, and a man came up and said, «Gauguin is very nice, isn't he?» So I said: «I like you too»* (Berne, 1962, p. 77).

Автор иронизирует над некоторыми «профессиональными» типажам. Описывая влияние прародителей на выбор жизненного пути, он использует понятие «семейный парад», иронизируя над сценарием жизни, выбором профессии и ценностями, которые могут повторяться в семье: *A man of the world, of course, will know when to stop, and will not continue beyond the point at which he ceases to amuse <...> (out of consideration for his own pride of craftsmanship)* (Berne, 1962, p. 73).

6) Гипербола: *<...> for one of the rare jewels of the world is the genuine Fijian smile* (Berne, 1973, p. 4).

7) Аллюзия в выявленных нами контекстах выполняет иллюстративно-описательную и экспрессивную функции. Источниками аллюзий являются:

а) Литературные произведения: *He does not like women, although he may be a Don Juan* (Berne, 1962, p. 76).

б) Сказки: 1) *<...> winners are called «princes» <...> and losers are called «frogs»* (Berne, 1973, p. 37); 2) *Hansel and Gretel, Beauty and the Beast, Blue Beard, the Frog Prince, Hercules* (Berne, 1973, p. 109); 3) *Little Red Riding Hood* (Berne, 1973, p. 41, 42); 4) *The wolf affair was by far the most interesting thing that ever happened to her* (Berne, 1973, p. 46); 5) *The Prince with the Silver Apples* (Berne, 1973, p. 49); 6) *The story of Sleeping Beauty* (Berne, 1973, p. 50); 7) *<...> and princes wander around in the forest and look for fair maiden* (Berne, 1973, p. 50); 8) *I am a prince and you are a frog* (Berne, 1973, p. 86).

в) Мифы: 1) *The Oedipal drama and the Oedipal life <...>* (Berne, 1973, p. 38); 2) *Electra plays* (Berne, 1973, p. 51); 3) *<...> his parents appear to him as huge figures endowed with magic power, like the giants and giantesses, ogres and gorgons of mythology <...>* (Berne, 1973, p. 38); 4) *The story of Europa* (Berne, 1973, p. 41,42).

Задача любого ученого в своем научном тексте – убедить аудиторию и доступно изложить свои взгляды. Дж. Кэмпбелл отмечает, что научная речь направлена на следующие моменты: 1) облегчить понимание, 2) поразить воображение, 3) взволновать и воздействовать на волю [Campbell, 1873, с. 2]. Используя паремии, метафоры и целый арсенал других стилистических тропов, психолог Берн способствует тому, что читателям становится более понятен глубинный авторский смысл, концептуальный замысел и идеи, которые он хочет донести в доступной широкому кругу читателей форме, а читатель может идентифицировать себя или окружающих в некоторых играх, описанных ученым с помощью образных средств.

Среди образных и оценочных средств научного стиля Берна мы выделяем метафору, паремию, сравнение, аллюзию, гиперболу, иронию, олицетворение, метонимию. Эпистемологический стиль автора можно охарактеризовать как связь рационализма, эмпиризма и метафоризма. Наличие метафор, паремий и иных образных средств свидетельствует о намерении автора донести свои умозаключения до широкого круга читателей, сделать их доступными и популяризировать новую для того времени сферу знаний – психологию отношений. Образные средства в работах Берна выполняют следующие функции: иллюстративно-описательная, экспланаторная, оценочная, экспрессивно-номинативная и мотивационно-дидактическая. Сферы-источники метафор – физиология, математика, мир природы (для метафор, упомянутых в этой статье), а также анатомия, животный мир, мир растений, мир неживой природы, война, театр, объекты, дом, транспорт (для метафор, описанных в статье авторов «Метафоры, которыми жили теории Э. Берна») [Федосова, Абдыжапарова, 2019].

Таким образом, среди ключевых признаков, характеризующих научный стиль Эрика Берна, можно выделить следующие: в работах присутствует логичность; встречаются классификации и объяснения понятий и терминов, обобщающие философские выводы и комментарии. Автором используются однородные члены предложения при описании человеческих эмоций, состояний, форм поведения, а также присутствуют параллельные конструкции при описании правил и процедур. Некоторые каноны научной речи целенаправленно нарушены ученым, и он использует творческий потенциал для выражения своего мировидения. К особенностям научного дискурса данного автора также следует отнести богатую образность, которая не свойственна научному стилю и которая репрезентируется различными стилистическими приемами. Наличие

целого ряда образных средств можно объяснить спецификой психологии как науки, в которой в большей мере проявляется гуманитарный характер, а также индивидуальными особенностями мировоззрения данного исследователя.

Литература

Буянова Л.Ю. Континуальность и дискретность в языке и речи. Краснодар, 2011.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Ишкова А.Е. Онтологический статус понятия «языковая личность» в философско-антропологической парадигме. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ontologicheskij-status-ponyatiya-yazykovaya-lichnost-v-filosofsko-antropologicheskoy-paradigme>

Кацюба Л.В. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/opredelenie-pareмии-lingvisticheskij-aspekt-definitsii>

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkiy-slovar-kognitivnyh-terminov-fragment>

Муранова О.С. Способы выражения позиции автора в тексте научно-популярной статьи. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sposoby-vyrazheniya-pozitsii-avtora-v-tekste-nauchno-populyarnoy-stati>

Никтошенко Е.Ю. Структурное многообразие паремий и их лингвистический статус. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnoe-mnogooobrazie-paremiy-i-ih-lingvisticheskij-status>

Пикорская С.Ю. Стиль научного мышления и стиль научного познания. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/stil-nauchnogo-myshleniya-i-stil-nauchno-poznaniya>

Путова И.Н. Этнокультурные особенности испанских паремий с топокомпонентом. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/etnokulturnye-osobennosti-ispanskikh-paremiy-s-topokomponentom>

Серебрянников Б.А. О материальном подходе к явлениям языка. М., 1983

Федосова Т.В., Абдыжапарова М.И. Метафоры, которыми жили теории Эрика Берна (на материале книг Э. Берна «Games People Play» и «What Do You Say after You Say “Hello?”») // Филология и человек. 2019. № 1.

Шелестюк Е.В. Стилистические и жанровые особенности текстов популярной психологии. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/stilisticheskie-i-zhanrovye-osobennosti-tekstov-populyarnoy-psihologii>

A Guide for Scientific Writing. [Электронный ресурс]. URL: <https://students.uu.nl/sites/default/files/ge0-aw-guide-for-scientific-writing-2016.pdf>

Campbell G. The Philosophy of Rhetoric, N.Y., 1873.

Sampaio de Alencar. Scientific Style in English. [Электронный ресурс]. URL: https://aprender.ead.unb.br/pluginfile.php/137642/mod_resource/content/1/Estilo_Artigos_Em_Ingles.pdf

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Berne E. Games People Play. [Электронный ресурс]. URL: [http://dl.lux.booksee.org/foreignfiction/899000/0ab4fe3610747b3151d467b9c37fd5eb.pdf/_as/\[Berne_Eric\]_Games_People_Play_\(BookSee.org\).pdf](http://dl.lux.booksee.org/foreignfiction/899000/0ab4fe3610747b3151d467b9c37fd5eb.pdf/_as/[Berne_Eric]_Games_People_Play_(BookSee.org).pdf)

Berne E. What do you say after you say «hello»? The Psychology of Human Destiny. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookre.org/reader?file=1143844&pg=93>

References

Buyanova L.U. *Kontinualnost i diskretnost v yazyke I rechi* [Continuity and Discretion]. Krasnodar, 2001.

Dejk T.A. van. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moskva, 1989.

Ishkova A.E. *Ontologicheski status ponyatiya «yazikovaya lichnost» v filosofsko-antropologicheskoi paradigme* [Ontological Status of the Term «Linguistic Identity» at the Philosophical-Anthropological Paradigm]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ontologicheskij-status-ponyatiya-yazikovaya-lichnost-v-filosofsko-antropologicheskoy-paradigme>

Katsuba L.V. *Opredelenie paremii (lingvisticheski aspekt definitsii)* [The Definition of Paroemia], URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/opredelenie-paremii-lingvisticheskij-aspekt-definitsii>

Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats U.G., Luzina L.G. *Kratki Slovar kognitivnih terminov* [A Short Dictionary of Cognitive Terms]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkiy-slovar-kognitivnyh-terminov-fragmenty>

Muranova O.S. *Sposobi virazheniya pozitsii avtora v tekste nauchno-populyarnoi stati*. [The Methods of Expressing the Author's Attitude in a Scientific Article], URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sposoby-virazheniya-pozitsii-avtora-v-tekste-nauchno-populyarnoy-stati>

Niktovenko E.U. *Strukturalnoye mnogoobrazie paremii i ih lingvisticheski status* [Structural Diversity of Paroemia and their Linguistic Status]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturalnoe-mnogoobrazie-paremii-i-ih-lingvisticheskij-status>

Pikorskaya S.U. *Stil nauchnogo mishleniya i stil nauchnogo poznaniya* [The Style of Scientific Mentality and Acquisition]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/stil-nauchnogo-myshleniya-i-stil-nauchnogo-poznaniya>

Putova I.N. *Etnokulturnie osobennosti ispanskih paremii s topokomponentom* [Ethnocultural Peculiarities of Spanish Paroemia]. URL: <http://www.dissercat.com/content/etnokulturnye-osobennosti-ispanskikh-paremii-s-topokomponentom>

Serebrennikov B.A. *O materialnom podhode k yavleniyam yazyka* [In Short About the Material Approach to the Linguistic Phenomena]. M., 1983.

Fedosova T.V., Abdyzhaparova M.I. *Metaphori, kotorimi zhili teorii Erica Berna* [Metaphors Eric Bern's Theories Lived by]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. No. 1.

Shelestuk E.V. *Stilisticheskie i zhanrovie osobennosti tekstov populyarnoy psihologii* [Stylistic and Genre Peculiarities of Popular Psychology]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/stilisticheskie-i-zhanrovie-osobennosti-tekstov-populyarnoy-psihologii>

List of sources

- Berne E. *Games People Play*. URL: [http://dl.lux.booksee.org/foreignfiction/899000/0ab4fe3610747b3151d467b9c37fd5eb.pdf/_as/\[Berne_Eric\]_Games_People_Play_\(BookSee.org\).pdf](http://dl.lux.booksee.org/foreignfiction/899000/0ab4fe3610747b3151d467b9c37fd5eb.pdf/_as/[Berne_Eric]_Games_People_Play_(BookSee.org).pdf)
- Berne E. *What do you say after you say «hello»? The Psychology of Human Destiny*. URL: <http://bookre.org/reader?file=1143844&pg=93>

СТИЛЬ И «ЛИЧНОСТЬ БРЕНДА» (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА «ФОРБС»)

М.А. Васильченко

Ключевые слова: бренд, стиль, медиабренд, личность бренда, атрибуты бренда.

Keywords: brand, style, media brand, brand personality, brand attributes.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-14

Введение

Значимость исследований в области брендов возрастает по мере уплотнения различных рынков и появления на них предложений, не имеющих объективных или выдающихся конкурентных преимуществ, к которым можно было бы апеллировать в продвигающих сообщениях. Именно бренд создает добавленную символическую стоимость предложения, которая позволяет отличить практически идентичные товары или услуги [Kotler & Keller, 2016]. Медиабренды еще не получили достаточного внимания исследователей-маркетологов, хотя рассматривались медиаисследователями. Однако последние не учитывали аспекты структуры бренда, его элементов и атрибутов, а главное – общего стиля бренда. В данной статье анализируется российское издание ежемесячного журнала «Форбс» с точки зрения значения стиля для целостности структуры бренда и коммуникации с потребителями.

Давая определение термину *бренд*, необходимо учитывать два аспекта рассмотрения этого понятия. Бренд можно рассматривать, во-первых, как сумму обозначений, «этикеток», с помощью которых потребители отличают товары и услуги одного продавца от

предложений других продавцов [AMA, URL]. Во-вторых, бренд трактуют как сумму ассоциаций, комплекс представлений, информацию и знание о товаре или услуге в умах потребителя [Борисова, Викулова, 2019, с. 150]. В структуре бренда выделяют составляющие, необходимые для отличия товаров среди других – элементы (имя, логотип, слоган, упаковка и пр.), и необходимые для формирования положительного представления о товарах и услугах – атрибуты, то есть описательные признаки, которые характеризуют бренд или сам по себе, «внутренне», функционально (например, производительность продукта), или «внешне», эмоционально (например, связанные с *личностью бренда*) [Keller, 2003]. *Brand personality* ‘личность бренда’ – это набор человеческих характеристик, ассоциирующихся с брендом [Aaker, 1997, с. 348]. Наделение брендов человеческими чертами приводит к возникновению отношений между брендом и потребителем, что, в свою очередь, стимулирует потребление [Fournier, 1998]. Важно, что потребители охотнее вовлекаются в отношения с теми брендами, чьи личности конгруэнтны их собственному идеальному «Я», потребление в этом случае становится способом расширения и укрепления «Я», каждый акт потребления позволяет потребителю приблизиться к идеальному состоянию [Belk, 1988]. Учитывая все вышесказанное, интерес представляют именно те составляющие структуры бренда, которые облегчают его антропоморфизм.

Мы предлагаем считать стиль особым атрибутом бренда, который объединяет все элементы и атрибуты в единое целое и, как следствие, узнаваем во всех его проявлениях. Если перефразировать афористическое выражение С. Гайды [Гайда, 2010], стиль – это гуманитарная структура бренда. Следовательно, в случае с журналом речевой стиль текстов должен подчиняться общей стилиевой концепции. Мы уже рассматривали в других статьях, как стиль проявляется в текстах американского издания «Форбс» и детерминирует речевой стиль, стилиевые доминанты, тематику, жанр, композицию и нарративность текстов; нами было показано, что стиль является инструментом создания образов бизнесменов, воплощающих собой идеалы «Форбс» [Васильченко, 2018, 2018a], то есть речевой стиль является способом формирования личности бренда. Задача данной статьи – выявить особенности речевого стиля российской версии «Форбс» с целью выяснения, связан ли он с общей стилиевой концепцией.

Эмпирический материал был собран с помощью метода сплошной выборки главных материалов номеров *cover stories*

российского издания журнала «Форбс» (выпуски с января 2017 года по декабрь 2018 года). Отметим, что *cover story* ‘история с обложки’ – это не жанр, а обозначение сильной позиции макротекста (текста всего журнала), то есть главный центральный материал номера, который вызывает наибольший читательский интерес. Словарная дефиниция этого термина: «амер. статья, иллюстрация к которой дана на обложке журнала» [Мюллер, 2008]. Жанр материала, занимающего эту позицию, может быть любым. Мы исключили из выборки медиатексты «Большой французский разворот» (Forbes, 2018, № 7 (172))¹ и «Еще одна компания на “А”» (Forbes, 2018, № 12 (177)), поскольку они являются переводами материалов американской версии и не могут быть показательными относительно стилевых доминант российского издания. Таким образом, в данной работе анализируются 22 медиатекста.

Методика нашего стилистического анализа опирается на тезис М.М. Бахтина о том, что любое высказывание характеризуется тематическим содержанием, жанром и стилем; при этом стиль представляет собой «отбор словарных, фразеологических и грамматических средств языка» [Бахтин, 1979, с. 327]. Следовательно, при стилистическом анализе необходимо обращать внимание на выразительные средства языка, а также их зависимость от жанра и тематики высказывания. Мы используем методику стилистического анализа, предложенную В.П. Москвиным [Москвин, 2018, с. 45]. В первую очередь будет рассмотрена (1) тематика материалов, далее их (2) жанровое своеобразие и композиция и (3) основные стилевые доминанты.

Тематика материалов не отличается большим разнообразием. Так, в них могут рассматриваться один или несколько проектов предпринимателя. К этому «тематическому типу» относятся медиатексты: «Искусный расчет» – интервью с Владимиром Потаниным об инвестициях в Центр Помпиду (Forbes, 2017, № 1 (154)), «Бремя первых» – фичер о неудачных проектах режиссера Т. Бекмамбетова (Forbes, 2017, № 6 (159)), «Мы наш, мы новый мир построим» – интервью о проектах Года Нисанова в области коммерческой недвижимости (Forbes, 2017, № 10 (163)), «Новая территория» – фичер о зарубежных предприятиях бизнесмена Михаила Фридмана (Forbes, 2018, № 1 (166)), «Тектоническая платформа» – фичер о мессенджере Telegram бизнесмена Павла Дурова (Forbes, 2018,

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

№ 3 (168)), «Москва позади» – фичер о новых бизнес-проектах Елены Батуриной (Forbes, 2018, № 11 (176)).

Темой материала может быть бизнес главного героя, который рассматривается не как очередной проект, а как дело его жизни. К таким относятся: «Потенциал роста в сельском хозяйстве бесконечен» – материал о компании «Русагро» (Forbes, 2017, № 4 (157)), «Собрать Совком» – о «Совкомбанке» (Forbes, 2018, № 3 (168)), «Яндекс эксперименты» – о компании «Яндекс» (Forbes, 2018, № 5 (171)), «Кубышка – это когда там деньги есть» – интервью с Сергеем Горьковым о его работе в ВЭБе, (Forbes, 2017, № 11 (164)) «Химия и жизнь» – о работе Дмитрия Конова в компании «Сибур» (Forbes, 2017, № 7 (160)).

В фокусе внимания может быть карьерный рост предпринимателя. К таким материалам можно отнести: «Бизнес на взлете» – фичер о карьере Романа Троценко (Forbes, 2018, № 1 (154)), «Главное, чтобы был найден баланс между свободой и регулированием» – интервью с Дмитрием Гришиным (Forbes, 2017, № 3 (156)); «Обогатительный процесс» – фичер о Романе Мордашове (Forbes, 2017, № 5 (158)), «Ключевая ставка» – фичер об Олеге Бойко (Forbes, 2018, № 2 (167)). Мы должны отметить, что представленная нами классификация учитывает основной фокус материалов. Разумеется, работа в какой-либо компании имеет отношение к карьере бизнесмена, однако при выделении тематических типов мы основывались на той перспективе, которую выбрал автор медиатекста. В целом тематика материалов соответствует позиционированию издания как делового.

В российской версии наблюдается некоторое **разнообразие жанров** по сравнению с американским изданием. В 2017 году из 12 собранных медиатекстов: 5 – интервью, 4 – очерка, 2 – рейтинги, 1 – колонка; в 2018 году из 10 медиатекстов: 6 – очерки, 4 – рейтинги. Очевидно, что большая часть материалов относится к жанру очерка. Если рассматривать эти материалы с точки зрения американской журналистики (в работе рассматривается американский бренд), то их следует относить к жанру *feature* ‘фичер’, который охватывает все тексты крупнее новости и может быть более аналитическим или более эмоциональным (Narcis, 2014). С точки зрения российской системы жанров структура текстов более всего напоминает очерк, который, согласно классификации А.А. Тертычного, может содержать «репортажное (наглядно-образное) и исследовательское (аналитическое) начало» [Тертычный, 2014, с. 270]. Однако отнесению анализируемых текстов к этому жанру препятствует то, что в центре

внимания авторов не личность (как в портретном очерке), не проблемная ситуация (как проблемном очерке), а рассказ о карьерном росте и бизнесе главного героя. В текстах иногда встречаются элементы репортажа, как, например, в этом отрывке из материала «Бизнес на взлете»:

Здание с выбитыми и треснувшими стеклами, праздно шатающиеся сотрудники, уже полгода не получавшие зарплату, бегущие по всей территории дворняги, погязиший в долгах гендиректор, который сам просил снять его с должности, – таким предстал перед Троценко его первый аэропортовый актив (Forbes, 2018, № 1 (154)).

В примере есть свойственное репортажу обилие деталей, по которым читатель может судить о драматизме ситуации. Однако такие элементы появляются в текстах крайне редко, а их исследовательское начало плохо выражено, поскольку анализ подразумевает выявление причинно-следственных связей, но в исследуемых текстах авторы только излагают факты. Учитывая все вышесказанное, мы используем термин «фичер», поскольку он более общий и лучше соответствует типам современных медиатекстов.

С точки зрения использования **выразительных средств языка** – в российской версии «Форбс» их используется мало: лексемы нормативные, нейтральные; авторы избегают экспрессивной лексики. Приведем пример описания, казалось бы, драматического эпизода из фичера о Романе Троценко:

***Важным** событием 2008 года для жителей Астрахани стал визит **Владимира Путина**. Солнечный погожий день располагал к прогулке, и премьер вместе с губернатором проинспектировал подготовку города к 450-летнему юбилею. Путин **остался доволен увиденным**, и ничто на выездном совещании с федеральными и областными чиновниками не предвещало **скандала**. До тех пор пока Путин не **поинтересовался** судьбой местного аэропорта (Forbes, 2018, № 1 (154)).*

В отрывке описывается «важный» момент как для города, так и для карьеры Троценко, есть развитие сюжета. Однако автор выбирает исключительно нормативные нейтральные лексемы, самой экспрессивной и оценочной из которых можно назвать слово «скандал».

Нельзя сказать, что исследуемые тексты совершенно лишены оценочности. Эпитеты и другие средства выразительности, оценочные лексемы либо содержатся в цитатах, либо передаются в косвенной речи:

Голдовского погубило не уголовное преследование, а две ошибки, которые он совершил, рассуждает Конов (Forbes, 2017, № 7 (160)).

Знакомые называют его балагуром и душой компании (Forbes, 2018, № 2 (167)).

Партнеры и подчиненные называют его «ярким, зажигающим человеком», стратегом и «свободным художником» (Forbes, 2018, № 1 (154)).

К этому моменту, говорит он, это была уже другая компания: «Уже не инвалид – шла и не падала, и ее не нужно было поднимать каждый раз. Она уже мышечную массу набирала <...>» (Forbes, 2017, № 7 (160)).

Использование цитат и, в частности, их оценка относятся к видам имплицитной оценки [Клушина, 2008, с. 110]. Авторы «Форбс» не обсуждают фразы героев текста, они вpletены в повествование, заменяя собой авторскую речь. Можно предположить, что подчеркнутая объективность выполняет две задачи: с одной стороны, она может обезопасить автора от возможных конфликтов с героями текстов, с другой – является имплицитным способом воздействия на читателя [Клушина, 2008, с. 171]. Цитируются и передаются только те высказывания, в которых герой текста описывается положительно, изображается серьезность его проблем, подчеркивается величина его успехов. В целом, за редким исключением изображается картина событий, комплементарная для героев. Это также можно соотнести с тезисом Н.И. Клушиной о том, что медиастиль (стиль текстов масс-медиа) – это «совокупность нарративов» [Клушина и др., 2018, с. 41], например, нарратив автора, нарративы героев-участников событий и др. При этом «сплетение различных голосов <...> формирует полифоничность медиасталя» [Клушина и др., 2018, с. 146]. Это верно в отношении исследуемых текстов, в которых авторское начало плохо прослеживается, автор «прячется» за речью других лиц. В действительности не все фичеры «Форбс» обладают нарративностью (наличием истории, событий, развития сюжета во времени). Тем не менее, читатель воспринимает картину, сложенную из разных голосов (героя, его коллег, экспертов).

Среди немногих выразительных средств, которые присутствуют в речи автора, можно выделить типичные публицистические метафоры:

На руинах игорной империи Бойко пытался выстроить новый бизнес (Forbes, 2018, № 2 (167)).

Совкомбанк уверенно чувствует себя в кризис (Forbes, 2018, № 3 (168)).

Необходимо также отметить, что несмотря на деловую тематику, у «Форбс» есть признаки глянцевого издания. В частности, ориентация на узкую целевую аудиторию и простота подачи материала [Буряковская, 2012, с. 170]; установки на успех и элитарность [Полонский, Самотуга, 2010, с. 299]: позиция в рейтинге «Форбс» понимается как индикатор успешности, элитарности, даже жизненная цель:

Председатель правления «Сибура» Дмитрий Конов шел в список Forbes 10 лет. С чем он столкнулся по дороге? (Forbes, 2017, № 7 (160)).

Можно сделать **вывод** о том, что основными **стилистическими доминантами** «Форбс» являются нейтральная стилистическая тональность, активное использование цитат и косвенной речи, избегание оценочной и экспрессивной лексики. Единообразие в интерпретации событий и отборе языковых средств выражает ориентированность авторов на целевую аудиторию [Чернышова, 2003, с. 36], что также характерно для российского «Форбс». В американской версии стиль является инструментом создания образов, воплощающих личность бренда, что способствует возникновению отношений и коммуникации с потребителями. В российской версии мы не видим активного формирования образов предпринимателей при помощи стилистических средств, однако в текстах поддерживаются ценности бренда «Форбс», что связывает российское и оригинальное американское издание. Таким образом, в российском «Форбс» стиль не является инструментом формирования личности бренда, но соответствует его позиционированию как качественного делового журнала.

Литература

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Борисова Е.Г., Викулова Л.Г. Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста. М., 2019.
- Буряковская В.А. Глянцевый журнал как феномен массовой культуры: речевое и прагматическое представление // Политическая лингвистика. 2012. № 1.
- Васильченко М.А. Роль стиля в формировании личности бренда журнала // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3.
- Васильченко М.А. Стиль как элемент бренда СМИ // Современный дискурс-анализ. 2018. Т. 1. № 3.
- Гайда С. Что есть стиль? // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2010.
- Клушина Н.И. Медиастилистика. М., 2018.
- Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М., 2008.

Клушина Н.И., Люликова А.В., Николаева А.В., Селезнева Л.В. Динамика коммуникативных норм в современной русской речи // Филология и человек. 2018. № 3.

Москвин В.П. Теоретические основы стилистики. М., 2018.

Полонский А.В., Сомотуга Е.А. Ключевые особенности дискурса глянцевого журналов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 18 (89). Вып. 7.

Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2014.

Чернышова Т.В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект. Барнаул, 2003.

Чернышова Т.В. Композиционно-стилистические средства гармонизации текстов публицистического дискурса: в поисках утраченного диалога // Филология и человек. 2018. № 2.

Belk Russel W. Possessions and the Extended Self // Journal of Consumer Research. 1988. Vol. 15. № 2.

Fournier S. Consumers and Their Brands: Developing Relationship Theory in Consumer Research // Journal of Consumer Research. 1998. Vol. 24. № 4.

Keller K., Brand Synthesis: The Multidimensionality of Brand Knowledge // Journal of Consumer Research. 2003. Vol. 29. № 4.

Kotler P. and Keller K. Marketing management. NJ, 2016.

Список источников

Бизнес на взлете // Forbes. 2017. № 2 (155).

Большой французский разворот // Forbes. 2018. № 7 (172).

Бремя первых // Forbes. 2017. № 6 (159).

Главное, чтобы был найден баланс между свободой и регулированием // Forbes. 2017. № 3 (156).

Еще одна компания на «А». // Forbes. 2018. № 12 (177).

Искусный расчет // Forbes. 2017. № 1 (154).

Ключевая ставка // Forbes. 2018. № 2 (167).

Кубышка – это когда там деньги есть // Forbes. 2017. № 11 (164).

Мюллер В.К. Новый большой русско-английский словарь. М., 2008.

Новая территория // Forbes. 2018. № 1 (166).

Обогатительный процесс // Forbes. 2017. № 5 (158).

Собрать Совком // Forbes. 2018. № 4 (169).

Тектоническая платформа // Forbes. 2018. № 3 (168).

Химия и жизнь // Forbes. 2017. № 7 (160).

Яндекс эксперименты // Forbes. 2018. № 5 (171).

Narcup T. A Dictionary of Journalism. Oxford, 2014.

References

Bahtin M. M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of Language Creativity] Moskva, 1979.

Borisova E.G., Vikulova L.G. *Marketingovaja lingvistika. Zakonomnosti prodvigajushhego teksta* [Marketing Linguistics. The Dependencies of Promotion Text]. Moskva, 2019.

Buryakovskaya V.A. *Gljancevyj zhurnal kak fenomen massovoj kul'tury: rechevoe i pragmaticheskoe predstavlenie* [Glossy Magazine as a Phenomenon of Mass Culture:

Speech and Pragmatic Conception]. *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics] 2012. No 1.

Vasil'chenko M.A. *Rol' stilja v formirovanii lichnosti brenda zhurnala* [The Importance of Style for Formation of a Magazine Brand Personality]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Verhnevolzhski Philology Bulletin]. 2018. No 3.

Vasilchenko M.A. *Stil' kak jelement brenda SMI* [Style a Brand Element]. *Sovremennyyj diskurs-analiz* [Modern Discourse Analysis]. 2018. Iss. 1. No 3.

Gajda S. *Chto est' stil'?* [What is Style?] *Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste* [The Stereotypy in Creativity and in Text]. Perm', 2010.

Klushina N.I. *Mediastilistika* [Media Stylistic]. Moskva, 2018.

Klushina N. I. *Stilistika publicisticheskogo teksta* [Stylistics of Publicist Text]. Moskva, 2008.

Klushina N.I., Ljulikova A.V., Nikolaeva A.V., Selezneva L.V. *Dinamika kommunikativnyh norm v sovremennoj russkoj rechi* [Dynamics of Communicative Norms in Modern Russian Speech]. *Filologija i chelovek* [Philology & Human]. № 3. 2018.

Moskvin V.P. *Teoreticheskie osnovy stilistiki* [Theoretical Basis of Stylistics]. Moskva, 2018.

Polonskij A.V., Somotuga E.A. *Kljuchevyje osobennosti diskursa gljancevyh zhurnalov* [Key Features of the Discourse of Glossy Magazines]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Scientific Statements of Belgorod State University.]. 2010. No. 18 (89). Vol. 7.

Tertychnyj A.A. *Zhanry periodicheskoy pechati* [Periodical Genres]. Moskva, 2014.

Chernyshova T.V. *Sovremennyyj publicisticheskij diskurs (kommunikativno-stilisticheskij aspekt)* [Modern publicistic discourse (communicative and stylistic aspect)]. Barnaul, 2003.

Chernyshova T.V. *Kompozicionno-stilisticheskie sredstva garmonizacii tekstov publicisticheskogo diskursa: v poiskah utrachennogo dialoga* [Compositional and Stylistic Means of Harmonizing Texts of Publicistic Discourse: in Search of a Lost Dialogue]. *Filologija i chelovek* [Philology & Human]. 2018. № 2.

Belk Russel W. Possessions and the Extended Self. *Journal of Consumer Research*, 1988. Vol. 15. № 2.

Fournier S. Consumers and Their Brands: Developing Relationship Theory in Consumer Research. *Journal of Consumer Research*, 1998. Vol. 24. № 4.

Keller K.. Brand Synthesis: The Multidimensionality of Brand Knowledge. *Journal of Consumer Research*, 2003. Vol. 29. № 4.

Kotler P. and Keller K. *Marketing management*. NJ, 2016.

List of sources

Biznes na vzlete [Takeoff Business]. Forbes. 2017. No. 2 (155).

Bol' shoi francuzskii razvorot [Large French Spread]. Forbes. 2018. No. 7 (172).

Bremya pervikh [First Burden]. Forbes. 2017. No. 6 (159).

Glavnoe, chtobi bil najden balans mezhdu svobodoj i regulirovaniem [The Main Thing is to Find Balance between Freedom and Regulation]. Forbes. 2017. No. 3 (156).

Eshche odna kompaniya na «A» [Another Company on «A»]. Forbes. 2018. No. 12 (177).

Iskusnii raschet [Skillful Calculation]. Forbes. 2017. No. 1 (154).

Klyuchevaya stavka [Key Rate]. Forbes. 2018. No. 2 (167).

Kubishka – eto kogda tam den'gi est' [A Coin is When There is Money]. Forbes. 2017. No. 11 (164).

Muller V.K. *Novii bol'shoi russko-angliiskii slovar'* [New Large English-Russian Dictionary]. M., 2008.

Novaya territoriya [New Territory]. Forbes. 2018. No. 1 (166).

Obogatitel' nii process [Enrichment Process]. Forbes. 2017. No. 5 (158).

Sobrat' Sovkom [Pick a Sovkom]. Forbes. 2018. No. 4 (169).

Tektonicheskaya platforma [Tectonic Platform]. Forbes. 2018. No. 3 (168).

Khimiya i zhizn' [Chemistry and Life]. Forbes. 2017. No. 7 (160).

Yandeks eksperimenti [Yandex Experiments]. Forbes. 2018. No. 5 (171).

Harcup T. *A Dictionary of Journalism*. Oxford, 2014.

ОДИНОЧЕСТВО МОЛЧАНИЯ, ЕСЛИ ЕГО МОЖНО ТАК НАЗВАТЬ (ОБРАЗ ОЛЕНЬКИ В РОМАНЕ С.Д. ХВОЩИНСКОЙ «ГОРОДСКИЕ И ДЕРЕВЕНСКИЕ»)

К.В. Смирнов

Ключевые слова: одиночество, недопонимание, смех, женская судьба, любовь, эгоизм.

Keywords: loneliness, misunderstanding, laughter, women's fate, love, selfishness.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-15

Творчество С.Д. Хвощинской является уникальным с точки зрения тематики и незаслуженно забытым литературоведением. Писательница, чье творческое наследие до сих пор практически не изучено, по существу олицетворяет женский взгляд на одну из основных проблем русского общества XIX столетия – проблему женской эмансипации. Наложив право вето на переиздание своих произведений, Хвощинская буквально «пропала» на десятки лет. Ее публикации в журналах, приходящиеся на середину позапрошлого столетия, не изучались и не анализировались. Ввиду этого сегодня нет ни одного монументального труда, посвященного ее творчеству. В данной статье предпринята попытка анализа образа Оленьки, главной героини романа «Городские и деревенские», – единственного художественного произведения, которое было опубликовано в сборнике «Проза русских писательниц 60-80-х годов XIX века». Специфический характер Оленьки, ее отношение к окружающим, недопонимание с близкими ей людьми – те вопросы, которые поднимает Хвощинская в своем романе не субъективно, но

объективно описывая роль женщины в современном писательнице обществе. Анализу специфики творческого мировосприятия Хвоцинской посвящена настоящая статья, в основу которой легли труды Ю.М. Лотмана и М.М. Бахтина, а также работа Г.А. Тишкина.

Оленька Николаевна Чулкова, дочь Настасьи Ивановны, владелицы имения Снетки, является главной героиней романа. Семнадцатилетняя девушка фактически объединяет всю сюжетные линии в одну: начиная с взаимоотношений между героями и заканчивая авторским толкованием некоторых специфических черт характера, считающихся типичными. Оленька, как и все персонажи С.Д. Хвоцинской, воплощает в себе один из оттенков одиночества. Ей свойственно одиночество молчания, если его можно так назвать. Прожив семнадцать лет в Снетках, Оленька что-то прочтала, о чем-то узнала, освоила навыки времяпровождения помещицы и обрела уверенность в себе в той мере, в которой она нужна девушке на выданье. Появление Эраста Сергеевича Овчарова в Снетках значительно изменило привычную жизнь. Настасья Ивановна стала суетиться, чтобы угодить приехавшему гостю; сам же Эраст Сергеевич начал было оказывать ей знаки внимания, приглашая гулять и предлагая почитать свои собственные сочинения. Однако его порывы так и остались безответными. Параллельно показаны отношения Оленьки и Анны Ильиничны, также гости в доме Чулковых. Оленька грубо отзывается в ее адрес, утверждая, что Анна Ильинична хитрая и очень глупая женщина, которая пытается обмануть не только всех окружающих, но и саму себя. В конфликт вмешивается еще одна героиня – спустя некоторое время Оленьку решила сосватать за своего фаворита Катерина Петровна, известная сватья Москвы. Но Семен Иванович Оленьку не заинтересовал и получил отказ в довольно грубой форме. По существу, это основные сюжетные линии произведения: 1) отношения Оленьки с человеком, не приспособленным к жизни и живущим иллюзиями; 2) отношения с хитрой, но глупой женщиной, ставящей себя выше всех прочих; 3) отношения с человеком, не имеющим ничего своего. Исходя из этого, в характере Оленьки четко обозначены три основных отличительных особенности: 1) склонность к сатирическому мировосприятию; 2) замкнутость; 3) прямолинейность и уверенность в себе. За счет этих особенностей и формируется образ героини, являющийся уникальным для русской литературы XIX века.

Внешность героини описана субъективно, через оценку Эраста Сергеевича Овчарова: *«Навстречу Овчарову с дивана привстала*

девушка и раскланялась. Высокая, тоненькая, в широкой пестрой юбке и русской рубашке, отделанной кумачом, и прехорошенькая; так показалось Овчарову на расстоянии десяти шагов: когда он подошел ближе, девушка показалась ему хуже. Она была свежа как яблоко, но похожа на мать, и выражение ее лица было самое обыкновенное. Это лицо и наряд, смесь чисто деревенского, простого с модно губернским, не понравились Овчарову» (Хвощинская, 1987, с. 105)¹. Таким образом, можно говорить с уверенностью: портрет Оленьки показан не Хвощинской, но Овчаровым и, следовательно, выведен через призму первых ощущений героя. Полноценного портрета Хвощинская не показывает, тем самым скрывая настоящее лицо девушки. Оно будто бы неявно выявлено, условно. Эта особенность закрепляется первой отличительной характеристикой героини – ее склонностью над всеми насмеяться. М.М. Бахтин выделял смех как одну из важнейших черт, характеризующих менталитет людей. Исследователь писал: «Острое ощущение победы над страхом – очень существенный момент средневекового смеха. Это ощущение находит свое выражение в ряде особенностей смеховых образов средневековья. В них всегда наличен этот побежденный страх в форме уродливо-смешного, в форме вывернутых наизнанку символов власти и насилия, в комических образах смерти, в веселых растерзаниях. Все грозное становится смешным. <...> Народно-праздничный смех включает в себя момент победы не только над страхом перед потусторонними ужасами, перед священным, перед смертью, – но и над страхом перед всякой властью, перед земными царями, перед земным социальным верхом, перед всем, что угнетает и ограничивает» [Бахтин, 1990, с. 105-106]. Все у Оленьки подвержено осмеянию: «Сказала Оленька неохотно и насмешливо» (Хвощинская, 1987, с. 109); «Оленька рассмеялась и вышла» (Хвощинская, 1987, с. 114); «Покуда он говорил, вошла Оленька, все смеющаяся» (Хвощинская, 1987, с. 115); «Оленька стояла и улыбалась» (Хвощинская, 1987, с. 115); «Оленька засмеялась и опять посмотрела на дверь» (Хвощинская, 1987, с. 117) и т.д. Смех Оленьки – это не просто способ защититься от окружающего мира, это, в первую очередь, вызов окружающему ее традиционному миропорядку. В классических представлениях о женской судьбе в

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст источника: Хвощинская С.Д. Городские и деревенские // Свидание: Проза русских писательниц 60-80-х гг. XIX века. М., 1987.

XIX веке нет ни слова о том, что женщина вправе сама выбирать себе мужа. Свидетельством этого выступают такие исследовательские работы как «Свадьба в Кокшенинге Тотемского уезда» М.В. Едемского [Едемский, 2002], «Беседы о русской культуре» Ю.М. Лотмана [Лотман, 2011] и т.д. Предполагалось, что любой мужчина способен взять себе в жены любую женщину лишь с одним условием: естественно, титул (дворянин не может жениться на крестьянке) и состояние (в достаточной мере). «Неравный брак» описан в романе «Дубровский» А.С. Пушкина, к примеру. «Об освобождении женщины так много было написано и опубликовано в 50–60-е годы XIX века, главным образом, потому, что женский вопрос имел самостоятельное значение. Будучи тесно связанным с отменой крепостного права, другими реформами, проводившимися в буржуазном духе “сверху”, женский вопрос настойчиво повторялся, так как услышать ответ на него жаждали представители самых различных групп российского общества», – замечает Г.А. Тишкин [Тишкин, 1984, с. 110]. Оленька опровергает положение о женской несамостоятельности: во-первых, ее никто не может принудить к замужеству, так как Настасья Ивановна дорожит ей и едва ли представляет свою жизнь без нее; во-вторых, Оленька достаточно свободна от всяких назиданий и потому способна сама определить, как ей поступать. Поэтому Овчаров с дидактическим натиском едва ли может вызвать в ней что-то кроме смеха: говоря о «высоком», как ему кажется, он не видит главного – того, что разговаривает с человеком, свободным от стереотипов современности. Ссылаясь на свою шаловливость, Оленька (не Ольга, именно Оленька) открыто заявляет всем окружающим о неспособности их на нее воздействовать: ни матери, ни тетушке, ни Катерине Петровне. Московская сватья Катерина Петровна решила во что бы то ни стало выдать Оленьку замуж за своего фаворита Семена (Simon) Ивановича. Казалось бы, в этом нет ничего странного: Оленьке уже пора найти мужа, а Семен Иванович идеально подходит на эту роль. Катерина Петровна, как водится, пригласила ее к себе и приступила было к сватовству. Но она даже представить не могла подобной реакции: собеседница только краснела, но ничего не возражала. При этом она стремилась всячески избежать диалога: «*Оленька гуляла одна вдали, в аллее*» (Хвощинская, 1987, с. 198); «*Оленька молчала*» (Хвощинская, 1987, с. 199); «*Она даже не возражала ни на что, ни даже на речь о женихе*» (Хвощинская, 1987, с. 199) и т.д. Катерина Петровна воспринималась Оленькой саркастично, так же как и Овчаров:

Катерина Петровна – всеобщее признанная сватья, которая, при этом, хочет принести счастье не в дом сосватанных, а в свой собственный. Добившись признания публики салонов только путем сосватываний, она искренне боится потерять это. Руководимая корыстными побуждениями, Катерина Петровна настойчиво пытается привлечь и Оленьку, которая, в отличие от молчаливых невест, сама себе хозяйка. Поэтому Катерина Петровна со своим назидательным напором вызывает в ней весьма конкретное чувство: Оленька видит в ней только раздражителя и лишь моральные ценности и правила этикета не позволяют ей возразить сватье, ищущей своей выгоды. Третьим образом-оппонентом Оленьки выступает Анна Ильинична. Она считается в Снетках едва ли не святой. *«Пять одних архиереев к ней пишут; и еще святые отцы, и даже от одного схимонаха память лежит: камень ей подарил на память»* (Хвощинская, 1987, с. 118). Помимо этого у Анны Ильиничны имеется огромное количество религиозной литературы, она *«у гроба господня была и во всех наших богатейших обителях была»* (Хвощинская, 1987, с. 118). Однако княгиня Мария Сергеевна, отправившись за границу, решила Анну Ильиничну с собой не брать. Оказавшись никому не нужной, брошенная «святая» приехала в Снетки, где ее с такой репутацией приняли с распростертыми объятьями. Оленька сразу же невзлюбила Анну Ильиничну, увидев в ней обманщицу. Решающую роль сыграло абсурдное обстоятельство: Анне Ильиничне отдали комнату Оленьки. Первое, что сделала гостя, – пригласила попа Порфирия Петровича, чтобы тот окропил все углы святой водой. Это обидело Оленьку, которая грешницей себя не считала. Анна Ильинична, пожаловав в статусе «святой» и желая в нем утвердиться, злоупотребила своим новым положением. Неудачная попытка показать себя как «святую» привела к плачевным результатам: разочарованию в ней самой окружающих. Подобное обстоятельство заметила только Оленька, но ей вполне этого хватило. Для нее Анна Ильинична представляется очень глупой женщиной, решившей сделать себе имя на неприкрытой лжи. Попытавшись обмануть всех вокруг, Анна Ильинична, сама того не заметив, рассказала всем о совершенных ей «махинациях». Естественно, Оленька не скрывает своего отношения к Анне Ильиничне: в отличие от своей мамы Настасьи Ивановны, она заявляет об обмане и даже не собирается верить в ложь, которую провозглашают правдой в ее собственном доме. Для Оленьки Анна Ильинична слишком примитивна в неприкрытом самолюбании: героиня рассматривает ее только как

воплощение глупости, основанное на еще большей глупости – на сплетнях салонов Москвы, созданных только для распространения этих сплетен. Исходя из ранее сказанного, можно заключить: Оленьке свойственно одиночество молчания. Хвоцинская акцентирует внимание на одиночестве Оленьки уже в самом начале, через ее внешность. «С приближением эпохи романтизма мода на здоровье кончается. Теперь кажется красивой и начинает нравиться бледность – знак глубины сердечных чувств. Здоровье же представляется чем-то вульгарным» [Лотман, 2011, с. 53]. Оленька полностью соответствует идеалу «новой красоты»: она стройная, достаточно пылкая, читает и может поддержать разговор [Лотман, 2011, с. 53]. В этом ее главная особенность – в осовременивании. Как Ольга Ильинская из «Обломова» И.А. Гончарова, как Вера Павловна из романа «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, Оленька представляет «новое» поколение женщин, способных самостоятельно решать свою судьбу. Вот только обстоятельства сложились для Оленьки специфически: ее окружают люди, которые не могут смотреть вперед, а живут лишь иллюзорным прошлым. Эраст Сергеевич Овчаров пишет научные статьи о женщинах, современном положении русского народа и т.д., но при этом он не понимает самого главного – все, о чем он пишет сейчас, уже давно осуществлено. Катерина Петровна пытается заставить ее жить по тем канонам, по которым жила она сама. Но ей, сватке, уже за сорок, и она не может принять систему новых ценностей, в которых женщина не просто интересующий мужчину объект симпатии, а деятельное начало, рассматривающее мужчин аналогично. Анна Ильинична и вовсе живет в своих мечтах, представляя себя как нечто большее и превосходящее всех и вся. В этом ее главная слабость – в неумении увидеть простую житейскую истину: ложь ее давно раскрыта, а маска «святой» закрывает глаза только ей самой.

Одиночество молчания в романе – это одиночество, при котором человек не способен выстроить нормальный диалог ни с кем, ибо все окружающие его герои не могут слышать в силу своих собственных заблуждений, выдаваемых за истину в первой инстанции. Именно такую участь приготовила судьба для Оленьки – быть окруженной обществом, зависимым от устаревших канонів поведения. И поэтому она соразмерно мировоззрению собеседников общается с ними: на самовлюбленность Овчарова отвечает смехом, на эгоизм Катерины Петровны – молчанием, а на глупость Анны Ильиничны – агрессией и поруганием. Но при этом она одинока, так как никто не видит в ней главного – ее личного мнения.

Через образ Оленьки Хвощинская показала тип «новой» женщины, женщины XIX века, свободной и способной самостоятельно решать свою судьбу. Оставшееся позади общество едва ли способно принять систему новых ценностей и поэтому всячески сопротивляется, пытаясь повернуть время вспять. Поэтому Оленька и одинока: она единственная героиня в романе, которая идет вперед, а не стоит на месте. И единственным собеседником Оленьки является ее молчание – вынужденное, так как поговорить просто не с кем.

Литература

- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Едемский М.Б. Свадьба в Кокшенье Тотемского уезда. Вологда, 2002.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2011.
- Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50-60 гг. XIX в. Л., 1984.

Список источников

- Хвощинская С.Д. Городские и деревенские // Свидание: Проза русских писательниц 60-80-х гг. XIX века. М., 1987.

References

- Bahtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennessansa* [The Work of Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moskva, 1990.
- Edemskij M.B. *Svad'ba v Kokshen'ge Totemskogo uезда* [Wedding in Koksheng of Totem County]. Vologda, 2002.
- Lotman Yu.M. *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture: Life and Traditions of Russian Nobility]. Sankt-Peterburg, 2011.
- Tishkin G.A. *Zhenskij vopros v Rossii v 50-60 gg. XIX v* [Women's Issue in 1850-60]. Leningrad, 1984.

List of sources

- Hvoshchinskaya S.D. *Gorodskie i derevenskie* [Urban and Rural]. *Svidanie: Proza russkikh pisatel'nic 60-80-h gg. XIX veka* [Date: Prose of Russian Woman-Writers 1860-1880]. Moskva, 1987.

ГЕТЕРОТОПИЯ ЛАГЕРНОГО СЕВЕРА В «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗАХ» В. ШАЛАМОВА

А.И. Дреер, О.А. Скубач

Ключевые слова: гетеротопия, ГУЛАГ, советская пенитенциарная система, репрессивные механизмы, В. Шаламов, Колыма.

Keywords: heterotopia, GULAG, Soviet penitentiary system, repressive mechanisms, V. Shalamov, Kolyma.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-16

Понятие «гетеротопия» (буквально с греч. – «иное место») появилось в социальной антропологии в 1967 году благодаря лекции Мишеля Фуко «Другие пространства», прочитанной им на конгрессе французских архитекторов. Позаимствовав термин в медицинской морфологии, французский философ наделил его новым значением. По Фуко, гетеротопиями являются реально существующие (в отличие от утопий) пространства, действительные топосы, отличные от типичного пространства социума и культуры, в которых они существуют – специфические локусы, «которые вносят разрывы в видимую бесшовность, непрерывность и нормальность повседневности» [Харламов, 2010, с. 189]. Сам Фуко определил гетеротопии как места, в которых «все остальные реальные местоположения, какие можно найти в рамках культуры, сразу и представляются, и оспариваются, и переворачиваются» [Фуко, 2006, с. 169], и отнес к ним, в числе прочего, кладбища, больницы, музеи, зеркала, корабли, колонии, библиотеки, церкви и тюрьмы.

На сегодняшний день еще практически нет исследований, в которых сталинский лагерь целостно рассматривался бы как гетеротопия, однако их появление – дело ближайшего времени. Система ГУЛАГа, представляющая собой антимир внутри советского государства, где условно нормальные социальные практики трансформируются, обращаются, порой претворяются в собственную противоположность, – идеальный объект для изучения в рамках гетеротопологии. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны; в частности, нельзя не упомянуть работы В.А. Подороги, в которых советский северный лагерь анализируется как особое, во всех смыслах «иное» социальное пространство, к тому же в последних работах на эту тему ученый опирается преимущественно на тексты

В. Шаламова [Подорога, 1999; Подорога, 2016]. Несомненно, концепция М. Фуко позволяет рассмотреть «Колымские рассказы» Варлама Шаламова в новом качестве, как способ художественного осмысления «другого пространства», каковым является исправительно-трудовой лагерь на крайнем севере («Севвостлаг» – место действия «Колымских рассказов»).

Если понимать гетеротопию как пространство, искажающее все социальные нормы и практики, нельзя не заметить, что сталинские лагеря, как их изображает В. Шаламов – гетеротопия вдвойне или сверхгетеротопия. Проблема строгой дефиниции лагеря в данной системе координат упирается в вопрос о том, что считать точкой отсчета, средоточием нормальных социальных практик. Советский мир, пусть и внеположенный по отношению к лагерю, вряд ли может претендовать на эту роль. В текстах писателя вся советская пенитенциарная система 1920-1950-х годов представлена как иерархия «киных» топосов, завершает которую исправительно-трудовой лагерь, кульминация и последний предел советского пенитенциария. При этом пространство «большой земли», которое, согласно логике вещей, должно было бы воплощать собой социальную норму, тоже включено в систему репрессивных смыслов и вполне может рассматриваться как, условно говоря, первый, начальный уровень гетеротопии. В советском мире нормы нет, она вынесена за его скобки, однако носителями представления о ней являются в текстах Шаламова рассказчик и близкие ему персонажи. Именно их знакомство с нормой дает автору возможность рассмотреть весь конструкт сталинского государства как систему все более и более отклоняющихся от нормы пространств, – как систему гетеротопий. Венчающий эту систему исправительно-трудовой лагерь при этом выглядит гетеротопией не только на фоне нормы, но и в контексте уже подвергшихся девиации советских социальных структур.

Советский быт многими мемуаристами, современниками Шаламова, характеризовался как близкий к тюремному: «<...> мы ходили как бы просвеченные рентгеновскими лучами; взаимная слежка – вот основной принцип, которым нами управляли. “Чего бояться, – сказал Сталин, – надо работать...” Служащие несли свой мед директору, секретарю парторганизации и в отдел кадров. Учителя при помощи классного самоуправления – старосты, профорга и комсорга – могли выжать масло из любого школьника. Студентам поручалось следить за лектором. Взаимопроникновение тюрьмы и внешнего мира было поставлено на широкую ногу» [Мандельштам, 1999, с. 43], – вспоминала Н.Я. Мандельштам, близкий друг Шаламова. Подобные

свидетельства встречаются не только в текстах представителей «классово-отчужденной прослойки» – интеллигенции, но и в мемуарах той части советского истеблишмента, что столкнулась с советским репрессивным аппаратом. Е.С. Гинзбург, до своего ареста в 1937 году занимавшая партийный пост в Казани, указывает на близость тюрьмы к повседневной жизни середины 1930-х: «<...> 90 процентов тогдашнего астафьевского населения было обречено, и почти все они в течение ближайших месяцев сменили комфортабельные астафьевские комнаты на верхние и нижние нары Бутырской тюрьмы» [Гинзбург, 2008, с. 39]. М. Фуко в классической работе «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» связал эволюцию западноевропейской культуры с переходом от репрессивных практик, ориентированных на телесные наказания, к репрессивным практикам, нацеленным на «душу»: «Если не тело, то душа. Искушение, которое некогда терзало тело, должно быть заменено наказанием, действующим в глубине, – на сердце, мысли, волю, склонности» [Фуко, 1999, с. 35]. Ключевое отличие советской пенитенциарной системы от европейских аналогов заключается в том, что она пришла к модернистской «экономии наказания», не отказываясь в то же время от архаичного «театра террора». Лагеря и тюрьмы представляли собой места реальных физических пыток, а в бытовом пространстве советской повседневности действовали регулятивы, пытающие «душу»: к ним можно отнести страх постоянной слежки, доносчиков, беспочвенных случайных арестов. Таким образом, быт «большой земли» можно охарактеризовать как первый уровень советской пенитенциарной гетеротопологии. Этот уровень не репрезентируется на страницах «Колымских рассказов»; тем не менее, понимание его необходимо, поскольку этот мир всегда подразумевается, держится героем Шаламова в уме.

Упоминания окологерных топосов встречаются в рассказах не так часто, но к ним, с известными оговорками, можно отнести дескрипцию нетипичных для лагеря социальных отношений: это в особенности касается мотива «бесконвойности», который фигурирует в рассказах «Хлеб», «Сука Тамара», «Сухим Пайком», «Кант», «Васька Денисов, похититель свиней», «Первая смерть» и др. Отсутствие конвоя для арестанта спасительно, поскольку практика унижений и избиений заключенных надзирателями характеризуется героем Шаламова как одно из главных испытаний Колымой. В таком свете мотив «бесконвойности» обнаруживается, например, в рассказе «Кант»: *«Работа на стланнике считалась не только легкой, легчайшей работой и при том она была бесконвойной. <...> после щелкающих затворов, лая собак и матерщины смотрителей за спиной работа на*

стланике была огромным, ощущаемым каждым усталым мускулом удовольствием» (Шаламов, 2017, с. 38)¹. В рассказе «Первая смерть» «бесконвойность» – предмет гордости для заключенных: *«<...> сознание своей особенности, бесконвойности для многих было не последним делом, как это ни наивно. Бесконвойное хождение на работу всем по-серьезному нравилось, составляло предмет гордости и похвалы»* (Шаламов, 2017, с. 114).

Арестант, лишенный конвоя, – это и есть обитатель «призонья». Здесь тоже действуют репрессивные механизмы, пусть и в «снятом», ослабленном виде: даже освобождаясь, «лагерник» остается среди «лагерников», рядом с лагерем, на том же Севере, – то есть фактически переходит не в разряд свободных, а всего лишь «бесконвойных» обитателей ГУЛАГа. За колючей проволокой бесконвойность уже не удивляет, но при этом лагерь остается центром советского космоса, а конвой – частью жизненного пространства. Одним из самых сильных эпизодов в сборнике, эксплицирующим такую картину мира, является рассказ «Детские картинки». В нем главный герой находит выброшенную детскую тетрадь с рисунками: *«Это была грозная тетрадь. <...> Люди тетрадки не были ни крестьянами, ни рабочими, ни охотниками – это были солдаты, это были конвойные и часовые с винтовками. Дождевые будки-грибы, около которых юный художник разместил конвойных и часовых, стояли у подножья огромных караульных вышек. И на вышках ходили солдаты, блестели винтовочные стволы. <...> Ребенок ничего не увидел, ничего не запомнил, кроме желтых домов, колючей проволоки, вышек, овчарок, конвоиров с автоматами и синего, синего неба»* (Шаламов, 2017, с. 83-84). В детских рисунках отсутствует детство, – таково влияние мира, целиком подчиненного лагерю. Пространство, в котором обитает юный художник – это мир не лагеря и не тюрьмы, но при этом его нельзя отнести *«к той жизни за синими морями, за высокими горами»* (Шаламов, 2017, с. 98), о которой должен мечтать ребенок.

И все же окружающее лагерь пространство не является самим лагерем. В его окрестностях встречаются диаметрально противоположные по семантике топосы – от жилья бывших заключенных до домов-дворцов высшего руководства. В рассказе «Красный крест» Шаламов обозначает главные черты, отличающие людей, населяющих околولاгерное пространство (или Север вообще, для автора «Колымских рассказов» это практически одно и то же), от

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст источника: Шаламов В.Т. Колымские рассказы. СПб., 2017.

людей «большой земли»: *«Инженеры, геологи, врачи, прибывшие на Колыму по договорам с Дальстроем, развращаются быстро: длинный рубль, закон – тайга, рабский труд, которым так легко и выгодно пользоваться, сужение интересов культурных – все это развращает, растлевает <...> Вот эта развращенность и называется в литературе “зовом Севера”»* (Шаламов, 2017, с. 187). Таким образом, шаламовская гетеротопология околотагерного пространства эксплицирует гетеротопию иную относительно и лагеря, и обычного советского городского топоса.

Собственно тюремной теме в сборнике отведено не так много места. И это оправдано, ведь задача В.Т. Шаламова – воссоздать атмосферу лагеря, существенно отличающуюся от атмосферы тюрьмы. В рассказе «Татарский мулла и чистый воздух» тюрьма описывается именно с этой целью. Рассказчик обращает внимание на огромную разницу двух типов заключения: тюремного и лагерного. Первый, по уверению героя, всеми, кто только готовится к «Золотому сезону» (имеется в виду работа в золотом забое), воспринимается превратно: *«По простоте душевной люди представляли следственную тюрьму самым жестоким переживанием, так круто перевернувшим их жизнь. Именно арест был для них самым сильным нравственным потрясением»* (Шаламов, 2017, с. 106).

Ссылка ложно воспринимается арестантами «первого срока» как возможность уйти от унижений, духоты, скученности камеры. Нарратив недвусмысленно и многократно (даже в границах рассказа) приводит читателя к осознанию несостоятельности этих обманчиво трезвых заключений: *«В лагере для того, чтобы здоровый молодой человек, начав свою карьеру в золотом забое на чистом зимнем воздухе, превратился в доходягу, нужен срок по меньшей мере от двадцати до тридцати дней при шестнадцатичасовом рабочем дне, без выходных, при систематическом голоде, рваной одежде и ночевке в шестидесятиградусный мороз в дырявой брезентовой палатке, побоях десятников, старост из блатарей, конвоя. Эти сроки многократно проверены. <...> Золотой забой непрерывно выбрасывает отходы производства в больницы, в так называемые оздоровительные команды, в инвалидные городки и на братские кладбища»* (Шаламов, 2017, с. 106).

Ключевая интенция рассматриваемого рассказа – обнажить ужас лагеря, который, как ни парадоксально, выглядит чудовищней на фоне тюремного быта, – чудовищней, чем на фоне картины прилагерных поселений. В развязке рассказа Шаламов предоставляет читателю возможность сравнить уже не типы заключений, а взгляды бывших

тюремных арестантов, идеализирующих «чистый воздух» лагеря, и теперь ставших «человеческими отходами забоя»: *«Светлая, чистая, теплая следственная тюрьма, которую так недавно и так бесконечно давно они покинули, всем, неукошительно всем казалась отсюда лучшим местом на земле. Все тюремные обиды были забыты, и все с увлечением вспоминали, как они слушали лекции настоящих ученых и рассказы бывалых людей, как они читали книги, как они спали и ели досыта, ходили в чудесную баню, как получали они передачи от родственников, как они чувствовали, что семья вот здесь, рядом, за двойными железными воротами, как они говорили свободно, о чем хотели <...>, не боясь ни шпионов, ни надзирателей. Следственная тюрьма казалась им свободнее и родней родного дома <...>»* (Шаламов, 2017, с. 110).

Таким образом, тюремная гетеротопия специально отделяется Шаламовым от лагерной. Эти топосы, в восприятии реципиента самые друг к другу близкие, должны быть разведены для того, чтобы не исказить представление о Колыме. «Спасение в лагере – это обретение хоть какого-нибудь места (а это всегда место выживания, и количество их крайне ограничено). В лагере не сидят, это не тюрьма, где каждому есть **свое** место» (выделено авторами. – А.Д., О.С.) [Подорога, 2016, с. 81], – комментирует эту мысль писателя В.А. Подорога.

Надзиратели, товарищи по заключению, условия жизни, суровая природа – это основные функциональные элементы, «населяющие» гетеротопию лагеря, оспаривающие парадигмы обычных советских жизненных пространств. Каждый из них играет свою роль в наказании узника: надзиратели и заключенные бьют, унижают, объедают, отбирают силой; голод и нехватка сна – изматывают; наконец, особое место отводится природе.

Природа Колымы ненавидима рассказчиком и всеми, кого он вводит в повествование. Ненависть вызывает в исправительно-трудовых лагерях все, что призвано, собственно, «исправлять». Экзекуторскими потенциями наделены и северный климат, и ландшафт: эта мысль – один из ключевых аргументов рассказа «Татарский мулла и свежий воздух»: *«Здоровый деревенский воздух они оставили за морем. Здесь их окружал напитанный испарениями болот разреженный воздух тайги»* (Шаламов, 2017, с. 108). В поэтике «Колымских рассказов» эмоциональное отторжение природы – не безумие заключенных, а зеркальный ответ одушевленному Северу: *«И горы, и реки, и болота зимой казались каким-то одним существом, зловещим и недружелюбным»* (Шаламов, 2017, с. 108).

Природа тоже казнит, в первую очередь – при помощи чудовищного климата. Чтобы показать крайнее отчаяние положения, Шаламову даже не приходится эмотивно нарушать строгость стиля: *«если воздух при дыхании выходит с шумом, но дышать еще не трудно – значит, сорок пять градусов; если дыхание шумно и заметна одышка – пятьдесят градусов. Свыше пятидесяти пяти градусов – плевки замерзают на лету. Плевки замерзли на лету уже две недели»* (Шаламов, 2017, с. 17). Конечно, холод убивает: *«Вверху было теплее, но и там за ночь волосы примерзали к подушке <...> Сосед его умер вчера, просто умер, не проснулся <...>»* (Шаламов, 2017, с. 17-18).

Еда или ее отсутствие – другой значимый мотив «Колымских рассказов». Он присутствует повсеместно: гастрономические сны главного героя, диалоги о еде, описания приемов пищи с неизменным повторением главного наблюдения: хлеб в лагере и есть зрелище (*«<...> не было ни в ком такой могучей воли, которая помогла бы отвести глаза от пищи, исчезающей во рту другого человека»*) (Шаламов, 2017, с. 13)). Апогея мотив голода достигает в рассказе «Сухим пайком», где героям предоставлен скудный запас еды, который они сами должны разделить на десять дней. Ситуация из пространства естественного, «нормального» быта, нетипичная для лагерной гетеротопии – самостоятельное планирование питания, – вызывает у героев новый, незнакомый ужас и оказывается очередным наказанием.

Голод героев не тотальный, не случайный, не результат чьей-то ошибки – он запланирован, и еда поступает скудно, но систематически. В этом смысле реальность лагерного быта противопоставлена гастрономической реальности советского мира «большой земли» достаточно явно: все продовольственные катастрофы сталинского периода в какой-то момент были отмечены полным лишением пищи. Это рождало порой девиацию, лагерному голоду, как правило, не присущую: «Обжорство, порожденное голодом, или обжорство, порожденное страхом перед голодом, – разница, в общем-то, несущественная. В период продрозверстки, а потом и в период создания колхозов в деревнях разыгрывались почти древнеримские пиршественные оргии» [Куляпин, Скубач, 2015, с. 114].

Труд – самая ненавидимая и внимательно разбираемая в сборнике особенность лагеря. Отличие положения труда у лагерников от его статуса в «стране Советов» более чем прозрачно. А.К. Гастев, теоретик Пролеткульта, создатель образа «механического пролетария», писал: «Мы проводим на работе лучшую часть своей жизни. Нужно же научиться так работать, чтобы работа была легка и чтобы она была постоянной жизненной

школой» [Гастев, 2011, с. 28]. Такой идеализированной точке зрения на труд противостоит точка зрения Шаламова, наиболее последовательно сформулированная автором в рассказе «Сухим пайком»; комментируя размещенный на лагерных воротах сталинский лозунг «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства», писатель замечает: *«Говорят, что на воротах немецких лагерей выписывалась цитата из Ницше: “Каждому свое”. Подражая Гитлеру, Берия превзошел его в циничности»* (Шаламов, 2017, с. 49-50). Эта формула, осуждающая фразу на фронтонах лагерных ворот как циничную, упоминается в различных вариациях как минимум трижды на страницах «Колымских рассказов», что позволяет предельно усилить главную мысль: *«лагерь был местом, где учили ненавидеть физический труд, ненавидеть труд вообще»* (Шаламов, 2017, с. 50).

Пенитенциарное пространство – всегда гетеротопия в том смысле, что оно представляет собой искаженную версию тех социальных практик, которые носитель культурного сознания воспринимает как обычные. Место заключения невозможно представлять изолированно, в отрыве от условно понимаемой нормы, в сравнении с которой оно, конечно, и выглядит пугающе: пенитенциарий является антимиром в той степени, в какой можно помыслить мир привычный. Однако советская пенитенциарная система, создававшаяся в 1920-е годы, должна была стать другой: планировалось, что она будет не инверсией нормы, но ее продолжением, возможно, даже улучшенным ее вариантом. Первый советский исправительно-трудовой лагерь – печально знаменитый СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения) – задумывался как место спасения заблудших душ, – заблудившихся, конечно, не в духовных, а в социальных хитросплетениях нового мира; в определенном смысле он продолжал оставаться тем, чем был до революции 1917 года – монастырем. Но не только: журнал «Соловецкие острова», официальный орган управления лагерем, издававшийся в 1924-1930 годы, старательно рисует картину скорее курорта, а не обители, и уж тем более не тюрьмы: здесь организуется правильная, научно подкрепленная система питания для заключенных; строится целый больничный комплекс, способный обеспечить всеобщее здоровье обитателей лагеря; силами заключенных ведутся научные изыскания, в частности, в области социальных девиаций и способов их исправления (!); есть свой театр, литературная студия, оперный кружок, и даже

симфонический оркестр¹. Как известно, утопия не состоялась: уже к концу 1920-х годов само слово «Соловки» вызывало у современников ужас, который, будучи перенесенным на всю конструкцию ГУЛАГа, лишь усиливался с течением времени. Попытка приблизить пространство пенитенциария к пространству повседневности обернулась тем, что именно повседневность приблизилась к пенитенциарию: лагерь 1930-х – начала 1950-х годов претендует на то, чтобы подменить собой норму, и становится точкой отсчета, «нулевым километром» всего советского космоса.

В. Шаламов, бесценный наблюдатель с богатым лагерным опытом (писатель впервые был арестован в 1929 году; в Севвостлаге на Колыме провел 20 лет, с 1936 года по 1956 год), именно здесь находит важнейшее качество советской лагерной системы: все ее отличительные особенности, связанные с человеческими отношениями, бытовыми деталями и пр., представляют собой искаженные посредством репрессивной функции аспекты «нормальной», повседневной жизни, однако трансформация далеко выходит за пределы лагерного топоса. В различной степени лагерь воздействует на все уровни советского пространства, наделяя его свойствами антимира; в той ли иной пропорции весь сталинский космос является Колымой. В этом смысле советский лагерь является гетеротопией – «другим пространством», – возможно, не столько по отношению к внелагерному пространству, миру «большой земли», сколько по отношению к обычным практикам наказания, – главным образом, к тюрьме. В художественном мире Шаламова, пожалуй, именно тюрьма располагается ближе всего к понятию нормы; это один из главных парадоксов гетеротопологии пенитенциарного пространства, созданной писателем в «Колымских рассказах».

Литература

- Гастев А.К. Как надо работать: Практическое введение в науку организации труда // Советский производственный менеджмент. М., 2011.
- Гинзбург Е.С. Крутой Маршрут: хроника времен культа личности. М., 2008.
- Куляпин А.И., Скубач О.А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М., 2013.
- Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 1999.
- Подорога В.А. ГУЛАГ в уме: наброски и размышления // Досье на цензуру. Страна и ее заключенные. 1999. № 7-8.

¹ См.: Соловецкие острова. 1925. № 9; 1926. № 5-6; 1926. № 7.

Подорога В.А. Дерево мертвых: Варлам Шаламов и опыт ГУЛАГа (опыт отрицательной антропологии) // Политическая концептология. 2016. № 3.

Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3. М., 2006.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

Харламов Н. Гетеротопии: Странные места в городских пространствах постгражданского общества // Синий диван. 2010. № 15.

Список источников

Шаламов В.Т. Колымские рассказы. СПб., 2017.

References

Gastev A.K. *Kak nado rabotat': Prakticheskoe vvedenie v nauku organizatsii truda* [How to Work: A Practical Introduction to the Science of Labor Management]. In: *Sovetskiy proizvodstvennyy menedzhment* [Soviet Production Management]. Moskva, 2011.

Ginzburg E.S. *Krutoy Marshrut: khronika vremen kul'ta lichnosti* [Steep Route: Chronicle of the Times of the Cult of Personality]. Moskva, 2008.

Kulyapin A.I., Skubach O.A. *Mifologiya sovetskoj povsednevnosti v literature i kul'ture stalinskoj epokhi* [The Mythology of the Soviet Everyday Life in the Literature and Culture of the Stalin Era]. Moskva, 2013.

Mandel'shtam N. *Vospominaniya* [Memories]. Moskva, 1999.

Podoroga V.A. *GULAG v ume: nabroski i razmyshleniya* [GULAG in the Mind: Sketches and Reflections]. *Dos'e na tsenzuru. Strana i ee zaklyuchennye*. [Dossier on Censorship. The Country and Its Prisoners]. 1999. No. 7-8.

Podoroga V.A. *Derevo mertvykh: Varlam Shalamov i opyt GULAGa (opyt otritsatel'noy antropologii)* [The Tree of the Dead: Varlam Shalamov and the GULAG Experience (Negative Anthropology Experience)]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology]. 2016. No. 3.

Foucault M. *Drugie prostranstva* [Other Spaces]. In: Foucault M. *Intellektualy i vlast'. Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. Chast' 3* [Intellectuals and Power. Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Pt 3]. Moskva, 2006.

Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Supervise and Punish. The Birth of the Prison]. Moskva, 1999.

Kharlamov N. *Geterotopii: Strannye mesta v gorodskikh prostranstvakh postgrazhdanskogo obshchestva* [Heterotopes: Strange Places in Urban Spaces of Post-Civil Society]. *Siniy divan* [Blue Sofa]. 2010. No. 15.

List of sources

Shalamov V.T. *Kolymskie rasskazy* [Kolyma Stories]. Sankt-Petersburg, 2017.

ФИЛОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

АЛТАЙСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ОБ ИТОГАХ РАБОТЫ ВОСЬМОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.М. ШУКШИНА (13–15 ИЮНЯ 2019 ГОДА, АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Г. БАРНАУЛ)

DOI 10.14258/filichel(2019)3-17

13 июня 2019 года в читальном зале библиотеки им. Б.Н. Ельцина Алтайского государственного университета начала работу Восьмая международная научно-практическая конференции, посвященная 90-летию со дня рождения В.М. Шукшина.

Соучредителями конференции выступили Управление по культуре и архивному делу администрации Алтайского края, Алтайский государственный университет, кафедра общей и прикладной филологии, литературы и русского языка факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии.

В соответствии с традициями конференции основным объектом изучения исследователей являются не опубликованные и не известные специалистам многочисленные документальные источники, запечатлевшие разнообразные аспекты региональной культуры.

Для обсуждения проблем, связанных с изучением регионального текста, участникам конференции были предложены следующие темы:

- Региональный текст в литературе и культуре
- Творчество Г.Д. Гребенщикова
- Творчество В.М. Шукшина
- Алтай в музыке
- Алтай в живописи
- Алтай в литературном и культурном пространстве Сибири
- Лингвистические аспекты алтайского текста
- История культуры Алтая
- Современная литература Алтая
- Современная публицистика Алтая
- Военная тема в алтайском тексте
- Достоевский и Сибирь.

Заявки на участие в конференции прислали более 70 исследователей из России, Азербайджана, Казахстана, Китая, Израиля. Более 40 ученых – филологов, искусствоведов, историков из высших и средних специальных учебных заведений, музеев, библиотек городов Барнаула, Горно-Алтайска, Кемерово, Красноярска, Новокузнецка, Новосибирска, Томска, Омска, Рубцовска, Санкт-Петербурга, Саратова, Уфы (Россия), Тяньцзиня (Нанькайский университет, Китай), Пекина (Пекинский педагогический университет, Китай), Павлодара (Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Казахстан), Усть-Каменогорска (Казахстан), Рамата-Гана (Бар-Иланский университет, Израиль) представили свои доклады и приняли участие в дискуссии в ходе работы конференции.

С приветственным словом к участникам конференции обратились врио ректора Алтайского государственного университета, доктор экономических наук С.Н. Бочаров; декан факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии, кандидат филол. наук С.А. Мансков; заведующий кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, доктор филол. наук Т.В. Чернышова; ветеран Алтайского государственного университета, один из основателей литературоведческого направления исследований творчества В.М. Шукшина на Алтае, доктор филол.н., проф. С.М. Козлова; организатор и вдохновитель нынешней конференции, проф., доктор филол. н. М.П. Гребнева, принявшая эстафету поколений от кандидата филол. наук, доцента Т.Г. Черняевой – основателя научного семинара, посвященного изучению творчества Георгия Гребенщикова.

Доклады, прозвучавшие на пленарном заседании, были посвящены актуальным проблемам изучения регионального текста, а также различным аспектам отражения сибирской тематики в творчестве известных русских писателей и в научной деятельности современных отечественных исследователей.

Несколько докладов в преддверии юбилея кинорежиссёра, актёра, сценариста и писателя В.М. Шукшина было посвящено актуальным аспектам изучения его творчества.

Профессор АлтГУ С.М. Козлова выступила с докладом, в котором на примере творчества В.М. Шукшина и И.Ф. Жданова предложила осмысление землячества как эстетической проблемы. Декан факультета русского языка Нанькайского университета (Китай) профессор Ван Лидань рассказала о мотиве несостоявшейся любви в рассказе В. Шукшина «Осенью». Профессор кафедры русской филологии Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова (Казахстан) О.А. Иост предложила вниманию собравшихся доклад о художественном методе В.М. Шукшина. Профессор кафедры медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета Н.С. Цветова в докладе поделилась своими размышлениями о границах ментального пространства В.М. Шукшина-художника (выступление транслировалось по скайпу).

А.Ю. Горбенко, канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева в своем докладе обратился к осмыслению

«литературных юбилеев» Георгия Гребенщикова как инструмента формирования литературной репутации и персональной мифологии (выступление транслировалось по скайпу).

Доктор филологических наук, профессор Национального исследовательского Томского государственного университета Н.Е. Никонova поделилась с собравшимися своими исследованиями истории русской переводной литературы на материале периодики Сибири и других регионов Российской империи. Доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета А.И. Куляпин выступил с докладом на тему «Образ Алтая в рассказе В. Бианки “Она”». Доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета В.А. Должиков в своем докладе представил образ Алтая в метафорах областническо-народнической публицистики.

Обсуждение актуальной тематики, связанной с изучением региональной культуры, языка и литературы, продолжилось на заседаниях четырех секций.

На секции «Ф.М. Достоевский и В.М. Шукшин в современном мире» было заслушано 7 докладов, в том числе доклад старшего научного сотрудника Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского (г. Новокузнецк) И.В. Миревич «Сибирь – “Земля благословенная”. Значение вступительного слова героя-издателя для создания образа Сибири в “Записках из Мертвого дома” Ф.М. Достоевского», прозвучавший в записи, предоставленной автором.

Доклады участников секции вызвали большой интерес присутствующих и были посвящены различным аспектам изучения художественных текстов В.М. Шукшина.

Профессор АлтГУ Т.В. Чернышова рассказала о композиционно-стилистических средствах гармонизации публицистического дискурса на материале В.М. Шукшина «Только это не будет экономическая статья». Профессор АлтГУ В.В. Десятков в своем докладе на материале романа Алексея Слаповского «Участок» обсудил шукшинские реминисценции из таких произведений В.М. Шукшина, как «Калина красная», «Мой зять украл машину дров!», «Степка», «Охота жить», «Материнское сердце», «Сапожки». Профессор АлтГУ Д.В. Марьин в докладе представил в жанровом аспекте анализ писем В.М. Шукшина («письмо вождю») к высокопоставленным советским чиновникам. Доцент АлтГУ И.Ю. Качесова, размышляя о парадоксальности дискурса В.М. Шукшина, высказала предположение, что даже в своей прозе этот многогранный художник был в первую очередь кинорежиссером и только во вторую – прозаиком. Доцент кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета Я.П. Изотова уделила внимание особенностям детских образов в рассказах Шукшина, остановившись на рассказе «Далекие зимние вечера». Учитель русского языка и литературы Рубцовской районной школы №1 Алтайского края Т.А. Дидусенко поделилась опытом работы с учащимися по изучению творчества В.М. Шукшина, отметив, что самую живую реакцию ребят вызывают рассказы «Космос, нервная система и шмат сала», «Из детских лет Ивана Попова», а также повесть-сказка «До третьих петухов». Все заслушанные доклады отличались новизной поставленной проблематики,

отражающей актуальность творчества В.М. Шукшина для современной культуры и литературы России в целом.

На секции «Творчество Г.Д. Гребенщикова» было заслушано 5 докладов. Свои разработки на материале творчества самобытного русского писателя представили архивариус Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (Казахстан, г. Усть-Каменогорск) И.В. Дурново, посвятившая доклад обнаруженным недавно письмам Г.Д. Гребенщикова к А.Н. Белослюдову, которые открывают новые возможности датировки и атрибуции первых переводов Гребенщикова и его публицистической деятельности в 1910-е гг. Доклад доктора филол. наук, профессора АлтГУ В.Н. Карпухиной содержал анализ очерка Г.Д. Гребенщикова «Сказка-быль» (из книги «Алтай – жемчужина Сибири») и его авторского перевода на английский язык. В частности, рассматривались изменения аксиологических приоритетов автора очерка в ситуации ориентированности на русскоязычного или англоязычного читателя и результаты прагматической адаптации текста автоперевода. В докладе аспиранта филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета Е.В. Масяйкиной сквозь призму теоретических знаний об английской и русской литературной сказке рассматривались проблемы англоязычного творчества Г.Д. Гребенщикова, были сделаны интересные выводы о стилистических особенностях текстов Гребенщикова на английском языке, которые только недавно стали предметом рассмотрения литературоведов. Доклад кандидата культурологии, доцента, зав. кафедрой теории, истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета Е.Е. Тихомировой был своего рода продолжением научного диалога участников предыдущей, 7-й конференции «Алтайский текст в русской культуре», состоявшейся два года назад. Тема доклада Е.Е. Тихомировой – «Концепт труд в творчестве Г.Д. Гребенщикова» – возникла как продолжение дискуссии прошлых лет, и данный концепт, являющийся одним из ключевых в текстах Гребенщикова, был представлен сквозь призму русской паремиологии и русской языковой картины мира. В докладе кандидата филологических наук доцента Горно-Алтайского государственного университета Т.П. Шастиной были раскрыты новые детали образа Г.И. Гуркина в очерках Г.Д. Гребенщикова разных лет. Обнаруженная в архиве первая редакция одного из самых известных гребенщиковских очерков о Гуркине (1911 год), которая была переработана в 1940-е годы уже в США, в эмиграции, позволила переосмыслить интерпретацию образа алтайского художника и писателя в более поздних работах Гребенщикова.

Работа секции была интересной и плодотворной, обсуждение творчества Г.Д. Гребенщикова на русском и английском языках, его эпистолярного и публицистического наследия привело всех участников дискуссии к постановке новых научных проблем, которые, возможно, станут темой для выступлений на следующих конференциях по «алтайскому тексту» в русской культуре.

Участники секции (практически все они были гостями Алтайского государственного университета) выразили особую благодарность

организаторам конференции за полученную возможность выступления перед аудиторией единомышленников, работающих в области исследования алтайского и – шире – сибирского текста русской литературы.

На заседании секции «Алтай в литературном и культурном пространстве Сибири» было прочитано 11 докладов.

Доклад профессора кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета М.П. Гребневой был посвящен исследованию поэтики рассказа Ст. Исакова «Горный дух». Доцент Алтайского государственного педагогического университета О.И. Плешкова рассказала собравшимся о фольклорно-мифологической основе повести-сказки Ю.А. Нифонтовой «Ермошка Добродей и волшебные часы».

Доцент кафедры русского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета Э.П. Чинина привлекла внимание аудитории к теме «Река Катунь в литературных опытах художника Г.И. Гуркина: реальность и миф». Совместный доклад старшего научного сотрудника Горно-Алтайского государственного университета доцент Т.П. Шастиной и доцента Э.П. Чининой был посвящен теме поездки на Алтай как курортному сюжету на материале томской губернской периодики.

В числе докладчиков этой секции – наибольшее число молодых исследователей: магистрантов и аспирантов разных вузов, представивших свои исследования наряду с маститыми учеными. С большим интересом присутствующие выслушали доклады молодых исследователей: аспиранта АлтГУ О.Н. Красновой, представившей исследование на тему «Ассоциации лирического героя в алтайском поэтическом военном тексте»; аспиранта Алтайского государственного педагогического университета А.В. Лобачевой (тема выступления – «Жанровые вариации в литературной сказке Е.Бывовой “Большое приключение маленькой девочки”»); магистранта Алтайского государственного университета Л.К. Голоноягиной, подготовившей сообщение по теме «Алтай в живописи»; магистрантов Алтайского государственного педагогического университета Я.В. Будянской (тема сообщения – «Игровая поэзия алтайских авторов в кругу чтения младших школьников»); П.С. Ефимова, выступившего с сообщением на тему «Рассказы о животных в творчестве писателей Алтайского края», и И.А. Чистяковой, представившей свое исследование трансформации жанра летописи на материале книги алтайского писателя И.В. Булаха «Медовый спас».

На секции «Региональный текст» в литературе и культуре» прочитано и обсуждено 6 докладов. Кандидат филологических наук, доцент Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета) В.В. Трубицына в своем докладе на примере песни «Жаль мне тройку вороную, жаль Ванюшку-ямщика», записанной в Кемеровской области, остановилась на вопросе о влиянии жанрового канона «ямщицкой» литературной песни на фольклор. Заместитель директора по научной работе МАУК «Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского» (г. Новокузнецк) Е.Д. Трухан представила свои научные изыскания по вопросу фольклорно-этнографической деятельности Валентина Фёдоровича Булгакова

(1886–1966). Ассистент кафедры русского языка и методики его преподавания Красноярского государственного университета им. В.П. Астафьева Н.А. Вальянов рассказал об отражении «сибирского текста» в художественной поэтике Михаила Тарковского.

Лингвистическая составляющая в исследовании современного регионального текста была представлена в докладах кандидата филол. наук доцента АлтГУ Е.Г. Гусар, проанализировавшей традиции и вызовы современности на примере моделирования стиля жизни в алтайских медиатекстах; научный сотрудник Отдела краеведения КГУ «Централизованная библиотечная система имени Оралхана Бокея» акимата г. Усть-Каменогорска (Казахстан) И.Б. Каланчина обратилась к проблемам ономастики на материале региональных текстов Н.А. Петровского и В.А. Рыбакова.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги конференции, отмечен высокий научный уровень докладов, разнообразие и актуальность рассмотренной проблематики и ее новизна. Принято решение очередную, девятую научно-практическую конференцию «Алтайский текст в русской культуре» провести на базе Алтайского государственного университета в 2021 году.

По материалам конференции планируется издание сборника научных материалов «Алтайский текст в русской культуре», который будет зарегистрирован в РИНЦ.

Чернышова Т.В.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Н.Н. Шпильная. Деривационно-интерпретационный процесс и его следствия при объяснении языковых явлений в системе русского языка. Предлагается новая концепция языка как интерпретационно-деривационного механизма, обуславливающего взаимодействие тенденций к интерпретируемости и воспроизводству / производству языковых знаков.

Предмет исследования в статье – деривационно-интерпретационный процесс и его следствия при объяснении языковых явлений в системе русского языка. Предполагается, что деривационно-интерпретационный процесс нейтрализует противопоставление языка и речи. При этом переход от языка к речи осуществляется благодаря действию механизма интерпретации, коррелирующего с правилами трансформации языковых единиц и / или с прагматическим фокусом носителя языка, актуализирующим различные эмоциональные коннотации языковых единиц.

Анализируются следствия действия деривационно-интерпретационного процесса на фонетическом (фонологическом), лексическом, словообразовательном, морфонологическом, морфологическом, синтаксическом и текстовом уровнях языковой системы.

N.N. Shpilnaya. Derivational-interpretative Process and Its Consequences, while Explaining Linguistic Phenomena in the Russian Language System. The author of the article offers a new concept of language as an interpretative-derivational mechanism, which determines the interaction of tendencies to interpretability and reproduction / production of linguistic signs.

The subject of the research is derivational-interpretative process and its consequences, while explanation of linguistic phenomena in the Russian language system take place. The derivational-interpretative process is

believed to neutralize the language and speech opposition. At the same time, the transition from language to speech is carried out due to the interpretation mechanism which correlates with the rules of transformation of language units and/or with the pragmatic focus of a native speaker, actualizing various emotional connotations of language units.

The article analyzes the consequences of the derivational-interpretative process at the phonetic (phonological), lexical, derivational, morphonological, morphological, syntactic and textual levels of the language system.

О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина **Актуализация материнского языка в речи современного сельского жителя.** В статье обосновывается правомерность привлечения в качестве информанта современного сельского жителя, представляющего собой особый тип языковой личности с развитым метаязыковым сознанием, речь которого характеризуется сознательной актуализацией материнского говора. Показателями развитого метаязыкового сознания информанта служат оценочные характеристики говора, констатация объединяющего начала материнского языка, выполняющего функцию скрепы сельского коллектива, сожаление по поводу размывания диалекта, осознание невозможности реконструкции местного говора в его архаическом состоянии, а поэтому важности сбора диалектного языкового материала с целью сохранения диалекта как части традиционной народной культуры. Метаязыковое сознание также проявляется в комбинации коммуникативных регистров в речи информанта. В статье анализируются диалектные слова и фразеологизмы, ранее не зарегистрированные в словарях кубанских говоров, а также приводятся авторские контексты, в которых информант демонстрирует функционирование диалектных единиц в речи.

O.G. Borisova, L.Y. Kostina. Actualization of Mother Tongue in the Speech of a Contemporary Village Inhabitant. This article provides grounds for legitimacy of attracting a contemporary village inhabitant in the capacity of an informant. A contemporary villager represents a particular type of a language personality who has a developed metalinguistic consciousness. His speech is characterized by conscious actualization of the mother sub-dialect. The markers of a developed metalinguistic consciousness of an informant are the following ones: estimating characteristics of a sub-dialect, ascertaining as a unifying foundation of the mother tongue which serves as a unifying force in a village group of people; feeling of regret about dialect disunity, awareness of impossibility to

reconstruct local sub-dialect in its archaic form, and for this reason, the importance of collecting dialectic linguistic material for the purpose of preserving a dialect as a part of traditional folk culture. The metalinguistic consciousness is also represented by a combination of communication registers in the informant's speech. The article analyzes sub-dialect words and phraseological units, previously unregistered in dictionaries of Kuban sub-dialects, as well as provides the author's contexts, where the informant demonstrates functioning of dialectic units of speech.

В.А. Голянская, Н.В. Мельник. Стратегии и тактики политической манипуляции в СМИ. В статье представлены результаты исследования, выполненного на стыке лингвополитологии, лингвопрагматики, теории обыденного языкового сознания, интернет-лингвистики, стилистики и теории текста и посвященного изучению стратегий и тактик манипуляции массовым сознанием в виртуальных средствах массовой информации. Материалом исследования послужил текст политической новости «Путин подписал закон о свободном сборе валежника» с сайта Lenta.ru и интернет-комментарии к нему. Проведенное исследование позволило выявить, что автор выбирает стратегию манипуляции массовым сознанием читателя, но реализует ее с помощью разных тактик, что подтверждается лингвостилистическим анализом исходного текста. Доказательства того, что большинство читателей подверглось манипулятивному влиянию, содержатся в интернет-комментариях к данной новости. С целью подтверждения наличия манипулятивной функции исходного текста были проанализированы комментарии к новости, результаты их интерпретации подтверждают то, что читатели приняли позицию автора и ретранслировали ее с помощью ироничных, саркастичных, грубо-просторечных выражений и жаргонизмов.

V.A. Golyanskaya, N.V. Melnik. Strategies and Tactics of Political Manipulation in the Media. The article presents the results of a study conducted at the bases of linguistics, linguopragmatics, the theory of ordinary language consciousness, Internet linguistics, stylistics and the theory of the text. The research is devoted to studying the strategies and tactics of manipulation of mass consciousness in the virtual media. The material of the study is the text of the political news *Putin Signed the Law on the Free Collection of Dead-wood* from the Lenta.ru and Internet comments on it. The study reveals that the author follows the strategy of manipulation of the readers' mass consciousness and implements it through of different tactics. It is confirmed by linguistic and stylistic analysis of the source text. The prove that most of the readers are subjected to the

manipulative influence becomes evident from the online comments on this news. The comments on the news are analyzed in order to confirm the fact that the source text possesses some manipulative function. The results of their interpretation prove the idea that the readers accept the author's point of view and retransmit it with help of ironic, sarcastic, rough-colloquial expressions and jargon.

Д.А. Шляховой. Коммуникативные стратегии и способы выражения языковой личности блогера (на материале немецкой военной блогосферы). В статье блог-дискурс рассматривается с коммуникативной позиции. Явление блоггинга и микроблоггинга, по нашему мнению, наиболее точно отражает все самые четкие маркеры интернет-дискурса – мультимедийность, виртуальность среды, интерактивность, гипертекстуальность, креолизованность текстов и диалогичность. Речевое взаимодействие блогеров сохранено в глобальной сети, что открывает нам возможность беспрепятственного анализа письменной разговорной речи. Особенности языковой личности немецкого военного блогера отражаются в его коммуникативных намерениях, вербализованных в различных ситуациях общения. Приводятся результаты анализа наиболее частотных коммуникативных стратегий блогеров немецкого сегмента Instagram с учетом семантики и лексико-грамматических особенностей текстов постингов и комментариев к ним в виртуальном дискурсивном пространстве одной социальной группы – военных блогеров. Проведенное исследование позволяет сформировать представление о ценностной картине мира немецких военных блогеров, о типичных для них ситуациях общения, моделях речевого воздействия на адресата, структуре их социального взаимодействия, лексико-грамматических особенностях употребления ими языковых средств. Полученные в ходе исследования результаты будут использованы при формировании обобщенного речевого портрета немецкого военного блогера.

D.A. Shliakhovoi. Communicative Strategies and Ways of Expressing the Blogger's Language Personality (Based on the German Military Blogosphere). This article describes blog discourse from a communicative point of view. The phenomenon of blogging and microblogging seems to most accurately reflect all the markers of Internet discourse, such as multimedia, virtuality of environment, interactivity, hypertextuality, creolized texts and dialogueness. The speech interaction of bloggers is stored in a written form in the global network, which provides a possibility of a thorough analysis of written colloquial speech. The peculiarities of the language personality of a German military blogger are

reflected in his communicative intentions, verbalized in various situations of communication. The results of the analysis make it possible to speak about the most frequently used communicative strategies of the German segment Instagram bloggers. The analysis is focused on semantic and lexical composition of posts and comments on them in the virtual discursive space of one social group – military bloggers. The conclusion is the following one: there can be formed an idea about German military bloggers worldview, typical situations of their communication, patterns of speech impact on the recipient, structure of their social interaction, lexical and grammatical features of their language / speech. The results of the research can be used in a generalized description of the German military blogger speech personality.

В.М. Егодурова. Лексика монгольского календарного времяисчисления в русскоязычном романе М.И. Жигжитова «Год белой курицы». Статья посвящена выявлению в романе, написанном на русском языке, особенностей в изображении картины мира Монголии на материале языковых единиц, обозначающих восточное летоисчисление и времяисчисление, употребленных в переводе на русский язык (*год белой курицы, год синей мыши, год белой свиньи, год синей собаки, год черной коровы, год желтой овцы; час змеи, час лошади, час быка*). Определена значимость времени в структуре романа, наполненного переломными историческими событиями в жизни страны. В ходе анализа выявляются культурологическое значение времени и дается лингвистическое описание рассматриваемых единиц. Отмечается, что культурологическая восточная семантика названий годов и суточного времени не имеет эквивалентов в русском языке. Выявлено, что обозначение времени в романе единицами восточного летоисчисления и времяисчисления открывает перед читателем картину происходивших событий в контексте семантики восточного восприятия времени с учетом мировоззрения монголоязычных народов. Путем использования единиц восточного летоисчисления и времяисчисления, имеющих особенное смысловое содержание в менталитете монголоязычных народов, автор сумел передать в русскоязычном романе фрагмент монгольской картины мира, отражающей время.

V.M. Egodurova. Lexis of the Eastern Calendar Time in the Russian-language Novel by M.I. Zhigzhitov *Year of the White Chicken*. The article is devoted to the identification of peculiarities in the depiction of the world image of Mongolia in the Russian-language novel on the material of linguistic units denoting eastern chronology and calendar, used in the Russian translation (*year of a white chicken, year of a blue mouse, year of a*

white pig, year of a blue dog, year of a black cow, year of a yellow sheep; hour of a snake, hour of a horse, hour of a bull). The significance of time is defined in the structure of the novel which describes some crucial historical events in the history of the country. While analysing the text, the author reveals culturological significance of time and gives description of the linguistic units under study. Culturological eastern semantics of the names of the years and daily time is supposed to have no equivalents in the Russian language. The author states that denotation of time in the novel, provided by lexical units of the eastern chronology and calendar, gives the reader a picture of the events which take place in the context of eastern perception of time semantics, according to the worldview of Mongol-speaking peoples. By using the units of Eastern chronology and calendar, which have a peculiar semantic content in the mentality of Mongolian-speaking peoples, the author manages to convey a time reflecting fragment of the Mongolian world image in the Russian-language novel.

Е.И. Абрамова. Лингвокультурный потенциал дендронима *oak* и англо-кельтский символизм дуба. В статье рассматривается исторически сложившийся символизм дуба в общеевропейской, кельтской и английской культурах, и сопоставляется дендрообраз с дендронимом как его языковым воплощением. Описываются символизм леса, дерева и дуба, связанный с тотемизмом, изоморфизмом человека и дерева, эзотеризмом. Выявляется культурный потенциал дендронимов как средства передачи информации о взаимоотношениях человека и природы, мировоззрении, нравственно-духовных традициях и опыта народа. Отмечается вклад дендронима *oak* как языкового знака в английскую антропонимию и топонимию. Анализ фразеологизмов, в том числе паремий, с компонентом *oak* в современном английском языке позволяет выявить следующие черты дендрообраза: прочность, долговечность, негибкость, неповоротливость, консервативность, статусность, храбрость, мудрость, мистицизм, медиация, закрытость, непроницаемость, мерило, положение в мире флоры и фауны. Полученные данные в целом согласуются с образом дуба в кельтский период и свидетельствуют об устойчивости символизма дуба. Специфичность некоторых черт образа дуба в английской лингвокультуре обязана важным внеязыковым событиям и явлениям в Англии.

E.I. Abramova. Linguocultural Potential of the Dedronym *Oak* and English-Celtic Oak Symbolism. The article considers the historical aspects of oak symbolism in European, Celtic and English cultures to

correlate the image of the oak and the dendronym as its language representation. The paper describes the symbolism of the forest / wood, the tree and the oak, with its inherent totemic, esoteric and man-tree isomorphic character. The cultural potential of the dendronym is to transmit information about coexistence of human beings and nature, about the world view, ethical, moral traditions and background of the ethnos. The dendronym *oak* contributed significantly into English anthroponomical and toponymical systems. The lingvocultural analysis of idioms with the oak-component reveals the following characteristics of the oak in the English world view: strength, longevity, rigidity, slowness, conservatism, status, bravery, wisdom and knowledge, mysticism, mediation, closeness, tightness, measure, status in the natural world. The data obtained correlate with the ancient and medieval Celtic image of the oak, which indicates the stability of the oak symbolism. The specific features of the oak symbolism in the English culture are attributed to the crucial extra-linguistic events and phenomena in England.

Е.Ю. Сафронова. «Дядюшкин сон»: проблема жанра произведения Ф.М. Достоевского. В статье рассматривается проблема жанрового своеобразия первого написанного после каторги произведения Достоевского «Дядюшкин сон». Оно является глубоко новаторским с точки зрения жанровой природы, сочетает в себе элементы разных литературных родов, наследует различные литературные традиции. Более того, это не просто синтез, а интерференция жанромодулирующих кодов летописи, комической повести, трагедии, комедии, фарса и водевиля. Включая в жанровый диапазон «Дядюшкина сна» различные модификации драмы и эпоса, Достоевский показывает сложность и неоднозначность стихии самой жизни, в которой даже талантливого автору или режиссеру невозможно предугадать финал. В заголовке Достоевский опирается на два претекста: комедию В. Шекспира «Сон в летнюю ночь» и трагикомедию П. Кальдерона «Жизнь есть сон», одновременно вступая в диалог с предшественниками. В результате анализа автор приходит к выводу о синкретичности жанровой природы художественного текста Достоевского, построенного на совмещении различных жанровых традиций и пародировании слабых сторон каждого жанра.

E.Yu. Safronova. *Uncle's Dream: on the Problem of Genre Definition of the Work by F. Dostoevsky.* The article deals with the problem of genre of F. Dostoevsky's work *Uncle's Dream*, which was the first one written after his imprisonment at pentl servitude. It is new from the point of view of genre. The work combines elements of different literary

genera and follows various literary traditions. Moreover, it is not just a synthesis, but a kind of mutual penetration of genre-modulating codes of chronicle, comic story, tragedy, comedy, farce and vaudeville. Including various modifications of drama and epos in the *Uncle's Dream* genre range, F. Dostoevsky shows the complexity and uniqueness of life itself, where even a talented author or a director cannot predict the final. In the title, F. Dostoevsky relies on two pretexts: W. Shakespeare's comedy *A Midsummer Night's Dream* and the tragedy by P. Calderon *Life is a Dream*, at the same time conducting a dialogue with the predecessors. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion about the syncretism of the genre nature of Dostoevsky's artistic text, which is built on the combination of various genre traditions and parodying weaknesses of each genre.

Т.А. Богумил. Образ Барнаула в поэзии барнаульцев. Статья тематически принадлежит актуальному в литературоведении направлению изучения городских «сверхтекстов». Предмет исследования – литературный образ г. Барнаула, столицы Алтайского края. Материал для анализа – лирика ведущих барнаульских поэтов, в которой объектом писательской рефлексии является город в исторической перспективе и современной данности. Методологической основой статьи выступают исследования «городских текстов» представителей тартуско-московской семиотической школы (В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана) и их современных последователей. Анализ стихотворений о Барнауле позволил выявить два базовых принципа построения текста о городе: историко-краеведческий и психологический. Описаны исторически, географически, психологически, биографически конкретные реализации универсальных образных конструкций городского текста (город-человек, книга, центр мира, ад, города-двойники) и, в частности, провинциального текста (оппозиция «столица – периферия»). Обозначена специфика авторских городских текстов М.И. Юдалевича и, в большей степени, Н. Николенковой в контексте местной лирики. Сформулирован семантический ореол города, создаваемый языковой игрой с его названием, для чего привлечены тексты В. Высоцкого и А. Вознесенского, бывавших в Барнауле проездом.

T.A. Bogumil. The Image of Barnaul in the Poetry of Its Citizens. This article belongs to the domain of studying urban «super texts» that is relevant in literary criticism. The subject of the research is the literary image of Barnaul, the capital of Altai Krai. The material for analysis is the lyrics of the leading Barnaul poets, in which the object of writer's introspection is the

city in historical perspective and modern reality. The methodological basis of the article is the study of «urban texts» by representatives of the Tartu-Moscow semiotic school (V.N. Toporov, Yu.M. Lotman) and their modern followers. Two basic principles to construct a text about the city are defined: local history and a psychological one. Historically, geographically, psychologically, biographically specific implementations of universal figurative constructions of the urban text are described. They are a city as a man, a book, the center of the world, the hell, twin cities and the opposition «capital – periphery / province». Peculiarities of the author's urban texts (M.I. Yudalevich, N. Nikolenkova) are defined in the context of local lyrics. The semantic halo of the city is formulated. It is created by means of language game (pun) with its name. The texts of V. Vysotsky and A. Voznesensky, who once visited the city of Barnaul, are mentioned in the study, as well.

И.В. Сергодеев. Интертекстуальность как генеральный смыслообразующий текстовый признак (на примере стихотворения Э. Дикинсон «Parting»). В статье рассматривается феномен интертекстуальности как отдельный текстовый признак. Понятие интертекстуальности раскрывается в широком и узком смыслах с позиции совокупности лингвокультурологического, интерпретативного и структурного подходов. Приводится краткий обзор типологий текстовых признаков. Интертекстуальности присваивается статус генерального смыслообразующего текстового признака. Определяется понятие поэтического текста. Осуществляется анализ смыслового комплекса текстовой единицы поэтического текста. В ходе анализа выделяются культурологические аспекты интертекстуальной природы рассматриваемой единицы. Результаты анализа представляют эволюцию смыслового комплекса текстовой единицы от словарного к несловарным, импровизированным значениям. Анализ проводится в пять этапов: фрагментация, контекстный анализ, поиск и определение интертекстуальных отношений между анализируемой единицей и единицами адресных текстов, контекстуальный анализ адресных текстов, семантический синтез. Практическим материалом исследования служит стихотворение «Parting» американского поэта Э. Дикинсон.

I.V. Sergodeev. Intertextuality as Major Sense-Making Text Feature (Exemplified by E. Dickinson's Poem *Parting*). The article deals with the phenomenon of intertextuality as a separate text feature. The concept of intertextuality is defined in the narrow and broad sense from the perspective of the total of linguistic, cultural, interpretative and structural

approaches. The overview of text feature typologies is given. Intertextuality is given the status of the major sense-making text feature. The notion of poetic text is defined. The analysis of semantic complex of a textual unit in poetic text is conducted. This analysis presents the cultural and textual peculiarities of intertextual nature of the given unit. The analysis results show the evolution of the textual unit's semantic complex from the dictionary meaning to non-dictionary improvised meanings. The analysis is carried out in five steps: fragmentation, contextual analysis, search and defining of intertextual relations between the analyzed unit and units of addressed texts, contextual analysis of addressed texts, semantic synthesis. The poem *Parting* by an American poet E. Dickinson serves as practical material.

Е.А. Вдовиченко, Г.И. Лушникова. **Дискурс любви в художественной литературе (на материале романа Эрика Шмитта «Попугай с площади Ареццо»).** Статья посвящена изучению художественного дискурса, который имеет свои разновидности – поддискурсы. В этом случае исследуется дискурс любви. Авторы данной статьи рассматривают особенности отражения дискурса любви в художественной литературе XXI века постмодернистского направления на материале романа французского писателя Эрика-Эммануэля Шмитта «Попугай на площади Ареццо», который также является известным философом и драматургом. Изучен любовный дискурс, реализующийся в описании взаимоотношений персонажей романа, которые отличаются между собой по возрастному, социальному, гендерному статусу, а также по характеру отношений между партнерами. Определены основные принципы построения дискурса любви, выделены общие и специфические черты актуализации дискурса любви в каждой паре, представленной в исследуемом романе. Анализ показал, что французский роман Эрика-Эммануэля Шмитта «Попугай с площади Ареццо» демонстрирует современный постмодернистский дискурс любви с элементами романтического дискурса.

E.A. Vdovichenko, G.I. Lushnikova. **The Discourse of Love in Literature (Based on the French Novel by Eric-Emmanuel Schmitt *Les Perroquets de la Place d'Arezzo*).** The article deals with the study of the artistic discourse, which has varieties of sub-discourses. In this case, we investigate discourse of love. The authors discuss the peculiarities of the discourse of love as represented in the postmodernist fiction of the XXI century on the basis of the novel *Les Perroquets de la Place d'Arezzo* by a famous French writer Eric-Emmanuel Schmitt, who is also a famous philosopher and playwright. The love discourse is revealed in the

description of characters that differ by their age, social and gender status, and also through the type of the relations between the partners. The basic principles of construction of discourse of love as well as the general and specific features of actualization of discourse of love with each couple presented in the discussed novel are defined. The love discourse in the novel *Les Perroquets de la Place d'Arezzo* by Eric-Emmanuel Schmitt has proved to be typical postmodern discourse with some elements of romantic fiction.

А.Ф. Корякина. Аналогии в сюжетных мотивах якутского олонхо и хакасского алыптых ныхмах. В статье ведется сравнительно-типологическое исследование древних сюжетных мотивов якутского олонхо и хакасского алыптых ныхмах. На материале текстов героических эпосов «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» и «Ай-Хуучин» обнаружены аналогии сюжетных мотивов времени первотворения мира, владений богатырей, чудесного рождения героинь, наречения богатыря, главной функции богатырок, красоты богатырки, выезда богатыря, описания борьбы богатырок с чудовищами, физической силы богатырок, оборотничества, жестокой расправы над трупом побежденного врага, коня-вестника, помощи родственников, описания чудовищ – врагов, установления мирной жизни. Эти мотивы являются общими, каноническими для архаических эпосов тюрко-монгольских народов о воинствующих девушках-богатырках. Зародившись когда-то в эпическом творчестве древних предков тюрко-монгольских народов, эти древние сказания передавались и распространялись с соблюдением исконных эпических канонов. Так они получили продолжение и развитие у якутских олонхосутов и хакасских хайджи-ныхмахчи. Сохранение характерных традиционных канонов является свидетельством того, что сказители П.П. Ядрихинский и П.В. Курбижеков являются продолжателями эпической традиции тюрко-монгольского сказительства.

Кроме того, наблюдаются не только аналогии, но и отличия в сюжетных мотивах: так в хакасском эпосе отсутствуют обязательные для якутского эпоса архаичные мифологические образы духов-покровительниц семьи и детей Иэйиэхсит хотун и Айыысыт хотун, духа-хозяйки Среднего мира Аан Алахчын Хотун, духа огня Хатан Тэмерийэ, священного дерева Аал Кудук Мас. Эти отличия являются свидетельством того, что в результате территориального отдаления друг от друга тюрко-монгольских народов эпическая культура каждого из них стала развиваться по-своему.

A.F. Koryakina. Analogies in Plot Motifs of the Yakut Olonkho and Khakass Alyptykh Numack. The article conducts a comparative-

typological study of the ancient plot motifs of the Yakut Olonkho and Khakass Alypty nymah . Based on the material of the heroic epic texts «Girl-hero Jyrybyn Jyrylyatt» and «Ai-Huuchin», analogies of plot motifs include the first creation of the world, possessions of heroes, miraculous birth of heroines, naming of heroines, main functions of heroines, beauty of heroines, departure of the hero, descriptions of the struggle of heroines with monsters, physical strength of female heroes, laboriousness, brutal massacre of the corpse of a defeated enemy, the messenger horse, help from relatives, descriptions of monsters – enemies, and the establishment of a peaceful life. These motifs are common and canonical for archaic epics of Turkic-Mongolian peoples about militant girl-heroes. Originating in the epic works of the ancient ancestors of the Turkic-Mongolian peoples, these ancient tales were transmitted and distributed in compliance with original epic canons. The persistent characteristics of Turkic-Mongolian traditional canons is evidence that the narrators, P.P. Yadrikhinsky and P.V. Kurbizhekov continue the epic tradition of the Turkic-Mongolian story. However, there are not only analogies, but also differences in plot motifs: thus, in the Khakass epic there are none of the archaic mythological images which are obligatory for the Yakut epic, such as the patron saints of the family and children Ieiyehsit Hotun and Aiyyysyt Hotun, the spirit-empress of the Middle World Aan Alahchyn Hotun, spirit of fire Hatan Temeriei, and the sacred tree of Aal Kuduk Mas. These differences are evidence that as a result of the territorial separation of the Turk-Mongolian peoples from each other, the epic culture of each of these peoples began to develop in its own way.

И.С. Пахомова. Специфика медицинского дискурса (на материале аутентичных текстов по нейрохирургии). Данная статья посвящена специфике письменного медицинского дискурса в области нейрохирургии. Отражено и рассмотрено понятие «медицинский дискурс». Автор анализирует функционально-стилистические особенности письменного медицинского дискурса, к которому относятся и письменные научно-популярные, аутентичные тексты по нейрохирургии, представленные в немецких медицинских журналах. Исследование показало, что письменный научный медицинский дискурс по нейрохирургии характеризуется строгим стилем изложения, так как используются терминология и сокращения, которые понятны только для узкого круга специалистов. Научно-популярный дискурс касается чаще всего вопросов профилактики и ухода за здоровьем и предназначен для широкой аудитории читателей: тексты данных статей более просты, выразительны, медицинские термины, клише

используются в меньшей мере. В статье автор приходит к выводу, что главными отличительными чертами медицинских текстов являются употребление большого количества специальной лексики, сокращений, особых грамматических структур, стремление к четкости и однозначности. В данной статье анализируется понятие «персуазивность» в рамках письменного медицинского дискурса. Под персуазивностью понимается влияние автора высказываний на читателя для того, чтобы убедить, призвать совершить какое-либо действие.

I.S. Pakhomova. The Specifics of Medical Discourse as Exemplified in Authentic Texts on Neurosurgery. The article discusses the specifics of written medical discourse. This article describes and analyzes the term «medical discourse». The author analyzes the functional - stylistic peculiarities of written scientific medical discourse and written popular science medical discourse as exemplified in authentic texts chosen from the major world medical journals. The research proved that written scientific medical discourse is characterized by the strict style of scientific presentation of neurosurgery, because terminology and abbreviations are used. Popular science written discourse addresses the large-scale readership on the issues of public health care: texts of these articles are simpler, fewer medical terms and clichés are used. In the article the author comes to the conclusion that the main features of medical texts are the use of a large number of special vocabulary, abbreviations, special grammatical structures, aiming at clearness and unambiguity. In this article the term «persuasive impact» is studied in the context of written medical discourse. Persuasive impact is regarded as manipulation of the reader of the messages with the aim to persuade, call them for some action.

М.И. Абдыжапарова, Т.В. Федосова. Образность в научном дискурсе Эрика Берна (на материале книг Э. Берна «Games People Play» и «What Do You Say after You Say “Hello?”»). Настоящее исследование является продолжением работы авторов «Метафоры, которыми жили теории Эрика Берна», написанной в русле когнитивных исследований и опубликованной в журнале «Филология и человек» [Абдыжапарова, Федосова, 2019], в которой систематизируются метафоры, представленные в работах данного психолога, а также раскрывается их функциональный потенциал. Предметом данного исследования является научный стиль Э. Берна, а также образные средства, представленные в его научных трудах. Задача заключается в том, чтобы описать черты научного стиля Э. Берна, а также обозначить специфику употребленных им образных

средств. В данную статью, помимо метафор, не описанных ранее, включены паремии и иные образные средства (сравнение, аллюзия, гиперболa, ирония, метонимия, олицетворение), используемые автором, а также выявлены стилистические черты научных работ Берна, обусловленные особенностями его мировоззрения. В ходе работы применялись следующие методы: метод семантического определения, метод наблюдения над языковыми фактами, описательный метод (при описании полученных в ходе исследования результатов), элементы интерпретации, концептуального и контекстного анализа.

M.I. Abdyzhaparova, T.V. Fedosova. Imagery in Eric Berne's Scientific Discourse (Case Study of Books "Games People Play" и "What Do You Say after You Say "Hello?"). This paper is a logical continuation of the authors' work «Metaphors Eric Bern's Theories Lived by» which was written as cognitive research and published in «Philology and Man» [Abdyzhaparova, Fedosova, 2019]. This research systematizes metaphors represented in the works of this psychologist and reveals their functional potential. The object of the research is the scientific style of the psychologist, peculiarities and figurative means that are presented in Eric Bern's works. The objective is to describe the classical features of Bern's scientific style and to specify the purpose of using these figurative means of expression. But for metaphors, not mentioned before, paroemia and other expressive means (comparison, allusion, hyperbole, irony, metonymy, personification) are used by the author. The paper also describes stylistic features of scientific works of Bern which are determined by his belief system. The following methods were used in the research: the method of semantic definition, the method of observing linguistic phenomena, the descriptive method, the elements of interpretation, conceptual and contextual analysis.

М.А. Васильченко. Стиль и «личность бренда» (на примере российской версии журнала «Форбс»). В статье рассматривается значение стиля в структуре бренда, а также его роль в выстраивании личности бренда. Исследование построено на достижениях лингвистики и маркетинга, что делает его междисциплинарным. Выдвигается предположение, что бренд обладает стилем, который объединяет все его элементы и атрибуты в единое целое. Стиль, как следствие, узнаваем во всех проявлениях бренда, как в визуальных (например, логотип), так и в текстовых (слоган). Исследование проводится на примере российского издания журнала «Форбс», тексты которого рассматриваются как часть рыночного предложения, речевой

стиль которых также должен подчиняться речевой концепции бренда. Для проверки гипотезы используется стилистический анализ. Эмпирический материал был собран методом сплошной выборки главных материалов выпусков, вышедших с января 2017 по декабрь 2018 года. Делается вывод о том, что основными доминантами речевого стиля издания являются нейтральная тональность и ограниченное использование экспрессивных и оценочных лексем. Тем не менее авторская оценка выражена имплицитно (через использование цитат и косвенной речи), что позволяет продвигать такие идеалы бренда, как успешность и материальные ценности.

M.A. Vasilchenko. Style and Brand Personality (Case-Study of Forbes Russia). The article assesses the meaning of style in a brand structure and its importance for building a brand personality. The research is based on insights derived from linguistics and marketing, which makes this research interdisciplinary. The author assumes that any given brand has a style that unites all its elements and attributes. As a consequence, a brand style is recognized in every component of a brand: visual (e.g. logo) as well as textual (slogan, jingle song). The research considers the case of the Russian edition of Forbes magazine, the texts of which are analysed as a part of the market offer, which should also be subordinated to the overall style conception. In order to test the hypothesis a stylistic analysis was conducted. The sample consists of the cover stories of issues published from January 2017 to December 2018. The author concludes that the main linguistic features of the Forbes Russia speech style are the neutral register and limited use of expressive and evaluative lexemes. However, the journalists' assessment is expressed implicitly (through the use of quotations and indirect speech) and this is the way to promulgate such brand values as success and material wealth.

К.В. Смирнов. Одиночество молчания, если его можно так назвать (образ Оленьки в романе С.Д. Хвоцинской «Городские и деревенские»). Данная статья посвящена образу Оленьки, одной из главных героинь романа С.Д. Хвоцинской «Городские и деревенские». Детально проанализирована специфика образа, выявлены контекстуально-обусловленные элементы, дополняющие мировоззренческие ориентиры героини, показано своеобразие выстраивания отношений Оленьки с другими персонажами. Через образ героини С.Д. Хвоцинская продолжила разрабатывать центральную тему ее творчества – тему одиночества. Специфика женского мировосприятия и непростая судьба героини, вынужденной страдать от непонимания близких и скованной одиночеством, является

отличительной особенностью идейной парадигмы произведения, которое по праву может считаться гимном обреченности на страдания. Оленька страдает одиночеством потерянности, неспособностью обрести социальный статус, соответствующий ее мировоззренческим установкам. Данная статья может быть интересна всем, кто интересуется творчеством С.Д. Хвошинской и женской прозой середины XIX века.

K.V. Smirnov. Loneliness of Silence, if It Can Be Named So (The Image of Olenka in the Novel by S.D. Khvoshchinskaya *The City and Country Falks*). This article focuses on the character of Olenka, one of the main characters of the novel by S.D. Khvoshchinskaya *The City and Country Falks*. The peculiarities of the image have been analyzed in detail as well as context-dependent elements which shape the belief-system of the character and the specificity of Olenka's relations with other characters. Through the image of the heroine, S.D. Khvoshchinskaya continued to develop the central theme of her work – the theme of loneliness. The specificity of the female worldview and the hardships of life of the heroine, forced to suffer from misunderstanding of loved ones and constrained by loneliness, is a distinctive feature of the ideological paradigm of the work, which can rightly be considered an anthem to the doom to suffer. Olenka is suffering from loneliness, inability to gain a social status which would answer her belief-system. This article may be of use to all who are interested in the work of S.D. Khvoshchinskaya and women's prose of the mid XIX century.

А.И. Дреер, О.А. Скубач. Гетеротопия лагерного Севера в «Колымских рассказах» В. Шаламова. В статье цикл В. Шаламова «Колымские рассказы» рассматривается с помощью учения М. Фуко о гетеротопиях. Понятие «гетеротопия» (буквально – «другое место»), по мысли французского философа определяющее специфические пространства, в которых заметно смещаются или трансформируются в первую очередь социальные нормы и практики, как нельзя лучше характеризует лагерное колымское пространство в рассказах Шаламова. В текстах писателя вся советская пенитенциарная система 1920-1950-х годов представлена как иерархия «иных» мест, завершает которую исправительно-трудовой лагерь, являющийся кульминацией советского пенитенциария. Все типы «внелагерного» пространства (в том числе и пространство «большой земли») при этом оказываются соотнесены с топосом ГУЛАГа; их значения определяются через место в этой репрессивной иерархии. Особую функцию в мире «Колымских рассказов» играет мотив «бесконвойности»; именно он, по мнению

писателя, очерчивает предельные границы свободы советского человека, способного, в лучшем случае, оказаться на границе пенитенциарной системы, но никогда – за ее пределами.

A.I. Dreer, O.A. Skubach. Heterotopy of Labor Camp North in the *Kolyma Stories* by V. Shalamov. In the article, the cycle of V. Shalamov *Kolyma Stories* is considered with the help of M. Foucault's theory on heterotopies. The concept of «heterotopia» («another place»), according to the French philosopher, defines specific spaces in which social norms and practices noticeably shift or transform, primarily characterizes GULAG space in Shalamov's stories. In the writer's texts, the entire Soviet penitentiary system of the 1920s-1950s is presented as a hierarchy of «other» places terminated by the labor camp, which is the culmination of the Soviet penitentiary system. All types of space outside the camp (including the «big earth» space) at the same time turn out to be correlated with the topos of the GULAG; their values are determined by place in the repressive hierarchy. A special function in the world of *Kolyma Stories* is played by the concept of «without convoy»; this is the one, in the writer's opinion, which outlines the ultimate limits of a Soviet person's freedom, who can, at best, be on the border of the penitentiary system, but never outside its borders.

НАШИ АВТОРЫ

АБДЫЖАПАРОВА,
Марина
Илларионовна

– кандидат филологических наук, доцент
Югорского государственного университета
(Ханты-Мансийск).
E-mail: mabdyzharova@mail.ru

АБРАМОВА,
Елена
Ивановна

– кандидат филологических наук, доцент
Московского государственного областного
университета.
E-mail: abramel@mail.ru

БОГУМИЛ,
Татьяна
Александровна

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: tbogumil@mail.ru

БОРИСОВА,
Ольга
Геннадиевна

– кандидат филологических наук, доцент
Кубанского государственного университета
(Краснодар).
E-mail: leliastom@mail.ru

ВАСИЛЬЧЕНКО,
Мария
Александровна

– преподаватель, соискатель Московского
государственного университета
им. М.В. Ломоносова.
E-mail: maria.a.vasilchenko@gmail.com

ВДОВИЧЕНКО,
Елизавета
Анатольевна

– кандидат филологических наук, преподаватель
МБОУ «СОШ № 28» (Кемерово).
E-mail: elizaveta90@mail.ru

**ГОЛЯНСКАЯ,
Валерия
Александровна**

– магистрант Кемеровского государственного университета.
E-mail: ms.golyanskaya@mail.ru

**ДРЕЕР,
Андрей
Иванович**

– магистрант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: akxel_1994@mail.ru

**ЕГОДУРОВА,
Виктория
Макаровна**

– доктор филологических наук, доцент
Бурятского государственного университета
им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ).
E-mail: egodurova52@mail.ru

**КОРЯКИНА,
Антонина
Федоровна**

– кандидат педагогических наук, завсектором
«Текстология олонхо» Научно-
исследовательского института олонхо Северо-
Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова (Якутск).
E-mail: aitalilen@mail.ru

**КОСТИНА,
Людмила
Юрьевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Кубанского государственного университета
(Краснодар).
E-mail: patriot30@mail.ru

**ЛУШНИКОВА,
Галина
Игоревна**

– доктор филологических наук, профессор
Гуманитарно-педагогической академии (филиала
Крымского федерального университета
им. В.И.Вернадского в г. Ялте).
E-mail: lushgal@mail.ru

**МЕЛЬНИК,
Наталья
Владимировна**

– доктор филологических наук, профессор
Кемеровского государственного университета.
E-mail: saikova@mail.ru

**ПАХОМОВА,
Ирина
Станиславовна**

– аспирант Смоленского государственного
педагогического университета.
E-mail: irina.paxomowa2012@yandex.ru

**САФРОНОВА,
Елена
Юрьевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: esafr@mail.ru

**СЕРГОДЕЕВ,
Илья
Витальевич**

– кандидат филологических наук, доцент
Снежинского физико-технического института
Национального исследовательского ядерного
университета «МИФИ».
E-mail: moon_stone@mail.ru

**СКУБАЧ,
Ольга
Александровна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: helga-sk@mail.ru

**СМИРНОВ,
Кирилл
Валентинович**

– кандидат филологических наук, преподаватель
Вологодского колледжа связи и информационных
технологий.
E-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru

**ФЕДОСОВА,
Татьяна
Викторовна**

– кандидат филологических наук, доцент Горно-
Алтайского государственного университета.
E-mail: tatyana.fedosova@gmail.com

**ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна
Владимировна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: labrlexis@mail.ru

**ШЛЯХОВОЙ,
Дмитрий
Александрович**

– старший преподаватель Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации.
E-mail: shliakhovoi_da@mail.ru

**ШПИЛЬНАЯ,
Надежда
Николаевна**

– доктор филологических наук, доцент
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: venata85@mail.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс П5843
в каталоге Почты России

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77–30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 29.08.2019. Подписано в печать 03.09.2019. Дата выхода издания в свет 06.09.2019. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № хх.

Издательство и типография Алтайского государственного университета.
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 204.

© Издательство Алтайского государственного университета, 2019

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 35 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 20 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов – объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распорочные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание научных изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости – с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).
7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы и References.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола

заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.